

Х. Ланге

В стране Львиных Гор

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Х. Ланге

В стране Львиных Гор

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

HARALD LANGE
Im Land der Löwenberge
Leipzig, 1976

4

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с немецкого
Р. М. СОЛОДОВНИК

Ответственный редактор,
автор послесловия и примечаний
Л. Е. КУББЕЛЬ

Ланге Х.

Л22 В стране Львиных Гор. Пер. с нем. Р. М. Солодовник. Послесл. Л. Е. Куббеля. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

216 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор, фотокорреспондент из ГДР, рассказывает о своей поездке в Сьерра-Леоне, молодую развивающуюся страну в Западной Африке. Он описывает свои встречи с людьми, природу страны, обычаи и нравы ее жителей.

Л $\frac{20901-101}{013(02)-81}$ 140-81. 1905020000

91 (И6)

© VEB F. A. Brockhaus Verlag, Leipzig, 1976.

© Перевод, послесловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

В первую мою ночь в Африке я внезапно проснулся. Кто-то меня разбудил. «В чем дело?» — закричал я со сна в темноту, но никто не ответил. Несмотря на распахнутое окно, в комнате было невыносимо жарко. Я выругался сквозь зубы и сердито повернулся на другой бок.

Но не тут-то было... Теперь я хорошо различил непривычный тихий шум. Вот, значит, кто не давал мне покоя: десятки moskitov с раздражающим жужжанием вились вокруг моей головы. Я моментально включил свет, закрыл окно и принялся вымещать досаду на ненасытных мучителях, которые так настойчиво пытались выяснить, какая у меня группа крови.

Пока я мирно спал, жужжащие кровопийцы успели оставить автографы на моих руках и ногах. Укусы были еле заметны, но кожа вокруг них покраснела и воспалилась. Я намочил полотенце и яростно обрушился на комариков. За какие-то секунды двадцать три из них полегли смертью храбрых.

Профилактика от малярии! — ударило мне в голову. Как мог я забыть про желтые таблетки, которыми меня снабдил д-р Гранц из клиники тропических болезней при Университете им. Карла Маркса в Лейпциге! Для перестраховки я проглотил сразу двойную дозу из маленькой стеклянной трубочки.

Но сна как не бывало. Обливаясь потом, я лежал с открытыми глазами, беспомощно глядя в темноту. Вспомнился мой отъезд из Ростока...

Этот февральский день был холодным и ветреным. Дождевые тучи нависли над портом, когда я поднялся на борт «Розенорта». Он должен был доставить меня в маленькую страну на гигантском континенте Африки, о которой мало что можно узнать из специальной литературы, — в Сьерра-Леоне на Атлантическом побережье.

Несколько месяцев готовился я к этой поездке и обдумал все до мелочей. Нередко ведь подготовка — самая напряженная часть путешествия. И все же, когда в аванпорте Варнемюнде лоцман покинул наше судно и с ним порвалась последняя видимая нить, связывавшая меня с родиной, мною овладело беспокойство. Не забыл ли я чего? Если в моем «Баркасе» среди грузов нет чего-нибудь необходимого, то вряд ли я это раздобуду на дорогах Западной Африки. Правда, каждое путешествие в чужую страну требует определенной находчивости и умения приспособливаться к непредвиденным обстоятельствам. С этой стороны, казалось мне, моим планам ничто не угрожало.

«Розенорт» водоизмещением пять тысяч брутто-регистрационных тонн был самым маленьким судном, курсировавшим на наших западноафриканских линиях. Матросы закрепили мой «Баркас» позади огромного контейнера, который надежно защищал его от огромных валов, перекатывавшихся через палубу. Трудно себе представить, какой разрушительной силой обладает разбушевавшаяся соленая вода. Что для нее тонкие стенки и стеклянные окна автомобиля, если перед ней не могут устоять даже железо и сталь!

Балтийское море, однако, вело себя спокойно. Судовые машины работали на полную мощность. Над кормой в воздухе зависло несколько чаек, терпеливо ждавших, когда за борт полетят кухонные отбросы. На следующую ночь мы достигли Скагеррака, и нос «Рози», как ласково называла свое судно команда, уже «пахал» воды Северного моря.

Еще через два дня мы бросили якорь в Антверпене, чтобы принять новые грузы для Западной Африки.

После спокойной стоянки в порту мне показалось, что Па-де-Кале слишком энергично нас приветствует. Да и Бискайский залив не очень-то считался с тем, что на палубе есть человек, впервые пустившийся в плавание. Судно с трудом переваливалось по вздувшемуся морю. Когда «Розенорт» с гребня высоченной волны низвергался в разверзшуюся рядом пропасть, на его палубу обрушивались белопенные валы. «Рози» то крутилась волчком, то во власти килевой качки болталась почти на одном месте, то валилась с одного борта на другой.

— Ну и погодка! — пробормотал штурман на койке. — О плаваниях хорошо только пить, но дома это не верят.

За ужином кают-компания заполнилась лишь наполовину, и дело было не в меню. В моей каюте все пришло в движение. Три ящика ночного столика выдвигались одновременно, как по неслышной команде, при вижении корпуса судна в другую сторону с грохотом озвращались в исходное положение, но лишь для того, чтобы в следующую секунду снова открыться. Бутылка неспошлинного коньяка с категорической надписью: «Употреблять только при волнении на море!» — предмет моей нежнейшей заботы — упала со стола, и ее содержимое вылилось, словно это была простая вода. В каюте надолго установился запах дешевой забегаловки. Капитан, «учуяв» его, заявил с официальным видом:

— Дорогой мой, пейте сколько вашей душе угодно, но помните, в шлюпку вы должны сесть без посторонней помощи.

Он имел в виду спасательную шлюпку, приготовленную на верхней палубе с левого борта и только, казалось, и ждавшую сигнала тревоги. Так разбушевавшееся море «подмочило» мою репутацию. В ярости я тыкался, подчиняясь невидимым силам, из одного угла в другой, старался спасти, что можно, и наконец решил «лечь в постель».

Едва я без сил растянулся на койке, как рядом в буфете раздался веселый звон осколков и сразу же за ним крик отчаяния нашей прелестной стюардессы, оплакивающей содержимое шкафчика — чашки и глубокие тарелки. Из холодильника в салоне на пол скакали бутылки пива.

— Посуда бьется к счастью, — утешал ее подошедший на шум вахтенный офицер. — Если мы удержимся на курсе, то к ночи увидим огни Финистерре. Тогда станет потише.

И действительно, когда показался мыс Финистерре на северо-западном побережье Испании, названный когда-то концом света, мы почувствовали облегчение. Волнение заметно ослабло, Атлантический океан спокойно принял нас в свои объятия. Уже не было слышно звона бьющейся посуды, отвратительное чувство тошноты прошло, еда казалась опять вкусной. И каким

прекрасным стало плавание! Мы миновали восхитительный город Лас-Пальмас на Канарских островах держали курс на Дакар. При мысли, что завтра мы увидим Африку, мое сердце забилося учащенно.

Африка манила меня с детства. И теперь я втайн надеялся найти там отблески того волшебного очарования, которое когда-то влекло к ней великих путешественников, а позднее — ученых различных специальностей со всего мира, интересовавшихся своеобразной культурой темнокожих народов и удивительными сообществом вами животных и растений.

Солнце еще только вставало, когда я с биноклем руках уселся на пеленгаторном мостике, с нетерпением всматриваясь в далекий горизонт впереди, где в легкой дымке земля и небо, казалось, сливались воедино. На востоке из бесконечных далей океана поднимался гигантский огненно-красный шар солнца. Он с каждой минутой разгорался все более ярким желтым светом пока наконец его сияние не залило все необъятное море и затерявшееся в нем наше судно. Неужели это то же солнце, что светит над Европой? Мне оно казалось больше, светлее, ярче обычного. Конечно же, это солнце Африки!

Прошло не меньше двух часов, прежде чем рулевой тронул меня за плечо: «Впереди земля!» Я поднес бинокль к глазам. На горизонте появилась узкая светлая полоска — берег Сенегала. Еще через два часа я разглядел песчаные дюны, простиравшиеся насколько хватал глаз. Берег был плоский, кое-где на нем росли пальмы. При виде его только очень большой энтузиаст мог не испытать разочарования. Первую встречу с Африкой я представлял себе совсем иначе.

После завтрака мы миновали лежащий перед Дакаром островок Горé с остатками старинных укреплений. В XVIII веке здесь в нечеловеческих условиях держали сенегальских рабов в ожидании европейских судов, на которых их переправляли в Америку, где несчастные должны были работать на обширных хлопковых плантациях. Сколько горя и страданий видел этот пустынный островок, какие страшные трагедии происходили здесь!

Перед обедом мы вошли в порт Дакара. Впереди четко вырисовывался мирный светлый силуэт современно-

о города. Над портовыми сооружениями парило нечислимое множество черных грифов. Слабо разветленным хвостом они напоминали наших красных корцунов, с которыми действительно находятся в родстве. Хищники искали на берегу дохлую рыбу и, завидев выброшенную морем добычу, затевали из-за нее ожесточенную драку. Грифы уничтожали и многие другие портовые отбросы.

Едва «Розенорт» бросил якорь, как пирс перед ним зуквально в мгновение ока заполнился людьми. На него немедленно выплеснулась небольшая армия торговцев, среди которых преобладали высокие, стройные сенегальцы. Одни приехали в роскошных современных лимузинах, другие прибежали лишь с перекинутым через плечо узелком, но и те и другие безошибочно почуяли запах «бизнеса». В один миг на горячем бетоне у трапа были разложены товары, в основном резные изделия из красного дерева, жемчужные ожерелья, украшения из слоновой кости, а также местные попугаи, зеленые мартышки и даже две большущие живые змеи. Живописное зрелище, которое ни одного фотографа не оставило бы равнодушным!

— Хэлло, сюда, пожалуйста! — приглашал сенегальский торговец широким, гостеприимным жестом. — Отдам по сходной цене!

В Сенегале еще со времен колониального владычества говорят по-французски, но эти портовые торговцы, истые космополиты, объяснялись на многих языках.

— Ну, пока цена и в самом деле станет «сходной», потребуется немало времени и терпения! — крикнул мне со смехом капитан, видя, что я собираюсь спуститься и рассмотреть товары вблизи. В Африке не существует твердых цен, и, чтобы преуспеть в «коммерции», прежде всего необходимо постигнуть искусство торга. А это совсем не просто, ибо вовсе не легко изображать безразличие, когда на самом деле сгораешь от желания стать обладателем прекрасных вещей. Торговцы исподтишка внимательно наблюдали за мной, чтобы по выражению моего лица решить, сколько содрать с меня за тот или иной товар. Это все были тертые калачи, в своем деле они прошли огонь, воду и медные трубы, а я очень скоро понял, что талантом актера отнюдь не обладаю. Мне не удалось провести этих прожженных

торгашей. Правда, товары они предлагали в самом деле чудесные: стилизованные изображения животных, полуфигурки женщин с традиционными африканскими прическами, маски, веселые и страшные. Большинство изделий с характерным коричневым оттенком было из красного дерева, а некоторые вещицы — из тяжелого эбенового, или черного, дерева. Хотя и рассчитанные на вкус покупателей, прежде всего туристов, это все были действительно прекрасные оригинальные сувениры. Ну как тут устоять? Прежде чем я ступил на землю Африки, в моем багаже оказалось «несколько килограммов» изделий сенегальских ремесленников.

Весть о нашем прибытии дошла и до портовой таможни. Три таможенника в элегантной форме спокойно поднялись по судовому трапу. Каждый держал под мышкой хорошенькую полотняную сумочку. Мне это показалось откровенным намеком, да и капитану тоже, и, умудренный опытом, он не стал этим пренебрегать. Пока белокурая стюардесса в кают-компании угощала таможенников, капитан преподнес им заранее приготовленные подарки. Подношения, сопровождаемые ослепительными улыбками чиновников, немедленно исчезли в сумочках. Прекрасная сцена!

Теперь ничто не мешало приступить к выполнению формальностей. Наши декларации были в один миг проштемпелеваны, и таможенный досмотр закончился взаимными вежливыми поклонами. Горе капитану, который вздумает обойти традиционные обычаи!

Когда полуденный зной начал спадать, я взял фотоаппарат и отправился бродить по городу. Дакар, столица Сенегала, во всяком случае его центр, состоит из больших современных зданий и поэтому мало чем отличается от европейских городов. Правда, всюду еще явственно ощущается французское влияние. Дакар является центром франкофонной культуры и науки Западной Африки. Президент Сенегала — известный писатель и философ Л. С. Сенгор¹.

Белые оштукатуренные фасады огромных монументальных зданий банков и административных учреждений отражали яркий солнечный свет. Он резал глаза, но мне не хотелось надевать темные очки, которые испортили бы чарующее зрелище игры светотеней тропического дня. В этот час тротуары были почти без-

юдны. По широким центральным улицам лениво текла тонкая струйка машины. Большинство учреждений было закрыто: жители предпочитают в это время суток отдыхать где-нибудь в тени; только вездесущие таксисты не знают покоя. Коротко сигналив, они старались привлечь мое внимание и даже иногда ехали недолго за мной следом. «Нет, спасибо», — качал я головой в знак отрицания: мне хотелось спокойно походить по Дакару. «О'кей, сэр!» — И они уже мчались дальше, за другим вероятным клиентом.

А вот чистильщики обуви раздражали меня. Они были гораздо назойливее, сопровождали меня, куда бы я ни шёл, заговаривали со мной. Это действовало на нервы, тем более что нигде и никогда я не видел такого множества чистильщиков, как здесь, в Дакаре. Конечно, я прекрасно знал, что все они беднейшие из бедных; при остром недостатке рабочих мест чистка обуви для многих из них — единственное средство существования, но не мог же я через каждые пятьдесят метров платить несколько сантимов за чистку ботинок!

Вековое господство французских колонизаторов привело к тому, что Сенегал остался отсталой, аграрной страной. Хотя в прибрежных городах легкая промышленность сравнительно высокоразвита, свыше восьмидесяти процентов сенегальцев заняты в сельском хозяйстве, причем на половине обрабатываемой площади, особенно в области Сине-Салум на юге, выращивают арахис. За исключением торговли арахисом, почти во всех сферах хозяйственной жизни Сенегала преобладает иностранный капитал.

Приток сельского населения в крупные города только увеличил армию безработных, что, естественно, не способствовало решению проблем, стоящих перед правительством. Большинство населения Дакара, составляющего около четырехсот пятидесяти тысяч человек, живет в пригородах.

Как только я вышел за черту города, вид резко изменился. Лачуги из жести лепились одна к другой, образуя настоящие трущобы. Каждый клочок земли между ними был использован. Сияющий блеск центра терялся здесь в нищенской тесноте жалких жилищ.

Из некоторых домов раздавались громкие звуки транзисторов. Меня окружала пестрая, суевливая тол-

па: мелкие торговцы, продавцы мороженого, воды, пирожков, овощей, портные, старьевщики. Одни имели здесь постоянные заведения, другие возили свой товар на тачках или носили перед собой на лотках и, с трудом пробираясь по узким, забитым людьми переулкам, криками призывали покупателей. У меня рябило в глазах от живописной пестроты одежд женщин, которые болтали друг с другом перед дверями своих домов. Условия жизни здесь весьма примитивные, но жителям этих районов приходится мириться с ними. В социальном плане наследие колониализма также далеко еще не преодолено.

«Дакар-матэн!», «Ле монд нуар!», — звенели у меня в ушах крики мальчишек, продававших газеты. Почти дети еще, они почитали за счастье иметь настоящую работу, хотя она приносила им едва ли несколько франков в неделю.

Перед широкой лестницей Дома правительства я разговорился с пожилым африканцем, заинтересовавшимся моим фотоаппаратом. На нем были красная феска и ниспадавшее многочисленными складками голубое одеяние до пят. На небритом подбородке пробивалась редкая серебристо-серая растительность. Нос венчали толстые роговые очки. Выяснилось, что он много путешествовал. В молодости он бывал в Берлине и Лейпциге и теперь вспоминал улицы и рестораны, которых давно уже не было или которые носили теперь иные наименования. «Вот, помню, „Кристаллпаласт“...» Поразительно, что слава этих мест их пережила.

В порту полным ходом шла разгрузка «Розенорта». С десятков африканских грузчиков в поте лица своего работали в трюмах и на палубе. Грузовая стрела переносила огромные тюки на сушу.

Блестящие коричневые тела африканцев в мягком вечернем свете на фоне большой бухты были прекрасной натурой для моего фотоаппарата, которую я не мог упустить. Но грузчики, истые мусульмане, при виде направленного на них фотообъектива прекратили работу и, грозя мне кулаками и прямо кипя от ярости, осыпали меня ругательствами. Я испугался и счел за благо удалиться.

Эта первая неприятная встреча с мусульманами-фотоненавистниками привела меня в большое уныние.

ное дело, в Сьерра-Леоне я скорее всего столкнусь теми же трудностями. Только потом я узнал, какой гучей силой обладает чудодейственное слово «бак-ш» и как слабеет авторитет Аллаха, когда благо-ование дают чаевые.

В САМОЙ БОЛЬШОЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ГАВАНИ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

На следующее утро мы покинули Дакар, где произошла моя первая встреча с Африкой.

За завтраком капитан ел сырую морковь. Он решил бросить за этот рейс двадцать фунтов веса, чтобы снова иметь возможность покупать готовую одежду. Позже, уже стоя на мостике, он размышлял вслух о сочном бифштексе с шампиньонами и гренками и так подробно, смакуя, описывал приготовление своего любимого блюда, что присутствующие буквально изошли люной.

«За бортом дельфины!» — крикнули с мостика. Я ринулся на палубу. Известные своим дружелюбием, животные изящным движением выпрыгивали из воды. Десять, двадцать! Ничего удивительного: дельфины иногда собираются в стаи по сто особей.

Какое-то время они плыли рядом с нами. Эти маленькие зубатые киты, делающие около тридцати пяти километров в час, отличные пловцы. Их хищная пасть содержит до двухсот шестидесяти зубов, расположенных с небольшими равномерными промежутками по принципу шестерни, так что при прикусе нижняя и верхняя челюсти смыкаются. Дельфины обладают поразительно развитым интеллектом. Некоторые исследователи считают, что они не уступают по умственным способностям человекообразным обезьянам.

Я побежал в каюту за фотоаппаратом, но, когда возвратился на палубу, удивительные морские млекопитающие уже исчезли из виду.

Дальше судно делает остановки в столице Гамбии Батерсте (ныне Банджул), гвинейском порту Конакри, а затем во Фритауне. Там я окончательно сойду на сушу. «Розенорт» вспарывал зеркальную темно-синюю гладь океана, двигаясь со скоростью шестнадцати мор-

- Границы государственные
- Границы административных единиц
- ФРИТАУН** Столицы государств
- Макеби Центры административных единиц
- Сулима Прочие населенные пункты

- Железные дороги
- Безрельсовые дороги
- Порты
- Аэропорты
- 1948 • Отметки высот
- Болота

1-западная область 2-Сьерра-Леоне

Карта Сьерра-Леоне

ских миль в час. Хмурые дни Бискайского залива остались далеко позади, и мы испытывали странное чувство от того, что в феврале, когда у нас дома снег, лед, холод, здесь, в Дакаре, мы ломали себе голову над тем, что бы еще с себя снять! Сначала мы только в плавках могли переносить тропический зной, да и то лишь сидя в тени. Но вскоре организм привык к влажному жаркому климату. Мы научились неосознанно экономить силы на любом движении, и я с каждым днем все больше акклиматизировался в тропиках. Меньше чем за две недели мы из европейской зимы переместились в субтропическую весну, а затем в жаркое тропическое лето.

От Конакри до Фритауна всего несколько часов ходу, так мало, что палубная команда решила не задраивать тяжелые люки. Они оставались открытыми до разгрузки во Фритауне на следующий день. Это не угрожало никакими неожиданностями: в сухой сезон, от середины ноября до конца апреля, погода на западноафриканском побережье отличается поразительной устойчивостью. Только в основной дождливый сезон, с июля по сентябрь, когда всюду дуют африканские юго-западные муссоны, здесь часто бывают так называемые торнадо — связанные с циклонами ураганные ветры, которые могут быть опасны и для мореплавателей.

На чернильно-синем небе уже стояла полная луна и мерцали звезды, когда мы приблизились к полуострову Сьерра-Леоне. Капитан приказал сбавить скорость: в такой поздний час нам все равно не получить лоцмана и мы проведем эту ночь на рейде.

Машины смолкли. Якорь, громыхая, ушел в глубину. Мы стояли перед Фритауном, столицей Сьерра-Леоне, в самой большой естественной гавани западноафриканского побережья.

Бухта занимает около двадцати квадратных километров и так глубока, что не нуждается в землечерпательных работах: даже во время отлива, при самом низком уровне воды, в ней могут швартоваться суда любого водоизмещения.

Вход в бухту с запада имеет около километра в ширину. Кстати, во время второй мировой войны здесь иногда укрывалось от вражеских подводных лодок свы-

ше двухсот пятидесяти судов. Отсюда наименьшее расстояние по морю от Африканского континента до Южной Америки, вернее, до Восточной Бразилии — «всего» две тысячи восемьсот километров, и этим определяется особенно важное значение Сьерра-Леоне для судоходства и авиасообщения. Оно было по достоинству оценено еще в XIX веке Великобританией, великой морской державой, и в 1872—1875 годах британские колониальные власти построили во Фритауне первый большой пирс (раньше суда приставали к небольшим частным причалам), но уже в 1900 году он не мог удовлетворить все потребности, и в 1910 году было решено построить постоянную причальную стенку. Лондон уже через три года выделил ассигнования на строительство, но его началу помешали события первой мировой войны. Только в 1954 году была завершена стенка длиной триста метров, где могли пришвартовываться два крупных судна и одно поменьше.

После достижения независимости правительство Сьерра-Леоне немедленно приступило к расширению и модернизации причальных сооружений, чтобы ускорить непрерывно возрастающий грузооборот. Ведь для такой страны, как Сьерра-Леоне, лишенной железнодорожного сообщения через сухопутные границы, морской транспорт имеет первостепенное значение. При мне на рейде обычно стояло много ожидавших своей очереди судов — верный признак того, что международные связи Сьерра-Леоне сильно расширились.

После 1966 года было построено четыре новых причала. Отныне во Фритауне могли приставать даже самые большие суда, которым раньше приходилось разгружаться на рейде. Теперь Фритаун считается одним из самых «скоростных» портов Западной Африки. Новая нефтяная гавань в Киси еще больше увеличила значение Фритауна в международном судоходстве на западноафриканских линиях.

Иная участь постигла старый порт Бонте на острове Шербро. В конце XIX века через него проходила половина всей внешней торговли, особенно ядрами пальмовых орехов, какао, кофе, имбирем и орехами кола, сегодня же его грузооборот весьма невелик — около двенадцати тысяч тонн. Дело в том, что содержание порта обходилось дорого вследствие заиливания реки

Шербро. Поэтому правительство построило на Шербро, вблизи Гбангбатака, новый грузовой порт Пойнт-Сэм для вывоза бокситов, добываемых на Моканджи-Хиллс. Океанские суда вместимостью до десяти тысяч брутто-тонн могут подниматься по Шербро до Пойнт-Сэма благодаря углублению фарватера. Потраченные на это средства вполне себя оправдали: ежегодный грузооборот нового порта составляет около четырехсот тысяч тонн.

В 1964 году был введен в эксплуатацию еще один причал — в старом железорудном порту Пепел на реке Сьерра-Леоне. Он носит имя первого премьер-министра Милтона Маргаи, который в 1961 году привел страну к независимости. Углубленный фарватер Сьерра-Леоне протяжением восемнадцать километров вверх по течению от Пепела принимал даже рудовозы вместимостью до тридцати тысяч брутто-тонн. Новые порты заморской торговли должны помочь стране быстрее преодолеть наследие колониального прошлого.

Я сидел один на палубе и, погруженный в свои мысли, смотрел на огни столицы, которые тысячами точек покрывали почти весь склон высокой горы. Вверх и вниз по горе мелькали зажженные автомобильные фары. По их движущемуся свету можно было во тьме проследить направление улиц. Несколько узких лодок шли к темному берегу. Может, это возвращались с уловом рыбаки и у причала в Кинг-Джимми их с нетерпением поджидали родные.

Около пятисот лет назад на этом берегу высадился португалец Педру ди Синтра. В 1462 году он увидел горные хребты полуострова, они напомнили ему спящую львицу, и он назвал их Сьерра-Леан — Львиные Горы. Но я, как ни старался, не смог обнаружить в очертаниях гор даже отдаленнейшего сходства с львицей. По другой версии, португальцы сошли на сушу во время сильной тропической грозы, какой неизменно начинается и заканчивается в этой местности сезон дождей, и эхо громовых раскатов в горах напомнило им рык льва. Так или иначе, факт тот, что государство Сьерра-Леоне никогда не было Львиной Страной. В его истории известны только два случая появления львов: оба они пришли из Гвинеи, преследуя стаи павианов, и вскоре были убиты.

Таким образом, эта маленькая страна обязана своим именем богатому воображению и ошибке открывших ее мореплавателей.

СВЕТЛАЯ ПОЛОСА НА ГОРИЗОНТЕ

Следующее утро началось трагически. Фритаунская портовая таможня потребовала залог за машину — восемьсот долларов, — или автомобиль останется в порту, и упорно стояла на своем!

Я то и дело вытирал пот со лба и пускался в длинные объяснения. Оба таможенника в нарядной форме цвета хаки терпеливо слушали меня и даже иногда кивали головами, вроде бы соглашаясь с тем или иным из моих доводов, но под конец неизменно раздавалось все то же:

— Сэр, восемьсот долларов.

Дело принимало скверный оборот. «Розенорт» уже вышел из порта и взял курс на Монровию, а на причале продолжал стоять под палящим солнцем мой «Баркас», набитый тысячами вещей для месячного путешествия по Сьерра-Леоне. Из таможенного плена его мог выволить только большой залог, но у меня не было таких денег. Что же делать? Я уже исчерпал все свое красноречие и в полной растерянности озирался вокруг, когда, словно по волшебству, счастливый случай послал мне ангела-хранителя.

Он явился в образе молодого африканца с черной бородой, который быстрыми шагами подошел к нам и, к моему удивлению, обратился ко мне на чистом саксонском диалекте:

— Прошу прощения, вы г-н Ланге из Лейпцига? — Я не поверил своим ушам, но, конечно, поспешно кивнул головой.

— Доктор Ибрагим Калверт Хассан, — представился бородач и с улыбкой протянул мне руку. Довольный впечатлением, которое произвели на меня его слова, он продолжал: — Я ветеринар, учился в Лейпциге.

— Да, но откуда вы узнали, что... — зачастил я, вне себя от радости от этой неожиданной встречи. Ведь я никому не сообщал о своем приезде.

— Прочел в ваших газетах. — Африканец упивался своим триумфом. — Вот, читайте сами.

С этими словами он вытащил из кармана мятый кусок бумаги и протянул его мне.

— Эту вырезку мне прислал коллега из Лейпцига, д-р Тайхман.

Я пробежал коротенькое сообщение о моих планах совершить путешествие по Западной Африке. Теперь все стало на свое место.

Уже две недели д-р Хассан каждый день справлялся в порту, прибыло ли судно «Розенорт» с пассажиром из Лейпцига на борту, и вот наконец он меня нашел. Мы с первого взгляда понравились друг другу.

— Знаете, г-н Ланге, я с большим теплом вспоминаю о времени учебы в Лейпциге,— сказал Хассан, сияя и весело подмигивая.— Если здесь, в Сьерра-Леоне, вам нужна помощь, я к вашим услугам.

Я был тронут и обрадован. Вот она, светлая полоса на горизонте, проблеск надежды.

Мы немедленно перешли в наступление: вверх по лестнице, вниз, снова вверх, из одного кабинета в другой. Нам вежливо объясняли, что высокий залог — мера предосторожности таможенных властей. Она порождена печальным опытом: спекулянты ввозили в Сьерра-Леоне машины якобы на короткое время, облагаемые в этом случае низкой пошлиной, а потом продавали их с большой выгодой для себя. Властям они заявляли, что машину украли или она попала в такую серьезную аварию, что пришлось ее бросить. Нередко они даже выставляли свидетелей, которые за небольшую плату подтверждали их показания. Конечно, никто не сомневается в честности моих намерений, но закон есть закон и нельзя делать для меня исключение. А если со мной действительно что-нибудь случится на дорогах внутри страны? Каждый из этих мелких чиновников, строго контролируемых своим начальством в гражданской службе, рискует тогда своим местом.

Наконец мы выяснили, что только министерство информации и радиовещания может вызволить меня из затруднительного положения, выдав разрешение на беспошлинный ввоз машины. Министерство помещалось в другом конце города, и мы взяли такси. Но к этому времени стрелки часов приблизились к шестнадцати, и в учреждениях уже никого не было. Пришлось не солоно

хлебавши возвратиться в порт, где таможенник согласился отложить решение вопроса на завтра.

— Да, но тогда надо перенести ваш багаж в безопасное место, — решил он.

Я даже не успел осмыслить, что это значит, как появились пятеро здоровенных парней и унесли все, что не было намертво привинчено к «Баркасу»: чемоданы, сумки, ящики, покрышки, мешки, веревки, одеяла, канистры для воды, картонные коробки, консервы, рюкзаки, пилу и топор — итого тридцать два места, все мое имущество, включая фотокамеру, объективы и драгоценную пленку. Со смешанным чувством наблюдал я за переноской вещей и в конце концов решил спокойно ожидать дальнейшего развития событий. Но как описать мой ужас, когда выяснилось, что «безопасное место» — всего-навсего проходная комната с тремя дверями, из которых только средняя охраняется более или менее надежно. Теперь я был готов к худшему и от волнения всю ночь не сомкнул глаз. Даже Хассан не мог меня успокоить.

Утром я сразу же пошел в министерство на Уотер-стрит. Хассан меня сопровождал. Нам повезло: начальник отдела информации Рой Джонсон был на месте. Молодая очаровательная секретарша мисс Лидия — позднее она прославилась как «мисс Сьерра-Леоне» — провела нас в кабинет. В светлой комнате благодаря кондиционеру царила приятная прохлада. Начальник, представительный мужчина в расцвете лет, с большими умными глазами, принял нас любезно, но сдержанно.

— О, вы из ГДР? — приветствовал он меня с явным интересом. — Вы у нас первый журналист из этой страны.

Я слегка поклонился. Первое впечатление всегда самое сильное. От того, как буду себя вести я, зависит отношение к моим соотечественникам в будущем. Забегая вперед, скажу, что, по-видимому, я имел успех. Но в тот момент я предоставил инициативу Хассану: он ведь знал обычаи своей родины.

Хассан не спеша приступил к разговору. Он начал издали, с живым интересом обсуждая события и явления, не имевшие ни малейшего отношения к моей таможенной проблеме. Я ему не мешал: Хассан, африканец, наверняка лучше понимал ход мыслей своих

Жительница Фритауна

соотечественников. Начальник отдела внимательно слушал, изредка поглядывая в мою сторону и затягиваясь короткой трубкой. Прошел всего какой-нибудь час оживленной беседы, и установилась действительно доверительная атмосфера, но ничто не предвещало, что разговор обратится к моему бедному «Баркасу», изнемогавшему на набережной под жгучими лучами солнца.

Тут мне показалось, что вполне уместно перейти к цели нашего визита.

Но стоило нам в осторожных выражениях изложить нашему собеседнику суть дела, как он, словно защищаясь, поднял обе руки:

— Увы, таможня есть таможня, государство в государстве! Ничего не поделаешь.

К счастью, дальнейший разговор показал, что с ним можно договориться. Короче говоря, он взял на себя ответственность за залог. Вздохнув с облегчением, я вручил ему подарки, и на этом аудиенция закончилась.

Не обращая внимания на жару, мы помчались обратно в порт. Таможенники со всех сторон подозрительно осмотрели «бумажонку». Я наивно полагал, что они ее прочтут и тотчас же возьмут у меня, но нас постигло жестокое разочарование. Мы еще целый день собирали подписи и печати — общим числом восемнадцать, пока меня окончательно освободили от внесения залога.

Уже под вечер, совершенно без сил, мы подкатили в «Баркасе» к портовым воротам. Перед ними стояла курчавая красавица в ослепительно-чистой полицейской форме. Вид у нее был такой, словно она собирается заварить всю кашу сначала.

Но Хассан не растерялся. Он отпустил несколько галантных комплиментов, вогнавших ее в краску. Какая женщина может против этого устоять? Она засмеялась кудахтающим смехом, на темном лице блеснули белоснежные зубы. Но самое главное — она подняла шлагбаум! Путь был открыт, мои африканские приключения могли начаться. Между тем «надежное место» оказалось действительно надежным. Из моего объемистого багажа не пропало ни одной вещи.

ФРИТАУН С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Из порта в город ведет улица, мягкой дугой поднимающаяся вверх. Фритаун широко раскинулся на крутых склонах гор Западной области, которые здесь, в ее западной части, террасами спускаются к Атлантическому океану. Такое расположение придает городу своеобразный характер.

С моря издалека видны как символ города распо-

ложенные высоко в горах белые фасады знаменитого колледжа Фура-Бей, самого старого университета Западной Африки. Его основали в 1827 году англикане — члены Церковного миссионерского общества — в качестве богословского учебного заведения для подготовки широких контингентов африканских священнослужителей, на которых со временем предполагалось возложить миссионерские функции. В 1876 году богословская школа была присоединена под названием колледжа Фура-Бей к университету в Дарэме, и с тех пор английские преподаватели систематически надзирали за успехами африканских студентов. Впоследствии были основаны и другие факультеты. В 1967 году Фура-Бей освободился от своих опекунов, порвал с Дарэмским университетом и стал самостоятельным Университетом Сьерра-Леоне.

«Баркас» с бодрым урчанием бежал по горячему асфальту. Нас провожали удивленными взглядами. Чем ближе к городу, тем оживленнее становилось движение.

Среди машин, подобно нам с трудом пробиравшихся по узким улицам, были представлены марки всего мира: миниатюрный «Фольксваген», «Москвич», «Рено», «Фиат», «Моррис», «Лендровед», «Тойота» — вплоть до американских лимузинов. Последних, правда, было мало: им всегда трудно найти место для стоянки. По официальным данным, в 1970 году в Сьерра-Леоне насчитывалось около двадцати пяти тысяч личных машин, грузовиков и автобусов, мотоциклов же было не больше двух тысяч. Еле двигавшийся хвост машин все чаще останавливался — это регулировщики пытались разгрузить боковые улицы. Я уже начал было недоумевать по поводу странной манеры езды сьерра-леонских автомобилистов и хотел обратиться за разъяснениями к Хассану, который сидел рядом, уткнувшись в правительственную «Дейли мейл», когда на перекрестке вдруг обнаружил причину заторов на дорогах. «С 1 марта — правостороннее движение» — вещали с плаката гигантские буквы. Чем же удивляться, если в Сьерра-Леоне только пять дней назад было введено правостороннее движение.

Теперь я понял, почему водители впереди меня, воспитанные в традициях левостороннего движения, подъезжали к перекрестку свехосторожно и с небывалой в

Умение африканцев носить тяжести на голове, граничащее с искусством, неизменно вызывает удивление

Европе предупредительностью охотно уступали дорогу любому, кто выражал хоть малейшее желание проехать первым. Положение регулировщиков тоже было незаметным: они делали жесты, которые с равным успехом могли означать и направо и налево.

«Держись правой стороны», — настойчиво напомина-

ли задние стекла всех автомобилей едущим за ними. Введение правостороннего движения обсуждалось целых два года. Сначала столь кардинальная реформа правил уличного движения всех пугала, но Сьерра-Леоне окружена государствами с правосторонним движением, и под давлением местных деловых кругов правительство решило ввести его и у себя.

Из стран Западной Африки, подчинявшихся некогда английским властям, теперь только в Гане ездят по левой стороне. Гамбия еще в 1970 году приняла международный порядок движения.

У большинства водителей было напряженное выражение лица, и это меня забавляло. Но как я удивился два месяца спустя, прочтя в полицейском бюллетене, что введение правостороннего движения прошло без единого смертного случая, что не было даже ни одной серьезной аварии! Это, несомненно, говорит об отличной организации. И в самом деле, тысячи молодых людей с белыми повязками на рукаве помогали полиции регулировать движение на всей территории Фритауна. Но, конечно, и этого было бы мало, если бы не дисциплинированность и самообладание водителей.

А как они были внимательны! На буквально кишящих людьми улицах Фритауна непрерывно раздавались автомобильные гудки. Но пешеходы, явно пренебрегая ими, вели себя как некоронованные короли улицы, для которых никакие законы не писаны. Если возникал конфликт, заранее было ясно, что виноват водитель. В этом была, разумеется, известная логика, но каково бедным водителям!

Поток автомобилей, то и дело замиравший, вынес нас на широкую Уэстморлэнд-стрит. И тут же вся колонна машин затормозила. Улицу с трудом переходил маленький мальчик с грузом тяжелых поленьев метровой длины на голове. За ним совершенно непринужденно шли две мамы с младенцами за спиной. Очаровательные детишки, крепко привязанные широкими платками, с любопытством озирались вокруг. Этот способ переноски детей, чрезвычайно удобный, имеет давнее происхождение. Кто мог нянчить детей, когда женщины работали в поле? На их спинах беспомощные малыши находились в безопасности, а у женщин освобождались руки. В таком положении детям ничто не угро-

Живой символ Фритауна — гигантское хлопковое дерево

жало — ни дикие звери, ни охотники за рабами. Даже сейчас в Сьерра-Леоне мало детских колясок, и вряд ли они здесь нужны!

После магазина «Сьерра-Леоне хаус», который, радуя глаз, возвышается над старыми домами колониального стиля, начинается административный квартал. Здесь, в центре политической и экономической жизни Сьерра-Леоне, находятся скромная резиденция премь-

ер-министра, внушительный дворец губернатора, современное здание министерств, полицейское управление, крупные банки и правления богатых компаний по добыче алмазов «Нейшнл дайамонд майнинг компани» (ДИМИНКО) и «Дайамонд корпорейшн Уэст Африка» (ДИКОРВАФ). Оба здания компаний оборудованы самой современной сигнализацией и тщательно охраняются. Еще бы, ведь в их сейфах скрыты миллиардные ценности.

В конце улицы мы увидели живой символ города — гигантское хлопковое дерево — сейбу. Зрелище поразительное! Толстые узловатые ветви простираются даже над высоким зданием суда по соседству. Великан имеет в высоту около пятидесяти метров, а периметр основания, рассеченного могучими досковидными корнями, не меньше двадцати метров. Никто не знает точно его возраста. Может быть, дерево стояло уже в XV веке, когда здесь высадились португальцы.

Я люблю старые деревья. История их жизни часто удивительна, под сенью их крон в прежние времена происходили порой важные события. Во Фритауне рядом с тигантской сейбой находится «дворец правосудия». Только ли по воле случая? Хассан этого не знал.

Мы двинулись дальше, но Хассан почти тут же попросил опять остановиться и показал на новое современное строение:

— Наш почтамт. Зайдем спросим, нет ли новых марок.

Хассан обещал своим лейпцигским друзьям присылать все филателистические новинки. Почтовая связь явно не пользовалась во Фритауне почетом. Большой зал был пуст, служащие томились от безделья у своих окошек.

Почтовые марки Сьерра-Леоне представляют большой интерес, и не только в масштабах Африки. Они вообще ни на какие другие не похожи. Края у них всегда ровные, а формы они могут быть любой. Встречаются марки круглые, овальные, ромбические, грушевидные, многоугольные и даже совсем неправильных очертаний. Самые дорогие марки имеют золотой кант. Первые марки такого рода были выпущены в 1964 году.

Хассан купил новую серию «Правостороннего движения», о которой прочитал утром в «Дейли мейл».

Но большинство марок было посвящено другой теме — на них красовались сверкающие бриллианты с гордой надписью: «Сьерра-Леоне — страна железа и бриллиантов». Я был восхищен точностью рисунка, чистыми красками печати, а главное — гигиеничностью применения марок, не имеющей себе равной во всем мире. Чтобы приклеить марку, ее не надо смачивать. Она покрыта влажным клеем, сдираешь с нее белую защитную пленку, слегка прижимаешь пальцем — и готово: она прилипла. До чего просто!

Только к вечеру мы доехали до дома Хассана в Мэррей-Таун, квартале для зажиточных людей, вскарабкавшемся высоко на гору. Свежий ветер поднимал зыбь на поверхности небольшого морского залива, отделяющего Мэррей-Таун от очаровательного полуострова Кейп-Сьерра. За высокими деревьями и неизвестными мне декоративными растениями прятались роскошные виллы, построенные в период английского колониального владычества. В садах ярко горели великолепные кусты гибискуса. Здесь обосновалось большинство иностранных посольств, каждое за высокими толстыми стенами. Окна забраны решетками — словно для того, чтобы строго хранить дипломатические тайны.

В Мэррей-Таун располагалась и штаб-квартира сьерра-леонской армии. Одноэтажные казармы живописно лепились к круто обрывающимся в море зеленым склонам, поросшим фиговыми и манговыми деревьями, и совсем не походили на привычные для нашего глаза европейские казармы с их подчас унылыми фасадами.

Сьерра-Леоне имеет небольшую армию — численностью около двух тысяч солдат. Их жены и дети также живут в гарнизоне Мэррей-Таун, где есть свои школы, мастерские и магазины, куда нет доступа остальному населению.

Дом моего друга находился рядом с въездом на территорию казарм. Сбавив скорость, мы медленно к нему приближались... Вдруг из придорожного рва выскочили четыре вооруженных солдата с мрачными физиономиями и преградили автоматами дорогу незнакомой машине. Хассан возмущенно погрозил им кулаком, высунулся из машины и начал ругаться на языке крио. Как только молодые солдаты узнали молодого ветеринара, их лица просветлели. Автоматы опустили,

солдаты, рассмеявшись, показали знаками, что мы можем ехать дальше. Я получил разрешение на проезд, даже не показав документы. Африканцам казалось излишним, может, даже невежливым спрашивать разрешение на въезд у иностранца в присутствии его африканского друга. Я и впоследствии не раз встречался с подобным явлением. Живое удостоверение личности в образе уважаемого африканца было намного важнее любых бумажек, по сути дела, незаменимо.

После этой первой встречи с часовыми меня больше не останавливали в Мэррей-Таун, даже если я ехал в «Баркасе» через военный лагерь.

Не скрою, меня это удивляло. Человек, расхаживающий по чужому городу с четырьмя фотоаппаратами и несколькими телеобъективами, в Европе неизбежно привлекает к себе внимание, а если он к тому же живет поблизости от военных объектов, то уж обязательно внушает подозрения. В этом сказывается разница между Европой и Африкой.

Корделия, жена Хассана, как истая хозяйка дома приняла меня радушно и тепло. Это молодая и очень красивая женщина, дружелюбная и простая в обращении, образованная, много читает, любит хорошую музыку. Она училась в Лондоне и теперь работает в известной фармацевтической фирме. Настоящая африканка по внешности и темпераменту, Корделия влюблена в Лондон, это я заметил очень скоро, хотя Хассану не нравится, когда она вслух мечтает о многомиллионном городе на Темзе, о его больших музеях, театрах, прекрасных парках и многочисленных развлечениях, каких нет во Фритауне. Хассан и Корделия поженились в Лондоне, там у них родился сын Анель. Будние дни он проводит у бабушки на Фура-Бей-роуд.

Большой дом Хассана обставлен с изысканным вкусом, но отнюдь не в европейском смысле этого слова: здесь нет дорогой, а то и антикварной мебели и тяжелых ковров, которые в Африке неуместны. Африканцы — люди практичные, предметы их обстановки служат исключительно полезным целям. «Пылесосиратель», как говорят у нас, я не видел здесь нигде.

В литературе редко встречаются описания того, как выглядит обстановка африканского дома, что едят его обитатели, как они проводят день. Скорее всего это

объясняется просто тем, что большинство европейских путешественников, описывающих свое пребывание в Африке, жили в гостиницах или у своих соотечественников либо ночевали в собственной палатке. От первого я отказался заранее, последнее отверг как ненужное после знакомства с Хассаном. Вообще, я считаю, что каждый путешественник только тогда получает верное представление о чужой стране и образе жизни ее населения, если он без всякого предубеждения ищет непосредственных контактов с местными жителями, чувствует и ведет себя как их гость. Европейскому путешественнику по Африке следует воздерживаться от применения европейских мерок. Если он, кроме того, умеет наблюдать и обдумывать виденное, тогда, по моему глубокому убеждению, он узнает больше, чем человек, который все время старается доказать, что у него дома все иначе и, пожалуй, лучше.

Я осмотрелся. В обстановке большой комнаты использован контраст черного и белого, смягченный теплыми коричневыми тонами. Три стены квадратной комнаты состоят из широких и высоких окон и двери в лоджию. В любое время дня комната залита солнцем. В одном углу, между окнами, у низкого деревянного стола коричневого цвета, стоит черная кожаная кушетка, рядом — современный проигрыватель с большой стопкой всевозможных пластинок на нем, начиная от «Староберлинских песен» и кончая Бетховеном. На самом верху любимая пластинка Корделии — запись известного американского певца Джима Ривса, который погиб в авиационной катастрофе.

В другом углу приютился круглый курительный столик с тремя удобными кожаными креслами, под столиком — светло-коричневый ковер из шкур антилоп. Главный предмет в комнате — двусторонняя книжная стенка из мореного дерева с очень интересными обшивками, до отказа набитая книгами и маленькими сувенирами из Лейпцига и Лондона. Стенка делит большую комнату по золотому сечению. За ней находится столовая с окном в кухню.

На окнах нет штор, висят только яркие легкие занавески, затягивающиеся вечером. Наконец, белые стены украшены полными фантазии изделиями африканского ремесла, которые привели меня в восторг.

Корделия готовила в кухне ужин, а Хассан, к моему удивлению, накрывал на стол. Счастье, что при этом не было моей жены, она при виде такого «подвига» не преминула бы высказаться по моему адресу! До меня доходил запах жарящегося картофеля и сильно наперченных бифштексов. Корделия, несомненно, посоветовалась с мужем, чем меня угостить. Сама она ела вареный рис. Кроме того, к столу были поданы белые бобы и зеленый салат. Он сначала вызвал у меня большие сомнения. Изданные в ГДР брошюры «Здоровье в тропиках» настойчиво советовали во избежание инфекционных заболеваний не есть в тропических странах овощи, фрукты, лишенные кожуры. Несколько секунд я колебался между желанием последовать совету ученых и учтивостью, но, когда Корделия предложила мне салат, я выбрал учтивость и решительно взялся за дело. Теория, мой друг, суха...

Чуть позже я выложил на стол сухие ржаные хлебцы и болгарскую брынзу в банке. Корделия слегка поморщилась, но из вежливости съела кусочек. «Да, вкусно», — заметила она без всякого воодушевления.

Я вышел за дверь и сквозь темную зелень деревьев манго посмотрел на море. Солнце на горизонте садилось непривычно быстро. В наступавшей темноте путь лодок отмечала светящаяся полоска в их фарватере.

Вблизи экватора солнце опускается к горизонту почти вертикально, поэтому сумерки там намного короче, чем в наших широтах, где оно склоняется к горизонту под острым углом. И все же описания коротких африканских сумерек часто страдают преувеличениями. По моим наблюдениям, с момента захода солнца и до наступления ночной темноты проходит не меньше двадцати минут.

Было по-прежнему очень жарко, но с моря уже подул прохладный ветерок. В пышной листве деревьев на склонах резвились зеленые мартышки. Справа доносилось однотонное, заунывное пение. Это пели поблизости девочки из Общества Бунду. Там происходила какая-то церемония, но соломенные циновки скрывали ее от любопытных взоров непосвященных и от объективов фотоаппаратов. Странные танцевальные мелодии и песни слышались непрерывно до глубокой ночи.

Я спросил у Хассана, что это такое, но он вместо

ответа промычал что-то односложное. Я знал, что это неприятная, а то и опасная тема. Все тайные союзы Западной Африки по сей день являются табу. Даже образованные африканцы, много лет учившиеся в Европе, нередко скрывают свою принадлежность к этим культовым союзам — то ли из религиозных опасений, то ли во избежание расспросов любопытных. В прошлом многие безрассудные иностранцы, не желавшие уважать табу этих собраний и пытавшиеся силой проникнуть в тайны подобного ордена, заплатились жизнью за свое неумное любопытство. Это не значит, что тайные союзы — организации убийц, но их члены превыше всего ставят священное табу своего союза. Сила его могущества в том и состоит, что он покрыт тайной, тайной абсолютной, которая внушает ужас непосвященным.

В 1916 году мусульманский пророк Валику, от чьего имени в Сьерра-Леоне вещали многочисленные бродячие проповедники из народа мандинго, попытался повлиять на племенных вождей и таким образом подорвать силу тайного союза Поро. Он потерпел полную неудачу.

Ордены организованы отдельно по принципу пола. Поро и Венде — тайные союзы мужчин. Бунду и Занде — такие же объединения женщин.

Собрания орденов происходят в определенных местах, вблизи больших деревень, за высокими кустами, под прикрытием циновок. Их руководители, спекулируя на страхе простодушных людей перед «нечистой силой», гримируются «дьяволами» и показываются в деревне только в этом виде, совершенно неузнаваемые. Помимо того что тайные союзы исповедуют примитивный культ предков и поклоняются мифическим образам племенной религии, они испокон веков играли исключительно важную роль в жизни западноафриканских племен. Они следили за выполнением традиционных обычаев, были хранителями народного искусства и племенной культуры, передавали молодым людям основы житейской мудрости, прививали им различные практические навыки. Например, юные девушки обучались в Бунду или Занде уходу за ребенком и другим материнским обязанностям. После завершения инициационных церемоний они даже в наше время должны работать на полях племени. Это их бесплатная общест-

венная работа, ведущая свое начало от большой африканской семьи.

Юношей же обучали охоте, искусству врачевания, ремеслам и другим работам. Мужчине, не состоявшему в Поро, приходилось трудно в его деревенской общине: она не признавала его своим полноправным членом, даже девушки на выданье чаще всего отклоняли его как возможного партнера. Обучение в такой школе в буше прежде продолжалось около шести месяцев, но в последнее время, когда многие древние обычаи поколеблены, этот срок соблюдается не так строго, особенно для горожан. Для них Поро стал скорее простой формальностью. Они проводят в этой школе не больше двух недель, ровно столько, сколько требуется для заживления раны после обрезания.

В период колониализма тайные союзы, имевшие своим символом аллигатора, павиана или пантеру, организовывали восстания и прятали от английских властей борцов за независимость. Союзы и сейчас еще играют важную роль в общественной жизни, и ни одно правительство, ни одна политическая партия Сьерра-Леоне не решатся открыто посягнуть на их существование.

Члены тайных союзов поддерживают друг друга. Они обмениваются новостями, придают событиям желательное для них направление, общими усилиями стараются отвести надвигающуюся опасность. Лица с положением в обществе помогают своим товарищам по союзу найти работу и защищают их в случае правонарушений даже перед лицом правосудия².

Не секрет, что время от времени высокопоставленные деятели Сьерра-Леоне оказывают тайным союзам финансовую поддержку, чтобы с их помощью пропагандировать среди сельской молодежи, например, современные представления о гигиене.

По адресу союзов нередко раздавались упреки в том, что они культивируют трайбализм и этим способствуют углублению пропасти между племенами, сильно отличающимися друг от друга по уровню культурного и социального развития. На первый взгляд может показаться, что эти критики правы. Им, однако, можно возразить, что племена Сьерра-Леоне давно уже не единые общности. Зато видный деятель мужского тайного

союза племени лимба будет с распростертыми объятиями принят в соответствующем тайном союзе племени коранко.

Официальная перепись населения 1963 года выявила в Сьерра-Леоне по крайней мере восемнадцать различных племен, или этнических групп. Подавляющее большинство — менде (30,9%) и темне (29,8%). Далее следуют лимба (8,4%), коранко, шербро, фульбе, сусу, локко, киси, мандинго, креолен, дьялонке, кран, вай, гола, кру, галина и «другие» — эти «другие» составляют 0,2%. Однако до сих пор нет полной ясности, какие этнические группы действительно следует относить к самостоятельным общностям. При переписи, например, вай и галина считались самостоятельными племенами, хотя некоторые административные органы причисляют их к одному народу. Да и как может быть иначе, если многие жители и сами не в состоянии решить, к какому племени они, по сути дела, принадлежат. Всему виной скорее всего то, что нет общепринятого определения понятия «племя», хотя большинство исследователей сходятся в том, что племя должно иметь общий язык, общую культуру и общую территорию расселения. Тогда его людей связывает глубокое сознание их общности³.

Но сейчас даже это очень широкое определение не может служить в Сьерра-Леоне основой для однозначного установления племенной принадлежности. Постоянные перемещения, частые браки между членами разных этнических групп, а главное — распространение некоторых основных языков далеко за пределы первоначальных племенных территорий вызывают распад племенных связей.

На юге страны язык менде постепенно вытесняет крио, шербро, вай и гола. В восточных районах он все чаще употребляется как второй разговорный язык. Точно так же возобладали над родственными языками темне, точнее, оба диалекта темне.

Зачатки языкового единства и усиленное слияние этнических групп создают благоприятные условия для преодоления и теперь еще сохраняющихся племенных предрассудков и образования единой нации сьерралонцев.

Из-за отсутствия достоверных источников восстановить историю расселения народов и племен Сьерра-Леоне чрезвычайно трудно. О большинстве государств в поясе африканской саванны, куда рано проник ислам, до нас дошли систематически ведшиеся хроники на арабском языке, принадлежащие перу ученых того времени. Кроме того, в этом регионе сравнительно рано сложились крупные государственные образования. Совсем иначе обстояло дело на территории тех государств Западной Африки, в том числе и Сьерра-Леоне, которые в доколониальный период находились в зоне лесов. Мусульманское влияние прослеживается здесь значительно позднее, от времени, предшествовавшего появлению в этих местах первых европейцев, почти никаких письменных свидетельств не осталось. Правда, различные племена и их тайные союзы хранят кое-какие исторические сведения. И познания историков нередко основываются на таких устных передачах, носителями которых выступают старые африканцы. «Всякий раз, как у нас умирает старик, в нем гибнет целая библиотека», — сказал в этой связи африканский ученый Хампате Ба.

В некоторых странах лесной зоны были даже официальные «хранители старины» — окруженные всеобщим почетом лица или даже целые семьи, которым, например, племя поручало на церемонии коронации прославлять деяния умерших вождей. Чаще всего эта должность передавалась по наследству. Но после того как подобные рассказы веками передавались из уст в уста, можно ли с уверенностью отделить в них вымысел от истины? Не удивительно, что многие события африканской истории представляются нам сегодня противоречивыми и загадочными.

В 1964 г. XIII сессия ЮНЕСКО приняла решение об издании всеобщей истории Африки. Предполагалось, что сбор материалов займет десять лет — с 1965 по 1975 год. Проверка и согласование этих материалов наверняка потребуют еще десять лет. Чрезвычайно интересно, конечно, что нового принесут эти изыскания.

Первые письменные источники по истории Сьерра-Леоне относятся к XIV веку. Если верить им, большой

полуостров, на северо-западе которого в настоящее время находится Фритаун, первоначально населяли (или, во всяком случае, были в числе его наиболее древних жителей) буллом, включающие народности шербро и кран. Высказывались предположения, что группа народов буллом достигла побережья Сьерра-Леоне морским путем, но пока эти гипотезы не получили подтверждения.

Во время крупных передвижений африканских народов по материку большую часть полуострова постепенно заняли темне, которых сусу и дьялонке вытеснили с их исконных мест обитания в Фута-Джаллоне. Вместе с темне скорее всего явилось и немногочисленное племя лимба.

Первые поселения темне на полуострове Сьерра-Леоне возникли около 1500 года. Самое крупное из них, Манге, судя по сообщениям, насчитывало около тысячи жителей. Под давлением темне буллом были постепенно оттеснены на самый север полуострова. Эта местность и сейчас называется Берег Буллом.

Шербро же, двигавшиеся с юга полуострова, расселились между реками Караманка и Сева, а также на большом острове Шербро. Другой берег реки Сева заняли кран. Когда именно в Сьерра-Леоне появились более многочисленные менде, установить с достаточной степенью достоверности не удалось. Возможно, их согнали с родных земель на территории Гвинеи вторгшиеся туда фульбе, которые в XVIII веке основали в Фута-Торо, Масине и Фута-Джаллоне сильные мусульманские государства. Некоторые исследователи, однако, предполагают, что в период европейского средневековья различные группы менде уже проникли в глубинные районы Сьерра-Леоне. В настоящее время менде проживают преимущественно на юге страны.

Другие племена, гораздо менее крупные, также не имеющие определенной территории расселения, пришли сюда в различное время, но какое когда — на этот счет мнения ученых расходятся.

Когда на землю Африки ступили европейские мореплаватели, ни на полуострове Сьерра-Леоне, ни в его хинтерланде племена еще не создали единого государственного образования. Они жили небольшими группами, между которыми порой возникали столкновения.

Португальский капитан Педру да Синтра был не первым европейцем, увидевшим эту землю. За несколько лет до него вдоль атлантического побережья Африки прошел его соотечественник Алваро Фернандиш и сделал соответствующую запись в своем дневнике, но этим и ограничился. Да Синтра, экспедиция которого была последним из задуманных Генрихом Мореплавателем предприятий, занес на карту очертания берега и дал ему наименование, которое впоследствии стало названием всей страны.

В XVI веке португальцы захватили здесь монополию на торговлю с Европой. Свой главный порт, находившийся в бухте Кру, они назвали Сальвадор. Основными торговыми партнерами европейских купцов были фульбе.

Вскоре среди европейских мореплавателей распространилось известие, что в горах Сьерра-Леоне есть превосходная вода, и многие капитаны приставали к берегу, чтобы наполнить ею свои бочки. Из англичан, вероятно, первым бросил якорь у берегов Сьерра-Леоне в 1562 году известный работорговец Джон Хаукинс, с которого начинается самая мрачная глава в истории этой маленькой западноафриканской земли: безжалостная охота на рабов со всеми ее ужасными и пагубными последствиями.

Вторым был Фрэнсис Дрейк, совершавший кругосветное плавание. В 1577 году королева Елизавета снарядила для него пять кораблей, которые вышли из Плимута с заданием всячески препятствовать торговле испанцев в Тихом океане. В 1580 году флагманский корабль Дрейка пристал к побережью Сьерра-Леоне. Дрейк возвращался из кругосветного путешествия домой, на якорь стал с самыми мирными намерениями — ему надо было возобновить запасы провизии, и современные отцы города, вспоминая этот эпизод, шутят, что «туристический бизнес» Сьерра-Леоне насчитывает четыреста лет!

Впоследствии Фритаун стал важным промежуточным пунктом на пути из Западной Европы в Южную Африку — в Луанду, Бенгелу, Уолфиш-Бей, Капстад (Кейптаун) — и к восточноафриканскому побережью.

Естественный фарватер в устье реки Сьерра-Леоне всегда проходил вблизи ее южного берега, так как в

середине широкой реки и у другого берега судоходству мешают песчаные банки и мели. Тот, кто владеет южным берегом, контролирует суда, направляющиеся в море. Португальцы рано поняли стратегическое значение этого и в 1606 году приступили к строительству большой крепости поблизости от современного селения Кинг-Джимми. Однако французы, почуяв опасность конкуренции, подготовили контрудар. Не долго думая, французский отряд похитил португальского офицера и работавших под его началом людей, высадил их на каком-то неизвестном берегу и бросил там на произвол судьбы.

Португальцы больше никогда не возвращались к своему проекту, хотя в XVII и XVIII веках выше по течению укрепления были возведены англичанами, голландцами и французами, чьи возраставшие колониальные интересы все сильнее сталкивались в сопредельных странах у Гвинейского залива. Развалины некоторых крепостей сохранились по сей день.

В XVII веке темне образовали в прибрежных лесах сравнительно сильное государство, которое препятствовало продвижению европейцев. К началу XIX века ни одной из соперничавших морских держав Европы не удавалось прочно обосноваться на побережье Сьерра-Леоне, а тем более распространить свое влияние в глубь страны. Напротив, безжалостная охота на рабов, обманные сделки, нескончаемые попытки миссионеров обратить местные племена в свою веру настолько возманили их против европейцев, что бывали годы, когда даже вооруженные до зубов работорговцы не решались ступить на землю полуострова.

К тому же в первой четверти XVIII века воды Сьерра-Леоне тоже были отнюдь не безопасны. Их бороздили в этот классический период морского разбоя многие из плававших под черным флагом пиратов с шумевшими именами — Дэвис, Инглэнд, Робертс, известные читателям английской литературы как соратники стивенсоновского Длинного Джона Силвера.

И тем не менее с начала XVII века португальские, английские, голландские и французские корабли постоянно крейсировали по реке Сьерра-Леоне. Из года в год они насильственно вывозили людей и продавали эту даровую рабочую силу в Вест-Индии, Бразилии и

Северной Америке. Даже такие «почтенные» люди, как голландские адмиралы де Рюйтер и ван Меппель, высадившиеся в Сьерра-Леоне в 1664 году, не гнушались грязным промыслом работорговли. Нередко местные вожди стоваривались с владельцами работорговых судов, которые вряд ли могли бы своими силами добывать ходкий «человеческий товар» вдали от побережья. Именно к охоте на рабов и работорговле того времени восходит враждебность между некоторыми племенами, дающая себя знать еще и теперь. Известно, например, что ваи, которые, подобно темне, проникли в прибрежные районы, периодически выступали в роли активных охотников за рабами и постоянно нападали на соседние племена. За горстку ярких стеклянных бус они безжалостно гнали свои жертвы к побережью Атлантического океана, где эти несчастные, оторванные от родной почвы, изнемогали от невыносимых лишений на острове Бунче или в других местах, пока их не отправляли в Новый Свет, если они не умирали раньше.

Страшные условия той эпохи, созданные стараниями европейских держав, не поддаются описанию. Так можно ли удивляться тому, что ранние государственные образования, социальный прогресс, культурный обмен гибли в зародыше, если страх, горе, недоверие, злоба и мстительность исключали возможность дружеских отношений между африканскими племенами? Идеологические предшественники колониальной эпохи намеренно распространяли лживые вымыслы о том, что Африка лишена своей истории и культуры, — это оправдывало их деяния и цели перед совестью мира⁴. Совесть впервые заговорила именно в Англии, самом развитом государстве Европы того времени и одновременно самой крупной колониальной державе.

В ходе бурного промышленного развития Британских островов возникло движение, тесно связанное с идеями Великой французской революции. Вопиющие социальные бедствия недавно сложившегося промышленного пролетариата и катастрофическое обнищание мелкого крестьянства вызвали протест гуманно настроенных слоев общества. Правда, их воззрения — английских квакеров, например, — были еще довольно неопределенны, а усиливавшееся в ту пору методистское движение носило религиозный характер. Методисты хотели «по-

мочь душе каждого человека осуществить свое право»; несправедливые социальные порядки аристократического английского общества XVIII века они считали негодными богу. Могущество землевладельческой знати в тогдашней Англии мешало начинавшемуся развитию капитализма, которое порождало все новые идеи. Тем не менее ни одно из гуманных течений не ставило перед собой прямо цель насильственного уничтожения феодализма.

Гуманно настроенные круги осуждали также позорную работорговлю. Глубокое сочувствие вызвала у них судьба группы африканцев с рабовладельческого судна, которое по пути в Америку потерпело кораблекрушение; они оказались в Ливерпуле, предоставленные самим себе. По законам Великобритании эти люди не могли быть рабами на ее земле, они остались «без хозяина», а значит, никто не должен был заботиться об их пропитании.

Гренвил Шарп, один из ведущих деятелей гуманистического движения, и его друзья Генри Торнтон и Уильям Уилберфорс образовали Комитет освобождения несчастных чернокожих. Они предлагали создать в Африке Провинцию свободы, которая явилась бы новой родиной для всех освобожденных рабов. Шарп собрал в Ливерпуле гибнувших от голода африканцев, бывших рабов, их оказалось 351 человек, и при финансовой поддержке своих друзей переправил в Западную Африку.

В мае 1787 года он высадился со своими подопечными на берегу Сьерра-Леоне, в северной части полуострова, приобрел у местного вождя темне Наим Бана участок для своей колонии и основал на нем поселение. Колонисты осуществляли самоуправление на основе конституции, составленной Шарпом. Прообразом для нее послужило законодательство древнего Израильского царства, несколько модифицированное в соответствии с практикой средневековой Англии. Главной ценностью в колонии, более высокой, чем все благородные металлы, Шарп объявил человеческий труд, который каждый должен вкладывать в совместно создаваемые продукты. Шарп мечтал о бесклассовом многорасовом обществе черных и белых. Для того времени и для тех условий его программа была совершенно утопической.

Вскоре к берегам Сьерра-Леоне и в самом деле причалило еще одно судно — с пятьюдесятью англичанками на борту, подобранными Шарпом из жалости на улицах английских промышленных городов. Затем на берегу бухты Кру был отведен участок для двенадцати шведов, которые по прибытии построили селение и в честь Шарпа назвали его Гренвилтаун.

Но земли были неплодородные, часто случались неурожай, за ними следовали голодные годы. Эпидемия желтой лихорадки в короткое время унесла половину населения... А тут еще в ноябре 1789 года соседний вождь темне «король» Джимми решил свести счеты с поселенцами и напал на тех, кого пощадила лихорадка. На этом молодая колония закончила свое существование.

Но Шарп не унывал. Уже в 1791 году он с помощью Общества залива Святого Георга, переименованного вскоре в Общество Сьерра-Леоне, предпринял новую попытку. Он собрал около шестидесяти уцелевших жителей первой Провинции свободы и поселил их в полуразваленных лачугах около залива Фура-Бей. Так появился на свет второй Гренвилтаун. На этот раз Шарп сразу ввел в новом поселении твердую денежную единицу — цент, из чего можно заключить, что он отказался от утопических положений своей первой конституции. В 1792 году правительство Великобритании назначило лейтенанта флота Джона Кларксона временным губернатором колонии и обещало ей военную поддержку.

В том же году Гренвилтаун получил большое пополнение. Кларксон доставил в Западную Африку из Канады несколько партий бывших рабов — всего 1131 человек. Они сражались на стороне англичан в войне за независимость в Северной Америке, получили за это свободу и были затем поселены в канадской Новой Шотландии. Сьерра-Леоне была для них совершенно чужой страной, но они были счастливы возвратиться в жаркую Африку. На развалинах первого Гренвилтауна они построили новое поселение и назвали его Фритаун. Так родилась будущая столица.

Но трудностям, казалось, не будет конца. Непрестанные конфликты между различными группами колонистов и серьезные столкновения с соседними племе-

нами, а также частые недороды увеличивали недовольство поселенцев.

Между тем деятельность англичан на побережье Сьерра-Леоне все больше возмущала Францию. Это были первые провозвестники раздела Африки между великими державами. В 1794 году в реку Сьерра-Леоне неожиданно вошла французская эскадра и обстреляла Фритаун. К счастью, ее жители успели своевременно укрыться, и на сей раз французам не удалось уничтожить молодую колонию. Нет худа без добра: внешняя угроза заставила колонистов забыть о своих распрях. Опасения за свою безопасность оказались той силой, которая укрепила единство во всех областях жизни. Результаты не замедлили сказаться: во время решительного наступления темне на колонию они были разбиты и больше никогда не пытались на нее напасть.

В 1799 году правительство Великобритании признало Общество Сьерра-Леоне и официально его зарегистрировало. Королевской хартией Обществу было пожаловано право назначать мэра, осуществлять городское самоуправление и издавать в случае надобности законы.

Первая протокольная запись Законодательного собрания, бережно хранимая сейчас в национальном музее Сьерра-Леоне во Фритауне, гласит: «6 ноября 1800 года. Королевская грамота о правах была доставлена сегодня на берег и торжественно вручена Дж. Уоттсом с военного шлюпа „Оспри“ достоуважаемому Томасу Ладлэму, губернатору этой колонии, под звуки салюта в честь короля, произведенного орудиями „Оспри“ и береговыми батареями города». Первым мэром стал Томас Кокс, иначе Ладлэм, о котором говорится в протоколе. Его штат состоял из трех назначавшихся пожизненно советников. Так Фритаун юридически был признан официальной столицей.

В том же году прибыла новая большая группа поселенцев, третья по счету. Она состояла из восьмисот маронов — мулатов с Ямайки, в основном потомков бывших рабов, долго боровшихся против британского владычества. Когда они, поддавшись уговорам, сложили оружие, англичане поспешили отправить их в Сьерра-Леоне. Впоследствии большинство маронов переселилось в колонию Золотой Берег (на территории современной Ганы), а некоторые возвратились на Ямайку.

От этих трех больших групп переселенцев — первых колонистов, вывезенных из Англии Шарпом, новошотландцев и маронов, — к которым позднее присоединились несметные множества освободившихся африканцев различного происхождения, снятых с рабовладельческих судов, берет начало современное креольское население Фритауна. Лишь немногие из возвратившихся африканцев помнили, где они родились, к какому племени принадлежали, чаще всего за время пребывания в Северной Америке, Вест-Индии или Великобритании они забыли даже свой родной язык. В колонии они снова приобщились к привычному образу жизни и создали особый язык — крио.

Хотя в 1799 году Фритауну официально было пожаловано самоуправление, права городской управы вскоре снова перешли к английским властям, особенно после того, как в 1808 году Сьерра-Леоне была провозглашена коронным владением. Мэр превратился в марионетку колониальной администрации, его функции по управлению городом носили чисто фиктивный характер. К середине XIX века городские должности настолько утратили свое значение, что их даже не замещали. В 1851—1894 годы во Фритауне не было ни мэра, ни городской управы.

Тем временем в Англии усилилось движение за права человека. В 1807 году парламент в Вестминстере принял закон о запрещении работорговли. Таким образом, Великобритания была первой из европейских держав, выступивших против работорговли, которая теперь противоречила ее колониальным интересам. Куда большие барыши сулило экономическое ограбление африканских стран. Но оно требовало стабилизации обстановки, а главное — наличия в колониальных владениях рабочих рук.

В 1830 году Франция также запретила работорговлю, но лишь в 1848 году приняла энергичные меры к ее пресечению. Португалия последней из колониальных держав Европы объявила чудовищную торговлю людей преступлением — только в 1875 году.

В 1809 году в порту Фритауна была размещена британская эскадра с целью захвата у побережья работорговых судов. Правда, кроме этого она должна была пресекать посягательства Франции на сферу

английских интересов. Английский адмиралтейский суд во Фритауне судил работорговцев, пойманных с поличным. Судьям не приходилось жаловаться на праздность: огромное число африканцев, ежегодно получавших свободу по приговору суда, показывает, как мало охотники на людей считались с английскими законами. Даже в более поздние годы еще тысячи рабов обретали свободу таким образом.

Чаще всего они оставались жить во Фритауне. В 1819 году адмиралтейский суд пополнился неанглийскими судьями, и до 1870 года против работорговли боролся международный трибунал, заседавший во Фритауне.

Правительство Великобритании путем договоров с вождями темне постепенно присоединило к своим владениям весь полуостров Сьерра-Леоне, а также расположенные у побережья острова Лос-Айлендс (1816), Банана (1820) и Шербро (1861). Но попыток проникнуть дальше в глубь континента англичане не предпринимали. Эти территории не привлекали их из-за больших расходов на управление, неизбежных при освоении труднодоступных лесных районов. Там британские власти довольствовались сферами влияния, которые они старались укрепить договорами с отдельными могущественными вождями и так называемыми защитными грамотами. Но дело приняло иной оборот, когда начался раздел Африки колониальными державами и перевес Франции в Западной Африке угрожал связям Англии с хинтерландом полуострова. Тогда англичане решили действовать.

Для этого был избран креол д-р Эдмунд Блайден. В 1872 году с отрядом британских войск он продвинулся до северной части Фалабы, но это имело лишь тот результат, что в 1875 году многочисленное племя менде с оружием в руках поднялось против господства Великобритании. Однако после четырех лет кровопролитных боев вожди менде вынуждены были заключить «договор о защите». Но когда в 1895 году Великобритания установила протекторат над всем хинтерландом полуострова и вскоре после этого повысила налоги для покрытия административных расходов, племена восстали снова. Второе восстание — 1898—1899 годов — также было подавлено превосходящими силами британских коло-

ниальных войск. Все же оно стоило жизни приблизительно тысяче англичан и выступавших на их стороне креолов Фритауна. Последние, хотя и находились на полуострове Сьерра-Леоне в меньшинстве, давно сумели выдвинуться на первые роли. Креолы выделялись своим богатством и образованием, полученным в английских высших учебных заведениях, и, естественно, занимали ведущее положение в столице в ущерб членам других африканских племен. Поддерживаемая англичанами, которые умело осуществляли принцип «разделяй и властвуй», креольская верхушка относилась несколько свысока к населению внутренних территорий. Только к концу колониального периода другим племенам удалось лишить креолов их главенствующего положения.

Отношения между Англией и Францией также оставались напряженными. Хотя еще в 1886 году обе колониальные державы пришли к согласию относительно границ их владений, семь лет спустя при Ваима между ними произошло столкновение из-за того, что ни одна из сторон не хотела уступить другой ни одной пяди африканской земли. Тогда, отстаивая свои колониальные интересы, англичане без всякого стеснения ввели в бой африканские колониальные войска — пограничную полицию. Только в 1895 году противники договорились через головы африканцев, где пройдет граница, а несколько лет спустя даже произвели демаркацию. При этом полностью игнорировались интересы африканского населения: проведенная иностранными государствами граница безжалостно разрезала на части истари сложившиеся традиционные территории племен.

Конституция «колонии» (полуострова) не распространялась на протекторат (хинтерланд), но с 1924 года в нее были внесены изменения, предусматривавшие не очень определенное участие африканцев в органах управления.

Отныне распоряжения британского губернатора, касавшиеся территории всей колонии Сьерра-Леоне, должны были предварительно рассматриваться впервые образованным Законодательным советом колонии. В нем колония была представлена тремя выборными депутатами с определенным имущественным и образо-

вательным цензом, иными словами, эти места в совете могли занимать только богатые креолы. От протектората же в Законодательный совет входили также три племенных вождя, хотя его население по крайней мере в пятнадцать раз превышало численность жителей колонии.

После второй мировой войны движение за независимость Сьерра-Леоне получило могучий стимул. Правительство Великобритании, особенно при министре колоний Гриффитсе, было вынуждено поспешно демократизировать конституцию Сьерра-Леоне. Главной силой в национальном движении за независимость были не креолы, а племена внутренних районов, особенно темне и менде, боровшиеся, таким образом, против двойного гнета. Большую роль сыграли и возвращавшиеся на родину молодые солдаты сьерра-леонского полка. Сражаясь в 1944—1945 годах в Бирме против японцев, они подпали под влияние идей национально-освободительного движения в Индии.

Великобритания собиралась в 1948 году провозгласить в Сьерра-Леоне новую конституцию, но ее введению до 1951 года мешала оппозиция консервативной креольской верхушки во главе с врачом А. К. Банколе-Брайтом. Конечно, креолы также добивались государственной независимости, но на других условиях. Они не хотели жертвовать своими исторически сложившимися привилегиями ради создания единого государства равноправных народов. Банколе-Брайт направлял в различные учреждения Англии все новые и новые петиции, в которых отстаивал особое положение колонии по отношению к протекторату. Его партию «Национальный совет колонии Сьерра-Леоне», чрезвычайно консервативную, поддерживали уважаемые врачи, учителя, чиновники, состоявшие на английской службе, священнослужители, юристы, коммерсанты. Они считали себя социальной элитой Сьерра-Леоне, но на самом деле были совершенно чужды массам африканского населения. В 1951 году Банколе-Брайт еще вошел в избранный впервые парламент как вождь оппозиции, но уже на следующих выборах — в 1957 году — его консервативная партия не получила ни одного места в парламенте: из-за своекорыстной программы она лишилась поддержки даже среди креольской бедноты.

Настоящей массовой партией стала основанная в 1947 году Народная партия Сьерра-Леоне (НПСЛ). Ей удалось объединить различные течения в русле борьбы за независимость и таким образом перекинуть мост через искусственно созданную пропасть между колонией и протекторатом, с одной стороны, и различными племенами — с другой. Усилиями этой объединенной партии народа в 1960 году было создано состоявшее из африканцев правительство единого фронта.

Однако со временем партия все больше склонялась к консервативным позициям. Это побудило прогрессивные элементы во главе с д-ром Сиака Стивенсом выйти из НПСЛ и в том же году основать партию Всенародный конгресс (ВК).

При правительстве Милтона Маргаи Сьерра-Леоне 27 апреля 1961 года получила национальную независимость в рамках Британского содружества.

Всенародный конгресс находился в парламенте в оппозиции, но в 1967 году он победил на выборах и взял бразды правления в свои руки⁵. С тех пор ВК, руководимый д-ром Стивенсом, проводит национально-демократическую политику.

НА ПТИЦЕБОИНЕ И В ТРАКТИРЕ

Наступило утро. Ночь не принесла освежающей прохлады, так как из-за москитов пришлось закрыть окно. Спал я мало, но тем не менее не чувствую себя разбитым, полон бодрости и сил.

Солнце еще не взошло, но на термометре уже 32 градуса. День будет жарким. Около восьми утра мы выходим из дому. Хассан работает ветеринаром на государственной птицебойне в Киси, на другом конце города. Обычно он ездит туда на такси, сегодня я подброшу его на «Баркасе».

— А не накладно ли каждый день добираться до работы на такси? — спросил я.

— Кто умеет торговаться, ездит недорого, — спокойно отпарировал Хассан. — Не забывай, у наших такси нет счетчиков. Прежде чем сесть в машину, надо договориться с водителем о плате, иначе тебя может ждать весьма неприятный сюрприз. Чаще всего водители со-

глашаются за пятьдесят центов трястись со мной десять километров до Киси.

Пятьдесят центов — это три марки, прикинул я. И в самом деле, немного. Но ведь из почти трех миллионов жителей Сьерра-Леоне только сто пятьдесят тысяч работает по найму, «остальные» ведут натуральное хозяйство или на свой страх и риск занимаются торговлей. И даже из ста пятидесяти тысяч работающих далеко не всем по карману разъезжать на такси: автомеханик, например, зарабатывает около полутора леоне в день (примерно девять марок). Неквалифицированный рабочий получает не больше одного леоне в день. Для него такси — недоступная роскошь.

Мы вливаемся в утренний поток машин. На единственном во Фритауне светофоре, установленном на холме между двумя частями города — Мэррей-Таун и Конго-Таун, горит только красный свет. Машины без конца пересекают улицу — приходится долго ждать, но, кроме меня, это никого не раздражает. С десятков юных продавцов газет с огромными стопками «Дейли мейл» и «Юнити» в руках — органами правительства и оппозиции — снуют между машинами; пока они стоят, самое время предложить свой товар пассажирам. «Как они умудряются не потеть?» — думаю я, чувствуя, как у меня со лба стекают капли пота.

Хассан покупает обе газеты. Я ищу в них сообщений о международной политике, но не нахожу. Зато наряду с местной хроникой, некрологами и спортивными новостями «Юнити» помещает броский заголовок: «Сэр Сэмюэль отправляется в путь!». История эта и в самом деле необычна: сэр Сэмюэль Банколе Джонс, председатель Верховного суда Сьерра-Леоне, много лет не пользовался отпуском. Теперь он устроил себе «каникулы» на пятьсот четыре дня, оплачиваемые конечно, и отправляется со своей женой в кругосветное путешествие. В Сьерра-Леоне ответственные государственные служащие, в том числе Хассан как ветеринар, имеют отпуск из сорока пяти дней и каждую вторую субботу отдыхают.

«Дейли мейл» сообщает, что в порядке борьбы с надвигающейся инфляцией правительство Северо-Восточного штата Нигерии решительно снизило цены на невест. Прежде выкуп за невесту доходил до двух с

половиной тысяч марок (в пересчете на наши деньги, разумеется). Отныне, заявляет газета, отец невесты не вправе требовать за свою дочь больше ста марок.

Третья заинтересовавшая меня заметка гласит, что Опанин Кофи Кмутсе, шестидесятилетний знахарь из Ганы, попросил у правительства вспомоществования для своих двадцати трех жен и ста детей. Он, видите ли, намерен построить школу для своей большой семьи!

В Сьерра-Леоне подобные истории уже звучат как забавный анекдот, вызывающий смех. После введения платы за школьное обучение и некоторых налоговых мер сьерралеец уже не в состоянии иметь несколько жен. А не далее как в 1954 году африканские и английские юристы дискутировали о том, каким образом могут осуществлять свое избирательное право женщины, состоящие в полигамном браке и к тому же обычно неграмотные. Широко распространенная тогда во внутренних районах страны полигамия могла дать нежелательные результаты: что стоило мужу заставить своих жен голосовать по своему усмотрению. Тогда пришли к выводу, что мерилом должна служить способность самостоятельно принимать решения, то есть избирательное право предоставлялось только тем женщинам, которые могли сами решать, за кого им голосовать. Ясно, конечно, что это условие допускало самые различные толкования.

Куда удачнее сумели примениться к неграмотности сельского населения некоторые партии: во время предвыборной кампании они широко пользовались графическими символами, которые потом были напечатаны и на избирательных бюллетенях. Теперь женщины участвуют в общественной жизни Сьерра-Леоне наравне с мужчинами. Уже официальная перепись населения в 1963 году выявила, что женщины составляют третью часть всех работающих по найму. Они служат в контролах, водят автобусы, работают в полиции и в медицинских учреждениях и нередко занимают должности выше, чем мужчины. Женщины интересуются и политической жизнью: у них есть свое объединение — Организация женщин Всенародного конгресса. Женщины заседают в палате представителей, а г-жа Элла Кoble-Гулама, занимающая должность вождя менде, известна всей

стране. Она даже была министром в правительстве, сложившем свои полномочия в 1967 году. Констанция Каммингс-Джон два срока подряд избиралась мэром Фритауна. Шесть женщин были депутатами городской управы, одна — старшим судьей. Многие женщины водят автомобили, и делают они это ничуть не хуже мужчин.

Киси расположен на сравнительно ровной местности между побережьем Атлантического океана и главной дорогой на материк. Здесь правительство создало настоящий промышленный район. Первые предприятия возникли между Киси и Веллингтоном около 1960 года, и их пуск праздновался с истинно африканским темпераментом. Папиросная фабрика, гвоздильный завод, холодильник для хранения тунца, фабрика красителей, пивоварня, винокуренный завод, установка для добычи кислорода сначала были, естественно, маленькими мануфактурами с горсткой рабочих. Но для страны, только что сбросившей иго колониализма, где основная масса населения, не имея работы, мечтала о занятости и обеспеченном существовании, это был важный шаг вперед, способствовавший усилению национального самосознания молодого государства. Вскоре рядом выросли государственная рисорушка и фабрика одежды на сто двадцать рабочих, производящая также сандалии из цветного искусственного волокна и зонтики. Кроме того, введены в строй бумажная фабрика по производству картонных изделий и школьных тетрадей, фабрика для изготовления чемоданов и цементный завод. Строятся и другие предприятия. Правительство поставило своей целью все, что можно, производить на месте, а на сэкономленную валюту закупать другие товары. Возьмем, к примеру, пиво и папиросы. По официальным данным за 1970 год, их импорт и соответствующие валютные затраты сократились на восемь-десять процентов.

Рядом с птицебойней, на которой работает Хассан, находится нефтеперегонный завод. Его современные установки с ежегодной производительностью в полмиллиона тонн функционируют с 1969 года. Нефть-сырец доставляют на танкерах из Нигерии, но изыскания африканских геологов и нефтяников позволяют предположить наличие нефти вблизи Фритауна. Завод и сейчас покрывает все потребности страны в горючем,

даже с избытком: Сьерра-Леоне поставляет бензин и керосин государствам Африки, лишенным энергетических ресурсов; в будущем же он может быть расширен. Многочисленные океанские суда доставляют нефть-сырец к новой нефтяной гавани в Киси.

Перед маленькой бойней, где работает Хассан, нас оглушает кудахтанье сотен кур. У входа стоит солдат с карабином на плече: большинство государственных предприятий охраняется военными.

На другой стороне улицы восемнадцать стервятников терпеливо ждут отбросов. Через несколько часов неиспользованные отходы птицы окажутся на свалке и в один миг будут растерзаны кривыми клювами хищников. Только белые перья останутся немymi свидетелями гибели кур. Два стервятника садятся так близко от «Баркаса», что я ощущаю дуновение их крыльев.

Осмотревшись на бойне, я прошу разрешения по-снимать. Рабочие в восторге: журналист из далекой страны прибыл к ним, в маленькое Киси, и хочет запечатлеть на пленку их повседневный труд. Только один правоверный мусульманин при первой же вспышке моего блица быстро юркнул за дверь.

В обязанности Хассана входит проверять забитых кур: нет ли у них симптомов каких-нибудь болезней, не опасно ли употреблять их мясо в пищу. Он строго следит за чистотой рабочей одежды, за соблюдением гигиены при обработке мяса.

Государственная ветеринарная служба прилагает большие усилия к развитию птицеводства. По ее настоянию в Ньютоне построена государственная птицеферма, которая должна служить образцом для других предприятий подобного рода. Тем не менее птицы в стране пока мало, снабжение яйцами далеко отстает от потребностей. Кроме птицы на бойню поступают также овцы и козы из мелких крестьянских хозяйств в округе и очень редко — свиньи. поголовье овец в Сьерра-Леоне составляет сорок пять тысяч, коз — сто тридцать пять тысяч, а вот свиней совсем мало — в лучшем случае семь тысяч. Хотя правительство с большой готовностью предоставляет средства на строительство свинарников, крестьяне не хотят заниматься свиноводством из-за отсутствия концентрированных кормов. На государственных свинофермах в Ньютоне, Нджала и

Кенема на корм свиньям перерабатывают земляной орех и второсортный рис, около Сонго один фермер-ливанец посадил вперемежку бананы и бобовые для откорма беконных свиней, но это пока единичные случаи. Положение в животноводстве улучшится коренным образом лишь тогда, когда все единоличные хозяйства приобщатся к товарному производству.

Горячий поклонник старых захудалых трактирчиков, где еще можно, блаженно отключившись от всего, спокойно поесть и выпить, я не мог пройти мимо маленького африканского бара в Киси. Он затерялся между домами и ничем от них не отличался, даже крыша у него такая же — из простого волнистого железа. И только яркая вывеска над дверью «Загляните к Хайнекену» сообщает, что здесь питейное заведение. Впрочем, больше ничего и не нужно. Чужие сюда наверняка не заходят, а местные жители и без того знают о его существовании.

Я с любопытством отодвинул занавеску из пестрой ткани и вошел в небольшую комнату. Вокруг двух шатких на вид столиков — несколько низких деревянных стульев, на них вылинявшие зеленые подушки с изображением премьер-министра Габона. Белые оштукатуренные стены увешаны пожелтевшими снимками африканских государственных деятелей и кричащими рекламами напитков, образующими с ними разительный контраст. Посредине потолка шумит вентилятор.

Обстановка очень скромная, но мне она кажется в тысячу раз уютнее, чем в элегантном донельзя ресторане отеля «Парамаунт» на Тауэр-Хилл, где каждый вечер встречаются за виски бизнесмены.

Я сделал несколько шагов вперед. Посетителей нет. Через небольшое оконце проникает узкий пучок солнечных лучей. Хозяйка, сидя за стойкой, спит, уронив голову на голые коричневые руки. Из легкого платья выглядывает правая грудь, которую тихо и спокойно сосет младенец, привязанный платком. До чего же мирная картина! Я разбудил женщину и получил свою порцию спиртного — холодного как лед, свежего, чистого. Многим европейским ресторанам не грех бы поучиться у этого заведения.

Вошел хозяин — киси. Он дружелюбно пожал мне руку: «Хэлло, рад вас видеть» — и включил проигрыватель. Из репродуктора приглушенно звучит зажигательная музыка западноафриканского происхождения. Я заказал вторую порцию и пригласил хозяина присоединиться ко мне. Он не заставил просить себя дважды.

Я решил идти напролом:

— Разрешите мне сделать пару снимков?

— Конечно, если желаете, — без колебаний согласился хозяин, но тут же велел жене выйти. «А жаль, — подумал я, — неплохо бы ее щелкнуть, она часть этого мирка».

Мы продолжали пить в ожидании других посетителей. Наконец вошли два молодых инженера из карьера выше Киси. Я попросил у них разрешения сфотографировать их и получил его. С нескрываемым любопытством следили они за моими приготовлениями — их интересовала техническая сторона дела; и под конец мне пришлось прочесть лекцию о назначении и действии зеркалки.

Когда я наконец хотел расплатиться, хозяин отрицательно покачал головой. Я гость Сьерра-Леоне, а значит, и его гость. Мои решительные протесты не помогли. Он рассердился и просто вытолкнул меня за дверь.

Посещение маленького бара в нескольких километрах от Фритауна памятно мне не только по сделанным снимкам. Это было краткое, но очень знаменательное знакомство с африканским складом ума.

КОНТРАСТЫ, ВЕЗДЕ КОНТРАСТЫ

Гулять утром по оживленным улицам Фритауна — большое удовольствие. Хотя тропическая жара уже лежит тяжким бременем на тесной сети узких переулков и открытых площадей, жизнь здесь бьет ключом. По улицам столицы непрестанно течет никогда не иссякающий поток машин различных размеров и возрастов. На каждом перекрестке стоят полицейские; продавцы мороженого и газет сильно затрудняют движение. Торговцы в длинных одеяниях, в маленьком шапочках без полей расхаживают взад и вперед. Они обвешаны кусками ярких тканей и энергично торгуются с покупателями. Женщины и девушки в живописных

платьях, переговариваясь на ходу, спешат на рынок. На головах у них корзины с манго, ананасами, бананами, кокосовыми орехами, рыбой, очищенными апельсинами, завернутыми для защиты от солнца в большие банановые листья. Спокойно пробираются они сквозь пеструю толпу, удерживая на голове деревянный поднос с уложенными горкой связками клубней ямса и корней маниока. Некоторые носят таким образом большие тяжести, но сильнее всего поражает даже не вес поклажи, а их граничащая с артистизмом способность соблюдать равновесие. Зато здесь не увидишь сутулой женщины! У каждой осанка королевы!

Большинство женщин носит традиционную африканскую одежду — длинные до пят платья, разрисованные различными узорами цвета индиго или сшитые из готовых купонов. Они называются «лапа». Африканки, особенно женщины-темне, отдают предпочтение цветным туникам с красивыми кушаками. Впрочем, и в Африке одежда составляет предмет «женской политики». Креолки уже одеваются по европейской моде, но тоже любят броские веселые тона. Прически носят высокие, для этого волосы искусно подвязывают яркими платками, нередко в тон платью.

Некоторые девушки щеголяют в мини. Эти прелестные создания смотрят на меня смысленными глазами, немного смущенно. В них есть что-то естественное, неиспорченное, и признаюсь чистосердечно, на многих из них очень приятно смотреть. Особенно когда они вечерами движутся в танце под звуки музыки с таким темпераментом и фантазией, что только совсем уж сухарь может остаться спокойным.

Из многочисленных швейных мастерских доносится треск швейных машин. «Брюки за десять минут», — написал один находчивый портной на входной двери. Мне интересно проверить, действительно ли он укладывается в этот срок, и я какое-то время наблюдаю за его работой. Он сидит перед древней зингеровской машиной и, энергично нажимая на педаль, демонстрирует перед клиентом граничащее с волшебством умение быстро сшить из куска светлой ткани хорошо сидящие брюки. Правда, у него уходит на это не десять минут, а все тридцать, но у брюк есть линия! Этот человек мне понравился, и я даже подумываю, не заказать ли

На рынке Фритауна: ремесленники и торговцы предлагают свои услуги и товары

мне тоже брюки. К сожалению, он давно заметил мои фотокамеры, откровенно болтающиеся на животе, и в результате цена подскакивает до недостижимой высоты. Как я ни стараюсь, сбросить ее оттуда мне не удастся.

Кто по-настоящему не торговался, никогда не поймет всей прелести этой игры. Твердые цены на предлагаемые товары кажутся африканцу величайшей несправедливостью и к тому же прескучной вещью: почему богатый человек или турист должен платить столько же, сколько последний бедняк из жалкой хижины во Фритауне? Нет уж, извините пожалуйста, с европейцев и с других состоятельных людей запрашивают куда больше! И никто не в силах обойти железную логику этой системы торговли. После первого робкого опыта в Дакаре я настолько привык торговаться, что на первых порах мне будет трудно вести себя дома иначе. Представляю, как вытянулось бы лицо кассирши в нашем универсаме, если бы я ей сообщил, что заплачу

за масло столько-то, и ни пфеннига больше! В Африке все иначе.

Буйство красок и форм на местном рынке, где все перемешано, — истинное блаженство для моего сердца фотографа. Мне приносит наслаждение каждый шаг вдоль пестрых рядов тарелок, мисок, горшков, кружек, ведер, тканей и платков, ковров, обуви, брюк, рубашек и блузок, платьев, шляп, овощей и фруктов, копченой рыбы, живых коз и кур — все они представлены здесь в огромном многообразии. Правительство разрешило сьерралеонцам заниматься мелкой торговлей, пока оно не в состоянии обеспечить им другие возможности заработка.

Толчея ужасная. Я слышу гортанные звуки различных африканских языков, но не могу различить, что это — крию, менде или темне. По-английски говорит только половина населения Фритауна, но жестикуляция торговцев понятна всем. Ну же, подходи и покупай! Невозможно не заразиться этой торговой лихорадкой. По накалу страстей традиционные африканские рынки уступают разве только азиатским базарам.

Однако фотографировать приходится с большой осторожностью. Пока я выступаю как потенциальный покупатель, сердца всех продавцов прямо-таки летят мне навстречу, но стоит мне сделать движение, чтобы поднять фотоаппарат, как беззаботный смех девушек замирает, а дружелюбные взгляды торговцев леденеют. Одни немедленно отворачиваются, другие даже всерьез раздражаются. Последние — мусульмане, свято чтущие законы своей религии, которая запрещает изображать людей. Снимать же скрытой камерой я, к сожалению, не могу. Слишком много глаз вокруг, они неотрывно следят за каждым моим движением. Щелканье фотоаппарата не только привлекло бы всеобщее внимание, но и вызвало бы оживленные комментарии, выражающие подозрительность, интерес, враждебность, любопытство, недовольство, восторг. Реакции так же разнообразны, как сама африканская действительность, и быстро переходят от одной крайности к другой. И то подумать, что сказали бы у меня на родине, если бы какой-нибудь иностранец вот так назойливо лез повсюду со своим фотоаппаратом! В итоге всякий раз, желая сделать снимок, я вступаю в переговоры с моей натурой,

чтобы за небольшие чаевые получить ее согласие. Увы, в награду за вежливость я очень часто получаю фотографии, лишённые естественности.

Я даже решил придерживаться вымогательской, по существу, системы — покупать только в том случае, если разрешат фотографировать, — и попытался испробовать ее на молодой матери, сидевшей со своим мальчонкой между грудями плодов папайи и благоухающего манго. Женщина сразу согласилась подчиниться моей «системе» и покорно заулыбалась. Только я собрался заснять живописную сцену, как появился муж женщины. Мне он погрозил кулаком, а на жену раскричался: «Убирайся отсюда!» Подхватив малыша, она быстро убежала за пределы досягаемости моей камеры.

С сожалением я покачал головой и со звоном опустил в карман предназначенную женщине монету. Муж на миг замер, его раздражения как не бывало. Но гордость не позволила ему пойти на попятную, тем более что вокруг уже смеялись. Я ушел. «Военные действия» снова помешали мирной сделке!

К слову сказать, в Африке вовсе не просто установить немудреную вроде бы вещь — правильную выдержку. Для этого требуется некоторый опыт. Дело в том, что даже самый чувствительный экспонометр показывает только общую освещенность. В условиях Западной Африки это легко может привести к ошибке, так как почти черные лица большинства ее жителей поглощают много света. Если не открыть диафрагму на одно-два деления, они получаются на снимке пятном. Фотограф должен найти компромисс между темной окраской кожи и светлым фоном, подсвеченным солнцем. Только опыт может научить делать правильную выдержку, гарантирующую надежные результаты.

В тот же день на перекрестке незнакомый молодой африканец доверительно тронул меня за плечо: я должен сделать ему любезность и сфотографировать его отца, которого он вел за руку. Глубокий старик с резко обозначившимися на лице морщинами производил жалкое впечатление послушного ребенка. Наверное, сын видел, как я в благодарность за позирование совал людям в руку немного мелочи, и решил таким образом чуть поправить свои финансовые дела. За этим дело не станет: и я полез в карман за десятицентовой моне-

Чудеса эквилибристики

той. Но нет, деньги ему не нужны, он хочет получить фотографию своего отца. И притом немедленно! Я ответил, что так быстро дело не пойдет. Африканец сердито возразил, что он уже видел нечто подобное, а я его просто обманываю. На доску была поставлена моя честь. Как быть? Объяснить ему процесс получения негативов и позитивов? Наверняка какой-нибудь аме-

риканский турист с камерой «Поляроид», действующей, как известно, на основе длящегося секунды газового проявления, внес смуту в представления местных жителей о фотографировании. А я с моей «медленной техникой» должен расхлебывать теперь заваренную им кашу. Но мешкать нельзя: вокруг уже собираются прохожие и с интересом прислушиваются к нашему спору. Он может принять неприятный оборот. Иного выхода, как солгать, нет. Итак, я договариваюсь с африканцем завтра утром встретиться у здания парламента.

Это происшествие целый день не шло у меня из головы. Вечером я заперся в ванной комнате Хассана и действительно проявил пленку в ванночке при температуре раствора 29 градусов без добавления закрепителя. Все шло хорошо. Я смогу показать моему «клиенту» по крайней мере негатив. Успокоившись, я повесил пленку сушиться на веревку, а сам пошел спать. Но утром с ужасом обнаружил, что размягчившаяся эмульсия в нескольких местах стекла по подложке. Все мои надежды рухнули! Даст бог, я больше не встречу во Фритауне этого человека!

На следующий день я пошел в фотоателье. Оно находится в центре и пользуется хорошей репутацией. «Фотоработы, обслуживание круглосуточное», — сообщает вывеска. Ателье принадлежит ливанцу. Из «студии» доносится маршевая музыка. Деревянные ставни с внутренней стороны увешаны пожелтевшими под безжалостными лучами солнца снимками в стиле двадцатых годов. В некоторых фото чувствуется стремление придать натуре более живой вид, но потуги на цветное раскрашивание и откровенная ретушь производят жалкое впечатление. На некоторых лицах брови подрисованы просто беззастенчиво. Перед дверью стоят большие поливинилхлоридные ванны с увеличенными фото. В двух ведрах между большими кусками льда плавает несколько пленок. Из одного ведра у меня на глазах утоляет жажду бездомный пес. Над дверью протянута тонкая веревка, и на ней сохнут две пленки. Пыль от проходящих мимо машин беспрепятственно проникает в комнату. У меня не возникло ни малейшего желания проявить здесь пленки, хотя я, конечно, с удовольствием посмотрел бы пробы.

На холме за отелем «Парамаунт» я увидел residen-

цию премьер-министра. Невзрачное белое здание под красной черепичной крышей стоит в саду, похожем на парк. У входа вытянулись, словно колонны, высокие пальмы. Ворота открыты. Может, премьер-министр за границей? Нет, он здесь: на флагштоке развевается зелено-бело-синий национальный флаг Сьерра-Леоне. Сьерралеонцы так объясняют символическое значение цветов своего флага: зеленый — сельское хозяйство страны, ее природные богатства и горы; белый — единство и справедливость; синий же цвет олицетворяет надежду, что окно в мир, каким является единственная в своем роде природная бухта Сьерра-Леоне, позволит стране внести свой вклад в дело мира во всем мире. Государственный флаг, герб и гимн были приняты в 1961 году после открытого конкурса.

Курица с шестью цыплятами спокойно проходит в открытые ворота, словно в саду премьера больше корма. Резиденция погружена в идиллический покой.

Премьер-министр д-р Сиака Стивенс — друзья называют его Шаки — принадлежит к народу лимба. Еще в колониальный период он пользовался большим авторитетом среди населения, сначала благодаря своей решительной политике на посту профсоюзного руководителя, а затем как мэр Фритауна. Да и сегодня каждый вправе прийти сюда и после соответствующего уведомления лично поговорить с премьером.

Иду дальше по поднимающейся круто вверх асфальтированной улице. Солнце печет убийственно, воздух совершенно неподвижен. Квартал у вершины Тауэр-Хилл, где расположены только официальные учреждения, кажется вымершим. Какой разительный контраст с пестрой толчеей рынка и шумом автомобилей внизу, в городе!

На плато, венчающем Тауэр-Хилл, находится парламент. Его здание было завершено как раз в 1961 году, в год завоевания независимости. Целесообразно построенный низкий дом, без помпезных излишеств, производит скучное впечатление, но в нем все фундаментально и практично.

Здание охраняется сотрудниками госбезопасности, и я прошу одного из них разрешить мне войти. Разрешили, но сумки и фотоаппараты мне пришлось сдать. Никто не хочет рисковать безопасностью.

Дружелюбный чиновник в штатском неторопливо водил меня из одной комнаты в другую. Мы миновали опромное фойе, комнаты совещаний различных фракций, заглянули в большую библиотеку, телевизионный зал, даже в столовую для депутатов. Все импозантно, всюду чистота, порядок и... кондиционеры!

Под конец мы вошли в зал заседаний. По английскому образцу он имеет полукруглую форму. Справа от места спикера — скамьи правящей партии, слева — оппозиции. Над местами оппозиции находится галерея для дипломатического корпуса и представителей печати. За спикером надлежаче приподнятое роскошное кресло генерал-губернатора. Он представляет королеву Великобритании, которая формально еще считается верховным правителем Сьерра-Леоне. Кандидатуру на пост генерал-губернатора выдвигает премьер-министр. С 1962 года должность генерал-губернатора занимает африканец. Никакого влияния на внешнюю и внутреннюю политику он не оказывает, его функции исключительно представительские.

Все новые законы, указы и изменения, принятые по решению парламента, публикуются еженедельно в официальном органе правительства «Сьерра-Леоне газетт». Там же помещаются сообщения о назначении новых чиновников, об уходе в отпуск и на пенсию, о выдаче лицензий старателям алмазов, а также некрологи.

Немного поодаль от здания парламента небольшой мемориал. Бюст пожилого человека с лбом мыслителя и энергичными чертами лица — память о сэре Милтоне Маргаи, первом премьер-министре независимого государства Сьерра-Леоне. У подножия памятника много цветов. Народ чтит этого прямого и честного человека, боровшегося с продажностью и корыстолюбием своих чиновников. Он был настолько скромн, что, будучи премьером, отказался от личной машины. Когда Маргаи умер в 1964 году, на его счете было немногим больше пятисот леоне (около трех тысяч марок)!

Смотрю с горы на город. Далеко внизу окутана легкой дымкой бухта. Расстояние до нее так велико, что я не различаю деталей. Два больших судна стоят на рейде в ожидании места у причала.

Справа, высоко над Тауэр-Хилл, возносятся знаменитые горы Фура-Бей, на которых раскинулись здания

нового университета. За ними тянется к небу радиовышка Фритауна. Передатчик мощностью десять киловатт вещает на английском языке, на крио, менде и темне. Передачи можно принимать батарейными транзисторами на всей территории Сьерра-Леоне. Здесь же находится телевизионная вышка Фритауна, она с 1963 года передает вечерние программы. К 1970 году число телевизоров во Фритауне уже перевалило за две тысячи.

И тем не менее в глубине страны, да и на окраинах самого Фритауна, по-прежнему господствует добрая старая керосиновая лампа. Контрасты, везде контрасты! Они заставляют задуматься.

Наверху, на вершине горы, современное электронное радио- и телеоборудование, а в каких-нибудь трехстах метрах ниже, у основания, по-прежнему теснятся нищие лачуги неграмотного населения. В центре города около огромных современных магазинов самообслуживания, оборудованных кондиционерами, бродят, словно вышедшие из средневековья, уличные торговцы, отчаянно борющиеся за существование. Вот где действительно «средневековье» и XX век тесно соседствуют друг с другом!

Эти проблемы нельзя разрешить за один день. Но правительство прилагает большие усилия в этом направлении. Его надежда — молодежь. Когда я вижу, как веселые мальчики и девочки в чистеньких формах синего и зеленого цвета выходят из лачуг на окраине города и идут в школу, я воспринимаю это зрелище как символ счастливого будущего.

Вечером мне пришлось заняться первым на африканской земле ремонтом «Баркаса». Из-за жары ослаб ремень вентилятора. Лежа под машиной, я заметил, что во время плавания соленая морская вода вызвала окисление. Болты и гайки проржавели так сильно, что я возился почти два часа, пока привел все в порядок. Слуга Хассана, Памусса, мыл машину. Он делал это с каменным выражением лица, словно выполняя сверхсекретную миссию, а вокруг него толпились любопытные мальчишки со всей округи.

Стало прохладнее. Термометр показывал «всего» 28 градусов в тени. Солнечный шар быстро погружался в море.

ПО ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

В воскресенье утром мы отправились в поездку по большому полуострову, который первоначально только один назывался Сьерра-Леоне, а по новому административному делению 1963 года получил официальное наименование Западная область.

Меня сопровождают Корделия с Хассаном и его друг Аки, молодой инженер из государственного карьера во Фритауне. Компания у нас веселая, особенно всех развлекает остряк Аки. Он без устали рассказывает на крио анекдоты, над которыми Корделия смеется до упаду. Хотя я не понимаю ни слова, а Хассан не успевает мне переводить, общая веселость заражает и меня.

Полуостров от устья реки Рибии на юге выдается приблизительно на сорок километров на северо-запад, в Атлантический океан. На северо-востоке его отделяет от материка широкая река Сьерра-Леоне. По ней можно достигнуть сильно изрезанной бухты с островами Тассо, Пепел, Тумбу и Хагбели.

Погода прекрасная, в девять часов утра солнце уже вовсю жарит с ясного неба. Большую часть года в прибрежных районах стоит влажная жара. Хотя на синем небе ни облачка, духота такая, что кажется — вот-вот разразится гроза.

На асфальте машина легко делает в среднем шестьдесят километров в час, но мосты над многочисленными ложбинами настолько узки, что по ним с трудом проезжает один автомобиль. Тем не менее водители лихо подкатывают к переездам. Мне кажется, они устроили забаву из того, чтобы доказывать неуступчивому водителю попутной машины, что право преимущественного проезда имеет тот, кто едет быстрее! К стыду своему, должен признаться, что я с удовольствием участвовал в этой игре.

Существуют, конечно, дорожные знаки и твердые правила, но за пределами города традиционное право сильнее любых правил движения. Тот, у кого сигнал ярче, скорость выше, а нервы крепче, бесспорно, получает право преимущественного проезда, хотя вообще-то оно должно принадлежать тому, кто подъезжает с правой стороны.

В нескольких километрах от Фритауна, на горном массиве, образованном габбро, вздымается почти на девятьсот метров знаменитая Сахарная голова, а соседний Пикет-Хилл — даже на тысячу метров. Склоны гор покрыты густым дождевым лесом. Вскоре асфальтированное шоссе кончается, и нам приходится довольствоваться грунтовой дорогой на порошковатом красном латерите. За нами поднимается страшная пыль, а когда я торможу, она плотными красными тучами врывается в открытые окна и раздражает наши слизистые. На Корделии белое платье с красивой цветной каймой, и она, вздыхая, наблюдает, как оно на глазах меняет свой цвет.

Большие деревни Западной области, насчитывающие в среднем от двух до шести тысяч жителей, гордо именуют себя городами. Почти все они носят названия, унаследованные от периода английского господства: Уилберфорс, Веллингтон, Годрич, Ламли, Абердин, Гастингс, Ватерлоо (Уотерлу). Плотность населения здесь — 135 человек на квадратный километр — исключительно большая для Африки. К тому же она продолжает увеличиваться: непрерывно происходит переселение людей с материка в те деревни полуострова, чьи жители, в свою очередь, отправились во Фритаун. Конечно, столица обладает большой притягательной силой, она нуждается в рабочих руках, а значит, там легче найти заработок. Отток населения из сельских местностей привел к тому, что многие мелкие деревни на континенте уже опустели.

Еще в середине пятидесятых годов столица насчитывала семьдесят тысяч человек, но к концу шестидесятых численность ее населения возросла до двухсот тысяч человек. Этот скачок, безусловно, ставит перед правительством новые сложные проблемы.

В Ламли мы по узкой песчаной тропе спустились к морю. Нырнув в густую тень деревьев, я осторожно провел «Баркас» между толстыми стволами гигантов, обрамлявших пляж. Из-за резкой перемены освещения глаза плохо видят, только постепенно зрачки расширяются, и тогда между вершинами деревьев снова видно ясное небо. Но вот мы миновали деревья, и нашим глазам открылось сказочное зрелище: синие волны Атлантического океана накатываются на широкий плос-

кий белоснежный пляж из коралловой пыли и тончайшего песка. Он усеян тысячами раковин. Стройные кокосовые пальмы слегка покачиваются на ветру. За ними поднимаются террасами темно-зеленые полосы леса, а вдали — окутанные голубой дымкой горы полуострова. Пляж, какой изображают в книгах с картинками, тянется на километры. Рай для курортников, который ждет только того, чтобы его открыли и освоили. Интересно, долго ли еще этот уголок будет погружен в глубокий сон?

У берега стоит пирога, в ней — бедно одетый пожилой человек. С бесконечным терпением он вырезает примитивным инструментом миниатюрную модель своей узкой деревянной лодки. Зачем он это делает? Может, уже ждет туристов, которые когда-нибудь заполнят чудесный пляж?

Хассан объяснил мне, что человек этот — кру, что люди этого племени — бывалые мореходы и именно из их числа Давид Ливингстон нанял в 1858 году двенадцать человек для участия в путешествии по Восточной Африке с целью проследить течение Замбези. Одинокий резчик погружен в райский покой, вокруг него ни души. Только несколько белобрюхих воронов дерутся на берегу из-за дохлой рыбы, выброшенной прибоем на пляж.

Помимо моей воли у меня в памяти всплыло название книги Бенбери, изданной в Лондоне в 1888 году: «Сьерра-Леоне, или Могила белого человека». Она читается как детектив, хотя на самом деле в ней правдиво изложены факты. Когда-то этот прекрасный берег пользовался дурной славой: он считался самым гнилым уголком Западной Африки, где свирепствовала желтая лихорадка. Кроме того, малярия, фрамбезия, проказа, сонная болезнь буквально косили местное население. В 1892 году во Фритауне родилось 1210 человек, а умерло — 1413. Желтая лихорадка унесла почти половину живших здесь европейцев и многих африканцев — сколько именно, неизвестно.

Сейчас это ушло в прошлое. Благодаря улучшившемуся питанию, комплексу медицинских и гигиенических мер устранены многие опасности, угрожавшие прежде жизни людей. По сравнению с 1880 годом численность населения увеличилась в два раза. Правитель-

ство надеется, что к 1980 году в Сьерра-Леоне будет около трех миллионов жителей⁶.

Хассан выискал пятачок тени под веерообразными листьями пальм, и мы кинулись в теплую соленую воду. Она не освежала, но, когда солнце в мгновение ока испаряло влагу с мокрого после купания тела, на коже оставались крошечные кристаллики соли и ощущалось приятное пощипывание.

Далеко мы не решались заплывать: вдруг здесь водятся акулы. Берег защищен коралловыми банками, но надежная ли это защита от опасных хищников? Ни один из нас не рвался проверить это на своем личном опыте.

Появилось несколько рыбаков. Они пришли босиком из Ламли и притащили огромные плоские корзины со свежей рыбой. Ни слова не говоря, они разложили свой улов перед нами. Эти люди — фанти из Ганы, с 1957 года живущие в Ламли. Кроме того, фанти прочно обосновались в деревеньке Конакри, на берегу Буллом, и в Шенге, у бухты Иори.

Прибрежные воды Сьерра-Леоне, да и всей Западной Африки, славятся своими рыбными богатствами. Здесь материковый шельф выступает далеко в Атлантический океан, и среди водорослей в хорошо прогреваемых верхних слоях воды обитает множество видов морских рыб. Особенно хорошие результаты дает лов сетями вблизи берегов. Лучше всего ловится излюбленная африканцами сельдь — бонга.

Примечательно, что львиную долю улова — в среднем он составляет около двадцати пяти тысяч тонн в год — до сих пор добывают рыбаки в примитивных пирогах и других маленьких лодках, тогда как свыше двадцати современных рыболовных катеров во Фритауне, в основном принадлежащие итальянцам, дают только третью часть всей вылавливаемой рыбы. Местные рыбаки обычно сдают свой улов рыночным торговкам, а те уже перепродают ее во Фритаун или переправляют на грузовиках дальше, в глубь страны. В таких случаях перед отправкой рыбу коптят.

Большинство рыбацких деревень расположено вдоль побережья Западной области, на острове Шербро и вокруг Шенге. Южнее сильный прибой мешает выходить в море и сообщение с рынками плохое,

Хассан хотел купить несколько отборных селедочек бонга и вечером их зажарить, но Аки, косо взглянув на рыбу, сухо заметил, что он, пожалуй, поужинает в «Кейп-Клаб». Аки, очевидно, не принадлежал к поклонникам рыбных блюд. Хассан сделал рукой жест — пропаший, мол, человек — и обратился ко мне: «Но ты-то, Харальд, любишь рыбу?» Это мое слабое место, рыбу я терпеть не могу, и чуть слышно я пролепетал: «Да, но и „Кейп-Клаб“ мне тоже интересно посмотреть». Корделия разразилась громким смехом, Хассан недоуменно пожал плечами, и ужин с дарами моря был отменен.

Перед водохранилищем Гума нам препрадил дорогу сторож: он не может нас пропустить, так как мы не запаслись разрешением на въезд от «Гума Вэлли Уотер Компани» во Фритауне. Хассан попытался угостить его сигаретами, но сторож упорно стоял на своем. Тогда я предъявил мою аккредитационную карточку с великолепным штемпелем: «Министерство информации и радиовещания». Подобные официальные атрибуты всемогущей власти чаще всего и в Африке оказывают свое магическое действие.

— Пожалуйста, господа, — тут же склонился сторож в вежливом поклоне и открыл железные ворота. Описав маршрут, которым мы должны следовать, он заключил:

— И, пожалуйста, не съезжайте с указанных дорог.

Спасибо, конечно, не съедем! «Баркас» тяжело пытался на крутом подъеме, ему предстояло преодолеть несколько серпантинов. Дорога вилась между крутыми обрывами по обеим ее сторонам, можете быть спокойны, по своей воле мы с нее ни на шаг! После получаса езды вверх мы добрались до плотины среди поросших зеленью останцев. Вода в радиаторе кипела. Мы поставили машину и осмотрелись. Вокруг пышный дождевой лес, поражающий разнообразием форм листьев, множеством лиан и эпифитов. Над морем вершин вырываются до высоты сорока-пятидесяти метров огромные деревья с ярко выраженными досковидными корнями. С широкой дорожки на плотине открывается вид на гигантское водохранилище. Это ценнейший резервуар питьевой воды для столицы и окружающих селений Западной области, но сейчас уровень воды в нем силь-

но понижен. В сухой сезон ничтожный приток воды с гор по реке Гума не восполняет ежедневного расхода. Только с началом сезона дождей в середине мая водохранилище быстро наполняется до краев. Тогда по бетонному водоводу шириной в несколько метров вода поступает в долину и питает там «сезонную», можно сказать, электростанцию мощностью около двух с половиной тысяч киловатт.

Большая бронзовая доска с надписью белыми буквами напоминает, что плотина была введена в действие 4 февраля 1967 года генерал-губернатором сэром Генри Лайтфутом Бостоном, африканцем. Строительство плотины было важным делом, говорившим о дальновидности генерал-губернатора: население Фритауна быстро увеличивалось, а без воды жизнь невозможна.

Необходима она и термитам. Там, где грунтовая вода в изобилии, из-под земли вырастают их причудливые сооружения. Недалеко от водохранилища мы прямо рядом с дорогой увидели огромный, могучий термитник со многими башнями. По ширине он не уступает «Баркасу» и вдвое выше его. Строительным материалом термитам служит земля, скрепленная их слюной и экскрементами, которая, высохнув, нередко становится твердой, как цемент. Эти строения берут начало глубоко под землей, но со временем выходят на ее поверхность. Под защитой крепостных стен живут во мраке слепые насекомые с мягкой оболочкой. Сложные системы подземных ходов ведут к их запасам пищи. Таким образом они избегают контактов с внешним миром, где им угрожают насекомоядные животные, убийственные лучи солнца и невероятные ливни. Поразительное государство насекомых! В нем есть «солдаты» с крепкими челюстями, маленькие трудолюбивые «работники» и «царица». После свадебного полета она лежит в глубоком «погребке» крепости, окруженная заботливыми «придворными». Покинуть свою темницу она не в состоянии. Тело ее раздулось от постоянного производства яиц — она всего-навсего орган воспроизводства в своем государстве, насчитывающем десятки тысяч жителей.

Дальше мы долго едем пальмовыми лесами. Сплошной стеной стоят пальмы борассус высотой восемь-десять метров. Тусклая зелень их узких длинных листьев-

метелок напоминает вылинявшее от частых стирок платье. Когда мы останавливаемся передохнуть, над нами звучат прекрасные песни птиц, каких — я, к сожалению, так и не узнал: пернатые певцы оставались невидимыми в густой тени пальм.

Берег от Кента до мыса Шиллинг скалистый. На него накатываются огромные волны в четыре-шесть метров, приливы и отливы здесь необычайно сильны. Прибой с ревом бьется о могучие нагромождения черно-коричневых камней, изгрызенных морем и принявших самые причудливые очертания. Сразу за ними начинается густая чаща леса с пышным подлеском. Скалы и глухой лес придают этому участку побережья нечто зловещее. Вот уж действительно идеальное место действия для героев пиратских историй Стивенсона!

Мною овладевает азарт первооткрывателя, и я карабкаюсь на скалы. В невероятно синем море мне вдруг и в самом деле мерещится «Эспаньола», плывущая к таинственному острову сокровищ. Но это всего лишь маленький африканский парусник, держащий курс при слабом бризе на острова Банана, небольшой архипелаг, который можно разглядеть вдали невооруженным глазом.

К действительности меня полностью возвратил громкий голос Корделии: «Пикник! Пикник!» Мы уселись на одну из пирос, лежавших на светлом песке. Каждую такую лодку длиной десять, шириной один метр вырубает из одного цельного ствола. Какими же гигантами должны быть эти деревья!

Жареные цыплята — мы их едим холодными, запивая солодовым пивом, — пробуждают в нас новый приступ энергии. Все мысли снова обращены к поездке.

Уже к вечеру мы приехали в Ньютон, маленькую деревушку с двумя десятками домов под крышами из волнистого железа, школой, железнодорожной станцией и рынком. Здесь живет дядюшка нашего Аки, человек зажиточный. Мы решили обязательно нанести ему визит, ибо, по словам Аки, у него прекрасная фруктовая плантация.

Дядюшка Бенджамин, толстяк, с трудом протискивающийся в дверь своего дома, при виде гостей приходит в восторг. Он прямо-таки трясется от радости, и, когда мы видим, как его огромный живот колыхет-

ся от кудахтающего смеха, нам и самим становится весело.

В который уже раз меня поражает африканское гостеприимство. Аки говорил чистую правду. В саду плотными рядами стоят грейпфрутовые деревья. Они подходят на наши яблони, только выше их. Внуки хозяйна, два шустрых мальчугана, набирают нам большую корзину сочных грейпфрутов. Для этого один мальчик ловко взбирается на дерево, срывает плоды и по одному бросает вниз. Второй ловит их и бережно укладывает в устланную соломой корзину.

Здесь я впервые увидел сикоморы — в саду растет один из простейших видов тутовых, который дядюшка Бенджамин хочет облагородить. В Северо-Восточной Африке это дерево распространено значительно шире, чем здесь, там его сажают в основном для тени. Его поразительные соплодия, свисающие с ветвей, напоминают маленькие зеленые дыни. Они съедобны, но мне не нравятся. Дядюшка пробует их с видом знатока. Если они поддаются легкому нажиму, поучает он меня, значит, созрели. Но плоды сикоморы ценятся мало, главное ее достоинство — древесина. В древнем Египте из нее делали гробы для усыпальниц фараонов.

Апельсины и лимоны тоже поспели, но манго — эти ароматные косточковые плоды были завезены в Африку из Индии — еще висят на деревьях зеленые. Эти вкусные, сочные плоды содержат особенно высокий процент витамина С и широко применяются для приготовления напитков, мармелада, салатов, карри, сладких блюд, мороженого, соусов и многих других кисло-сладких блюд.

Дядюшка Бенджамин заметил мой интерес к фруктовым деревьям, и у нас очень скоро завязался оживленный разговор на темы садоводства. Я узнал, что большинство однолетних растений засушливых зон дают урожай к рождеству, а маис, маниок и бананы, произрастающие на болотистой почве, плодоносят круглый год. Искусственное орошение увеличивает и число собираемых урожаев, и их объем. По словам дяди Бенджамина, в африканском хозяйстве огромную роль играет маниок. Этот неприхотливый куст высотой от одного до пяти метров — одна из важнейших крахмало-содержащих культур тропиков, полностью заменяющая

Наш картофель. Каждый куст маниока дает под землей от пяти до восьми клубней различной длины и толщины, содержащих до тридцати пяти процентов крахмала. Встречаются клубни почти метровой длины. Маниок известен только в культурном виде. Его выращивали в Центральной и Южной Америке задолго до появления европейцев. В конце XVI века португальские мореплаватели завезли маниок в Западную Африку, где он получил широкое распространение.

После того как мы осмотрели плантацию, перед нами поставили большую калебасу. Такие выдолбленные тыквы различной формы употребляются во всех странах Тропической Африки в качестве сосудов для питья и хранения воды. Они совсем легкие и хорошо переносят перевозку.

Но в той калебасе, что стояла перед нами, была не вода, а пальмовое вино. Дядюшка Бенджамин, наполняя бокалы, в предвкушении удовольствия прищелкивал языком. Этот пенистый напиток не что иное, как сок дикорастущей масличной пальмы, чтобы добыть его, достаточно надрезать ствол. Никакие добавления не требуются. Надо только дать соку перебродить в открытой посуде — и он готов к употреблению. В холодном виде он имеет приятный сладковатый вкус и хорошо утоляет жажду.

Масличная пальма растет на всей территории Сьерра-Леоне, за исключением северных районов. Она любит берега больших рек, сохраняющих воду и в засушливые сезоны. И жители повсюду охотно занимаются подсочкой. Правда, есть государственный указ о сдаче пальмового сока на винно-водочный завод в Веллингтоне, где из него изготавливают джин и другие алкогольные напитки. Хотя крестьяне, естественно, получают за это вознаграждение, они по традиции предпочитают употреблять сок сами.

Масличная пальма дает и пальмовое масло, также находящее широкое применение в домашнем хозяйстве и промышленности, поэтому государство перешло к систематическому разведению масличной пальмы. Древесный питомник Сельскохозяйственной академии в Нджала стремится выводить особенно урожайные виды. Гибриды ниже обычных деревьев — с них легче собирать урожай. Маслосодержащий слой в их плодах

толще. Гибрид дает в два раза больше масла, чем дикая пальма. Каждый год питомник выращивает около ста тысяч саженцев.

Калемаса ходила по кругу. Когда показалось дно, наш гостеприимный хозяин велел принести еще одну, но мы с благодарностью отказались: до Фритауна далеко, вечер не за горами, пора ехать.

— Если у вас будет время, вам надо обязательно посмотреть посевы болотного риса в Манге, около Порт-Локо, — сказал на прощание дядюшка Бенджамин.

— Прекрасная идея, — подхватил Хассан. — Я и сам там еще не был. Можем в ближайшие дни отправиться в Манге.

С удовольствием, но сначала я хотел бы закончить «школьную программу» во Фритауне.

Я решил посетить несколько фритаунских школ. Ведь все будущее Сьерра-Леоне зависит от государственной программы образования.

На обратном пути мы пересекли узкое полотно железной дороги.

— Что это такое? — спросил я у Хассана.

— Сьерра-леонская железная дорога, вернее, то, что от нее осталось.

Это однокорейка, которая, делая бесчисленные повороты, соединяет Фритаун с Пендембу, лежащим на триста шестьдесят шесть километров дальше на восток, у самой границы с Либерией. Колея преодолевает множество подъемов, поэтому средняя скорость поезда не превышает тридцати километров в час.

Государственная железная дорога была построена между 1895 и 1916 годами. Для снижения себестоимости строительства англичане выбрали колею шириной семьдесят шесть сантиметров. На трассе встречалось много рек и ручьев, пришлось построить сто одиннадцать мостов, причем два из них длиной свыше двухсот метров. В 1965 году мост через Рибби обрушился, целый год на этом участке поезда не ходили, пока с помощью англичан эксплуатацию участка не возобновили. Тогда были даже введены современные тепловозы.

И все же железная дорога нерентабельна. За все время своего существования она никогда не работала

успешно. Для этого ей не хватает главного — перевозок крупных грузов. После 1927 года только четыре раза — в 1936, 1937, 1941 и 1942 годах — доходы дороги несколько превысили расходы на ее содержание, а с тех пор ежегодный дефицит перевалил за полмиллиона леоне.

Главная причина та, что после прекращения в 1963 году добычи хрома в Ханге дорога лишилась основного источника дохода. Правда, в том же году было перевезено свыше одного миллиона пассажиров, но это не могло восполнить потерю, так как они совершали поездки в основном на короткие расстояния и на ограниченных участках между Фритауном и Сонго и между Бо и Сегбвема. Чтобы оправдать хотя бы эксплуатационные расходы, администрации пришлось прекратить движение по боковым веткам.

В настоящее время поезда ходят только раз в неделю, и то лишь по главной линии, т. е. из Фритауна в Пендембу, в Восточную провинцию, где расположены плантации масличной пальмы, какао и кофе. Но в парламенте раздаются голоса, требующие совсем прекратить движение по железной дороге из-за ее нерентабельности: она не выдерживает конкуренции с автомобильным транспортом, и дорожное строительство стоит на первом месте в программе капиталовложений.

Еще в 1929 году прекратил существование ставший нерентабельным фуникулер во Фритауне, соединявший Уотер-стрит с Хилл-стейшн. Это был самый крутой в мире фуникулер без зубчатого привода. Когда-то железная дорога заменила древний способ транспортировки грузов на спинах носильщиков, теперь ее самое теснит автомобиль!

Экономическое значение сохраняет только железная дорога, построенная в 1933 году горной компанией «Сьерра-Леоне Девелопмент Компани» для доставки железной руды из открытого карьера в Марампе в рудный порт Пепел. Длина этой линии около ста километров, ширина колеи обычная — 1,08 метра.

День мы закончили в популярном саду-ресторане «Кейп-Клуб» на мысу Сьерра — так называется узкая коса за кварталом Мэррей-Таун.

Приехали мы туда на старом «Моррисе», принадлежащем Аки. Это старая, дребезжащая рухлядь, о которой тем не менее Аки с гордостью говорит: «Моя машина». Не будь он инженером, почтенный памятник английской старины давно отказался бы служить. У рулевого управления «Морриса» такой люфт, что при малейшем повороте приходится крутить баранку на триста шестьдесят градусов — иначе вылетишь с шоссе.

— И все же он ездит,— защищал Аки эту грудку металлолома.

— Да, конечно, не знаю только, поедем ли мы сегодня домой или пойдем пешком,— подтрунивал над ним Хассан.

Уже давно стемнело. Сад клуба освещен красными, синими и желтыми огнями. Мы выбрали место под могучими деревьями и заказали хамбургер — поджаренный хлеб с горячим бифштексом и большой порцией томатного кетчупа. Перед нами шумел Атлантический океан, через равные промежутки времени мигал маяк на мысу. Из репродуктора над маленькой круглой танцплощадкой неслась зажигательная музыка. Танцующие парочки наслаждались ею. Поразительно, как движутся в танце африканки. Кажется, что ритмы у них в крови. Некоторые из женщин были одеты в длинные элегантные платья, на темной коже ярко выделялись украшения из серебра или слоновой кости. У Аки шея вытягивалась, глаза блестели, он с трудом мог усидеть на стуле. Наш друг питает слабость к прекрасному полу, к тому же он соломенный вдовец, его жена уже два года учится в Европе.

Мне здесь очень уютно. Как хорошо, что мы не купили рыбу в Ламли! Жара не ощущается, наоборот, прохладно, а как только ты чувствуешь жажду, можешь ее тут же и утолить. Посетителей пока мало, многие приходят позднее, к десяти или одиннадцати часам вечера.

Когда нам принесли еду, около нашего столика сделал стойку жирный пес. Во рту он держал кость, показывая всем своим видом, что он ее уже обглодал дочиستا. Я бросил кусок сухого хлеба «толстяку», он ловко его поймал и тотчас же проглотил, но наказал меня презрительным взглядом. Не того он от меня ожидал!

Чуть позже появилось несколько молодых журнали-

стов, затем пришли ливанские коммерсанты и комендант порта с многочисленной свитой. Все они знали друг друга. Вечер обещал быть интересным.

К полуночи, когда мы покидали ресторан, Аки набрался, что называется, до посинения. Отвесив молчаливый поклон, он вручил мне ключи от машины. В награду за то, что я налегал на легкие напитки, мне выпала честь вести старый «Моррис» в родное стойло. Аки, целиком и полностью доверившись мне, сел сзади рядом с Хассаном и Корделией.

В «Моррисе» темно, как в преисподней. Руль находится справа, но где педали включения скоростей — понятия не имею. Ждать от Аки помощи бесполезно, я где-то что-то нажимаю, и... у всех машин мира есть нечто общее: когда даешь газ, они едут.

ИНЫЕ СТРАНЫ, ИНЫЕ ПРАВЫ

Когда, собственно, я сидел последний раз на школьной скамье? Точно не могу сказать. Сегодня я снова собираюсь в школу, но вместо книг и тетрадей запикиваю в сумку пленки, фотоаппарат и блиц. Я договорился о посещении христианской церковной школы № 4 на Падемба-роуд.

— Кто такой был Падемба?

— Вождь темне, — ответил сопровождавший меня Хассан. — В 1794 году, когда французы подвергли город обстрелу, он вывел детей за его пределы и этим спас им жизнь.

Директор церковной школы м-с Д. Л. Френч точно в восемь, как мы договорились, ждала нас в своем кабинете. Встретила она нас очень приветливо.

С 1965 года в Сьерра-Леоне введено посменное обучение. Одни школы работают до обеда, другие — после. В церковной школе № 4 занятия ведутся утром.

— Сколько у вас учеников? — спросил я у африканской директрисы.

— Сейчас у нас учится пятьсот шестьдесят мальчиков и девочек, но во Фритауне есть школы, насчитывающие до двух тысяч учащихся.

— Не кажется ли вам, что введение в 1956 году платы за обучение поставило в невыгодное положение

беднейшие слои населения, даже удерживает их от того, чтобы давать детям школьное образование, поскольку в Сьерра-Леоне оно не обязательно?

М-с Френч снисходительно улыбнулась:

— Думаю, это не так. Вы плохо знаете характер нашего народа. Именно бедные люди хорошо себе представляют, что только знания, профессиональные навыки, образование могут помочь им подняться по социальной лестнице. Что же касается платы за обучение, то ее размеры колеблются очень сильно в общедоступных пределах. В нашей школе родители учеников первого и второго классов платят пятьдесят центов за семестр. За обучение с третьего по шестой класс мы берем шестьдесят центов, а в седьмом классе — девяносто. Малообеспеченным многодетным семьям государство оказывает помощь. А Объединенный совет христианских церквей оплачивает половину стоимости учебников.

На стене висит расписание уроков одного из седьмых классов, которым вообще завершается обучение в начальных школах Сьерра-Леоне. Затем следует уже средняя школа, гимназия, где в порядке подготовки к университету преподают французский язык и латынь. В гимназию принимаются только учащиеся, успевающие по всем дисциплинам в седьмом классе. Обучение в средней школе уже намного дороже — тридцать три леоне за год. Какой неимущий обитатель лачуг из жести способен выложить за своего ребенка такие деньги?

Итак, вот что я прочел в расписании занятий седьмого класса А церковной школы № 4 во Фритауне (см. табл. на стр. 75).

Занятия начинаются с проверки посещаемости, после обеда ее проводят вторично, чтобы нерадивые ученики не могли прогуливать уроки, хотя время от времени это все равно случается.

Каждую вторую пятницу все школы собираются на центральной площади для экономической учебы, которая длится весь день. Министерство просвещения считает необходимым знакомить детей с проблемами экономики страны в их практическом преломлении. Нельзя не заметить здесь явного сходства с системой школьного образования у нас, в ГДР.

М-с Френч провела нас в огромный зал. Здесь занимаются все семь классов, правда отделенные друг

	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница
8.20	Проверка посещаемости (ПП)	ПП	ПП	ПП	ПП
8.35— 9.15	Математика	Математика	Математика	Математика	Математика
9.15— 9.45	Общая гигиена	География	Английский	Английский	Физкультура
9.45— 10.15	Закон божий	Физкультура	История	Закон божий	Эстетическое воспитание
10.15— 10.25			Перемена		
10.25— 10.55	Физкультура	Поэзия	Закон божий	Английский	Общая гигиена
10.55— 11.45	Биология или естествознание	Английское чтение	Английское чтение	Английское чтение	Гигиена питания или первая помощь
11.45— 12.15			Перемена на обед		
12.15— 13.05	Английский	Сельское хозяйство	Литература	География	Шитье или домоводство
13.05— 13.35	Английский	Исправление сочинений	Биология или естествознание	Биология или естествознание	Рисование
13.35— 14.05	История	Музыка	Общая политика	Эстетическое воспитание	Музыка

от друга ширмами. Такая теснота требует от учащихся высокой дисциплинированности и умения сосредоточиться.

Над учительскими столами висит портрет премьер-министра. Все девочки в одинаковых зеленых платьях

с белым кантом и в белых носочках. Волосы у них заплетены в смешные маленькие косички, уложенные рядами на голове, но иногда торчащие в стороны, подобно колючкам кактуса. Часть мальчиков также одета в зеленые рубашки и короткие штанишки такого же цвета, остальные — в бежевом.

Каждая школа Фритауна выбирает форму по своему вкусу, но преобладают синий, зеленый и розовый цвета. Единая форма имеет большие преимущества: она стирает социальные различия между детьми, которые иначе бросались бы в глаза. А так мальчики и девочки, одетые одинаково вне зависимости от социального положения их родителей, приучаются чувствовать себя равноправными членами общества. По-моему, такой метод воспитания правильный.

Наше присутствие, особенно же вспышки блица, которым я вынужден пользоваться из-за недостатка освещения, заставляет малышей проявлять особое усердие. Молоденькая учительница едва успевает задать вопрос, как перед ней вырастает лес коричневых рук. При этом малыши украдкой смотрят на меня, замечаю ли я их прилежание. Не раз выясняется, что некоторые из них, когда их спрашивают, вовсе не знают ответа на вопрос: им просто не хочется отставать от товарищей. Среди них есть очаровательные личики, но я все же стараюсь оставить их за кадром.

И только на уроке физкультуры во дворе школы выявляется истинный темперамент детей. Они скачут, прыгают, вертятся и бегают так быстро, что даже смотреть на них утомительно, голова идет кругом. Они поют тонкими высокими голосами, отбивая ритм ладошками или неуклюже пританцовывая. Наблюдать за их веселыми играми — большое удовольствие.

На перемене ко мне подошел с самоуверенным видом смысленый второклассник в розовом переднике на бретельках: «Дядя, сними меня!», а когда я выполнил его просьбу, он ткнул меня пальцем в живот и тихо произнес: «Деньги давай!»

«Ага, — подумал я, — экономическая учеба не проходит даром, в мальчика явно есть практическая жилка». Но м-с Френч, очевидно догадавшись, что сказал мальчик, строго погрозила ему пальцем, и маленький человечек убежал.

В Сьерра-Леоне около тысячи начальных школ и пятьдесят гимназий. Кроме того, так называемые профессиональные центры во Фритауне, Кенеме, Лунсаре и Енгеме готовят бесплатно специалистов чисто технических профессий. Во Фритауне и Бо большую роль играют специальные школы для девушек — «христианские академии молодых женщин», где обучают домоводству и уходу за детьми.

Каждая полная средняя школа на девяносто пять процентов содержится правительством и на пять процентов — церковью. Учебные программы включают кроме естественных наук и математики бухгалтерское дело и машинопись. В Академии Альберта, одной из старейших гимназий Фритауна, есть даже маленькая учебная типография. Академия основана в 1904 году, с первого дня ее существования в ней преподают и учатся исключительно африканцы. Эту лучшую в Сьерра-Леоне школу закончили в свое время первый и третий премьер-министры страны, а также лидер Единой демократической партии.

Школьное дело отнюдь не на всей территории Сьерра-Леоне поставлено так же хорошо, как во Фритауне и других больших городах. На периферии преобладает старая начальная школа, в которой резко ощущается недостаток учителей, хотя педагогические институты во Фритауне, Магбураке, Нджале, Бо, Кенеме и Бунумбу выпускают все больше специалистов. Например, в 1971 году учительский колледж имени Милтона Маргаи во Фритауне, готовящий в основном кадры для гимназий, закончило двести восемьдесят человек, а в 1973 году — уже пятьсот. В 1977 году число выпускников должно было перевалить за тысячу.

Но молодые учителя, естественно, предпочитают работать в больших городских школах. Их не привлекает жизнь в сельской местности, лишенная комфорта. Если министерство просвещения хочет охватить учебой жителей деревень, ему придется употребить свое влияние для того, чтобы заставить учителей работать в провинции.

В учительском колледже имени Милтона Маргаи меня ждал сюрприз.

— Здравствуйте, г-н Ланге, как вам нравится Сьерра-Леоне? — спросил меня по-немецки Орландо Мер-

виль, учитель из Вест-Индии, с Антильских островов. Я удивился тому, что он говорит безупречно, без малейшего акцента. Орландо Мервиль три года назад приехал через посредство ЮНЕСКО в Сьерра-Леоне и здесь женился. Его жена — также учительница и, кроме того, шепнула она мне, заговорщически подмигнув, заядлая теннисистка.

— Я сама прервала на некоторое время свою спортивную карьеру, чтобы не лишать шансов других игроков, — показала она на свой живот. Ей осталось всего несколько дней до родов первого ребенка, но это, кажется, нисколько ее не угнетает, наоборот, она подшучивает над своим положением. Муж ее тоже веселый, общительный. Он преподает историю, она — физику.

— Откройте секрет, где вы научились так хорошо говорить по-немецки? — спросил я у Мервиля. Он рассмехался:

— Спасибо за комплимент. Вы и не поверите: в институте имени Гердера в Лейпциге.

— Что? Быть того не может! — Я не сразу пришел в себя от удивления: как можно именно в цитадели Саксонии научиться безукоризненно говорить на литературном немецком?

— И тем не менее это так. Правда, я провел там всего один месяц, ровно столько, сколько нужно для овладения основами языка. Остальное я постиг, путешествуя по вашей стране по методу автостопа.

Нет нужды говорить, что после этого неожиданного знакомства я мог фотографировать в колледже имени Милтона Маргаи сколько моей душе угодно.

Вообще, к моему удовольствию, круг моих знакомых во Фритауне увеличивается с каждым днем. Я и сам удивляюсь тому, что меня знает столько людей. Стоит мне остановиться и что-нибудь спросить у первого встречного, и я уже его хороший знакомый, с которым он потом радостно здоровается. А если я отвечаю не столь сердечно, на лицах появляется разочарование. Приходится все время быть начеку в дополнение ко многим другим обязанностям.

Когда я у сьерра-леонского торгового дома прохожу мимо торговцев масками, с которыми вел оживленные «торговые переговоры», они вскакивают с маленьких, обитых кожей табуреток и взволнованно кричат:

— Хэлло, м-р Ланге, подойдите поближе!

— Завтра, завтра! — отвечаю я, смеясь.

— А, завтра, о'кей.— Назавтра я говорю то же самое.

Два корреспондента с Фритаунского радио полдня возили меня на фургоне передвижной радиостанции. Под конец они высадили меня на территории колледжа Фура-Бей и взяли у меня интервью относительно цели моего путешествия.

Но все это ничто по сравнению с церемонией, разыгрывающейся всякий раз, как я во Фритауне или его окрестностях встречаю Аки. При виде меня он, словно обезумев, изо всех сил жмет на клаксон. Видишь, хочет он этим сказать, добрый старый «Моррис» все еще бегаёт. В ответ я тоже сигналию что есть мочи. Держась как можно ближе друг к другу, мы высовываемся из окон и приветствуем друг друга так тепло, как если бы не виделись целую вечность. На самом деле мы встречаемся если не каждый день, то уж через день обязательно. Водители машин за мной и за ним сочувственно притормаживают, а нередко и сами вступают в концерт клаксонов и глупо радуются вместе с нами. Это всегда потеха.

Семейство ливанцев подарило мне два красивых японских отреза для моей жены. У другого торговца в Сити я регулярно пью из серебряной чашечки кофе — крепкий и черный, как деготь.

Даже заведующий отделом информации Рой Джонсон дважды приезжал ко мне в Мэррей-Таун за советами по фотоделу. Я уж не говорю о том, сколько вопросов мне задают каждый день любопытные в Сити, а по воскресеньям на пляже.

Гость из ГДР, да еще в собственном автомобиле какого здесь раньше не видели, — это ли не развлечение! Я, право же, не страдаю особым тщеславием, но в стране, где я впервые, этот «светский» успех и большое радушие людей доставляют мне истинную радость.

Кроме того, моя «известность» дает мне и реальные преимущества. В Сьерра-Леоне еще не отменено чрезвычайное положение, введенное вслед за попыткой враждебных элементов организовать антиправительственный путч⁷, и иностранцу поэтому совсем не просто получить разрешение посещать, а тем более фотогра-

фировать официальные учреждения. И вот тут-то мне помогают мои знакомства.

Долго я буду помнить мелкие уличные эпизоды. Однажды шестеро знакомых мне ребят из мастерской столяров-краснодеревщиков защитили меня от двух рассерженных мусульман, которых я заснял перед небольшой мечетью. Другой раз я с балкона Хассановой тещи фотографировал, ничего не подозревая, пестрый поток движения через Сити. Вдруг дверь распахнулась, и ворвались четверо возмущенных африканцев. Они якобы работники госбезопасности в штатском, и я только что сфотографировал их машину. Не слишком вежливо и очень решительно они требовали пленки и аппарат, чтобы их реквизировать, я же, не чувствуя за собой вины, не менее решительно отказывался, размахивая перед ними своей пресс-картой. На шум прибежали из кухни Хассан и Аки. «Кто вы такие? Что вам здесь надо? Это мой дом, и вас сюда не звали!» — взревел Хассан, как разъяренный лев. Даже я испугался, увидев, как сверкали его глаза. Аки стоял рядом со здоровенной палкой в руках в положении «наизготовку». И где он так быстро раздобыл ее? Непрошенные гости, явно смущенные неожиданным сопротивлением, бормоча извинения и с сожалением пожимая плечами, скромно ретировались. Со своей стороны, я извинился перед Хассаном за невольное причиненное беспокойство. «Брось, — сухо ответил он, — некоторые слышат даже, как трава растет». Но чем бы это кончилось, не приди мои друзья на помощь?

Вечером мы с Хассаном отправились в «Рокси» — лучший кинотеатр города. Меня уже несколько дней тянуло посмотреть, как показывают фильмы в тропиках. Сеанс начинался в двадцать один час. Билеты были почти все распроданы, но Хассан все же сумел достать два хороших места. Когда я ставил машину, совсем маленький мальчонка вызвался ее сторожить. Я было заколебался: по-моему, малышу давно пора спать, но дело решил Хассан.

— Берем его, — сказал он. — Пусть заработает. Да и нам лучше, чем стоять потом с проколотыми шинами.

Я обогатился новым опытом.

Сеанс начинался с нескольких короткометражек, рекламных роликов и двух мультфильмов. Кондицио-

нирование в зале великолепное. Во время сеанса даже разрешается курить и распивать принесенные с собой напитки. Несколько мужчин рядом с нами выставили около себя внушительную батарею пивных бутылок. В коротких перерывах между фильмами женщина разносила крендельки.

Через час наконец началась главная картина — американский вестерн, трескучий и бессодержательный, обыгрывавший вечные, неисчерпаемые темы кражи скота, любви, кольтов и отчаянной храбрости шерифа, главного героя. Когда фильм кончился, никто, к моему удивлению, не встал. Через несколько секунд свет в зале погас и на экране снова замелькали титры. Вторая основная картина принадлежала к фантастическому жанру, в ней говорилось о летающих блюдцах, атомных великанах-чудовищах и технических гигантах.

Только около двух часов мы вышли в душную ночь. Я так устал, что не мог в памяти отделить действие первого фильма от второго.

Наш маленький сторож стоял, улыбаясь, около «Баркаса» и, вежливо поблагодарив, взял свои двадцать центов. Знал ли он, что сеанс кончится так поздно?

«БЕЛОЕ ЗОЛОТО» ПОРТ-ЛОКО

Хотя свежий ветерок накануне вечером вроде бы предвещал ослабление жары, новый день начался сразу с изнурительного зноя. На восходе Памусса развешил на веревке мои выстиранные рубашки и штаны — одежду приходится менять каждый день, а сам уселся рядом, всем своим видом показывая, что он должен лично проследить за сушкой белья. Однако посидеть ему удалось недолго: уже через четверть часа подкрахмленное белье стало твердым, как доска, и Памусса с озабоченным выражением лица понес его гладить. Он уже знал, что я сейчас скажу: «Пожалуйста, Памусса, хоть сегодня ограничься только одной дырой в штанах!» Мои штаны и без того напоминают решето. Но Памусса не умеет гладить «по-холодному».

— Да, сэр! — отвечает он с полной готовностью и энергично принимается за дело. Но через несколько минут, обозревая результаты, я вижу, что он снова про-

жег две длинные узкие дырки в левой штанине, которые внизу соединяются в одну «линию». Бог ему судья! Я окончательно покоряюсь судьбе и натягиваю штаны.

Хассан и я решили поехать сегодня в район Порт-Локо, где в Манге, маленьком местечке на реке Мандо, находится известный научно-исследовательский центр по рисоводству, тот самый институт, о котором нам говорил в Ньютоне дядюшка Бенджамин.

Манге находится примерно в ста шестидесяти километрах к северу от полуострова Сьерра-Леоне. Туда ведут два пути. Один начинается у Киси, через полчаса на пароме надо пересечь широкую реку Сьерра-Леоне, и далее по довольно хорошей дороге можно проехать через Кумрабаи вдоль железнодорожной колеи к Порт-Локо. Эта дорога, безусловно, короче. Кстати говоря, она и кратчайший путь к международному аэропорту Лунги. Но поездка по ней влетит мне в копеечку, ибо за переправу на пароме фирма возьмет с «Баркаса» как с грузовика весьма солидную сумму, нанеся этим ощутимый ущерб моей дорожной кассе. Я уже имел случай испытать это, когда ездил с любезным представителем Интерфлюга во Фритауне Гансом Юргеном Поратом в Лунги, чтобы отдать нашему пилоту лично в руки пленки для немедленного проявления их в Лейпциге. Мне хотелось проверить, в исправности ли мои аппараты и правильную ли я делаю выдержку. Самолеты Интерфлюга прибывают во фритаунский аэропорт Лунги два раза в неделю. Одна линия проходит через Алжир и Будапешт, другая — через Белград.

Пунктуальность, надежность и великолепное обслуживание завоевали Интерфлюгу хорошую репутацию в Сьерра-Леоне, благодаря чему количество пассажиров на наших самолетах непрерывно возрастает. Даже те, кто летит в страны Среднего Востока, в том числе многочисленные ливанские дельцы, охотно пересекают Сахару в наших удобных лайнерах, а в Алжире делают пересадку. 1 апреля 1971 года, когда была открыта вторая авиалиния во Фритаун, Ганс Юрген Порат получил от европейского общества коллекционеров огромную кипу писем, которые он должен был отправить в первый день работы линии.

— Да, да, дорогой г-н Ланге, даже об этом прихо-

дится заботиться несчастному представителю Интерфлюга! — посетовал предприимчивый берлинец.

Египтяне из администрации аэропорта Лунги встретили нас как старых друзей. Порат, хорошо знакомый с комендантом аэропорта, за две минуты получил для меня разрешение подкатить на «Баркасе» прямо к самолету на поле, и я по всем правилам искусства сфотографировал «Баркас» на горячем бетоне взлетной полосы, под крылом машины. Современное здание аэровокзала под бескрайним африканским небом послужило прекрасным фоном. Через несколько дней из Лейпцига пришла телеграмма: «Пленки в порядке».

Но это было недели две назад, а сегодня мы ни в коем случае не поедем через Лунги. Без малейшего сожаления, даже с радостью мы отказались от удобного парома и решили ехать более длинным проселком, где нас ждут новые впечатления. Торопиться некуда: нас не поджимает ни время вылета самолета, ни назначенная встреча.

Дорога вьется среди пышной яркой зелени прибрежных районов. Воды здесь вдоволь, и растительность поражает своим богатством. После Ватерлоо нас останавливает дорожный контроль. У специально поставленного шлагбаума военный пост проверяет документы: чрезвычайное положение в действии.

— Оружие в машине есть? — спрашивает офицер.

— Нет, сэр, наш пулемет — фотоаппарат, — отшучиваюсь я. Офицер расплывается в улыбке и даже не заглядывает в «Баркас». А может, он заметил визитную карточку «Пресса» за лобовым стеклом. Небрежным жестом он разрешает нам проехать.

Шоссе в Порт-Локо местами настолько хорошее, что мы без труда делаем до ста километров в час. Врывающийся через раздвинутую крышу «Баркаса» ветерок приятно освежает. Сначала дорога отклоняется на восток, огибая разветвленные системы рек Сьерра-Леоне, Рокел и Порт-Локо, а спустя некоторое время решительно поворачивает на запад, к Порт-Локо, центру одноименного дистрикта. Три крупные административные единицы материковой части Сьерра-Леоне — Северная, Южная и Восточная провинции — разделены на двенадцать дистриктов, каждый из которых подчиняется начальнику дистрикта.

Порт-Локо, один из пяти дистриктов Северной провинции, занимает в Сьерра-Леоне первое место по численности населения: в девяти его районах, управляемых вождями, проживает около четверти миллиона человек. Этим он обязан плодородию своих земель, благоприятным климатическим условиям для выращивания таких важных сельскохозяйственных культур, как рис и бананы, а также судоходным рекам, связывающим его с рынками на Атлантическом побережье.

В Порт-Локо нам надо заправиться. «Сколько галлонов?» — спрашивает бензозаправщик. Снова приходится вести пересчеты с литров на галлоны. Английскому имперскому галлону, введенному в 1898 году, соответствуют 4,546 литра.

Взглянув на указатель уровня горючего в баке, я с помощью тройных расчетов вычисляю, сколько мне требуется бензина. Но это еще не все, в него надо добавить масло в правильной пропорции. Когда я подставляю под кран канистру с бензином, молодой бензозаправщик испуганно вскакивает. «Что вы делаете?!» Он не может понять, зачем лить в бензин масло, и хочет всеми силами помешать преднамеренному вредительству. «Грузовики» с двухтактными двигателями в Сьерра-Леоне совершенно неизвестны. Только энергичное вмешательство Хассана помогает мне убедить бензозаправщика, что на одном бензине этот автомобиль не поедет. Качая головой, смотрит парень нам вслед. Такую странную машину он видит впервые.

Порт-Локо, большой населенный пункт, утопающий в зелени, производит впечатление дачного поселка. Небольшие каменные дома, окруженные садами с яркими пятнами цветов и кустов гибискуса, опрятные улицы со множеством тенистых деревьев придают городскому пейзажу необычайную прелесть. Сзади к каждому дому подступают высокие, в несколько метров, бананы с толстыми ложными стволами. Они очень хорошо растут в этой теплой и влажной долине, где каждый год выпадает до двух с половиной тысяч миллиметров осадков. Особенно широко распространены бананы двух видов: большие длинные «плантен» и заостренные «карликовый кэвендиш». Они намного меньше знаменитого рыночного сорта «большой Мишель», но обладают таким же приятным запахом. Местные жители жарят по-

сыпанные сахаром бананы на растительном масле, получается очень вкусное лакомство. Чаще всего, однако, «плантен» сушат и мелют, из муки же пекут печенье или добавляют ее в блюда из кассавы.

До сих пор из Порт-Локо почти не вывозят бананы, хотя отсюда их можно быстро доставить на рефрижераторные суда. Дело в том, что, хотя бананы всегда снимают немного недозревшими — иначе они теряют аромат, их путь до плавучего рефрижератора не должен превышать сто — сто пятьдесят километров. Если с момента снятия урожая до погрузки в рефрижератор проходит больше тридцати шести часов, бананам наносится непоправимый ущерб.

— Знаешь ли ты, что плоды банана по ботанической классификации считаются ягодами? — спросил Хассан.

— Нет, первый раз слышу, — признался я удивленно.

— Да, а их соцветия не что иное, как колос.

Вскоре после Порт-Локо на дороге, посреди проезжей части, мы увидели пятнадцать грифов. Они восседали так, словно машины здесь не ходили, и раздирали кусок какой-то мертвечины. Я затормозил. Жертвой стал заяц, который попал под машину, перебегая дорогу. У пернатых хищников голые красноватые головы и светлое пятно на груди — это, бесспорно, стервятники. Они очень доверчивы и подпускают меня с 500-миллиметровым «Орестегором» совсем близко! Только тогда они неуклюже перебираются на другую сторону шоссе. Кажется, что эти несколько шагов стоят им большого труда, что они идут нехотя. Их можно понять: двое смельчаков так и не расстаются с добычей и, пользуясь отсутствием своих товарищей, энергично расправляются с покрытой мухами падалью. Очень скоро от сгнившего мяса ничего не останется. Эта лесная «санитарная команда» не стоит правительству ни цента.

Немного позже хороший асфальт под колесами уступает место пыльному красно-бурому проселку, прозванному «стиральной доской». Трясет на нем так, что поездку, особенно длительную, люди помнят до конца своих дней.

Природа здесь очень своеобразная. Солнечные лучи

тяжело падают на высохшую растительность. Царит тишина, редко-редко запоет в листве дерева одна из немногих здесь птиц. Для густонаселенных прибрежных районов Сьерра-Леоне вообще типична бедность фауны, но здесь животные словно вымерли. Из птиц часто встречаются только египетские цапли, но в отличие от коршунов они чрезмерно осторожны и взлетают, едва я поднимаю телеобъектив. Значит, на них ведется охота.

Вдруг мы почувствовали сильный запах дыма и обуглившегося дерева. «Стой!» — воскликнул Хассан и схватил меня за руку. Справа около дороги горел буш⁸. Густой желтый дым вырывался из леса и застилал дорогу. Я резко нажал на тормоз.

— Лучше отъехать немного назад, — сказал Хассан. — Жар может испортить покрышки, да и бензин легко воспламеняется.

К счастью, я последовал его совету: едва мы отъехали метров на сто, как там началось светопреставление.

Сухая трава и ветки подлеска — благодатная пища для огня, и его ярко-красные языки с треском вздымаются высоко вверх. Месяцами не выпадало ни капли дождя, и жар в один миг заставляет испариться скудные остатки влаги в растительности.

Через две минуты уже весь сухой буш объят пламенем. Белые завесы дыма возносятся сквозь листовые крыши стройных пальм к бледно-голубому небу. Треснит, сгорая, твердая древесина, далеко вокруг разлетаются искры и горящие щепки. Жара становится невыносимой, мы вынуждены отъехать еще дальше. С камерой натотове я осторожно приблизился к бурлящему котлу ведьм, чтобы запечатлеть на пленку разрушительную работу огня.

Он возник не случайно по чьей-то небрежности, как я было подумал. Местные жители подожгли лес, чтобы получить новые площади для посадок риса и других сельскохозяйственных культур. Этот способ освоения африканской целины называется подсечно-огневым. Огонь уничтожает девственную растительность, а зола служит удобрением для почвы.

А вот и ребята, наблюдающие за пожаром. Парни стоят вокруг горящего леса, громким свистом поддерживая связь друг с другом. На их обязанности следить,

чтобы огонь не перекинулся на соседние участки. Если это все-таки случается, они разводят встречный огонь. Выжженная «мертвая» полоса не дает пожару распространяться дальше.

Экстенсивное землепользование с применением переменной системы и плодосменного хозяйства было некогда традиционной формой земледелия во всей Западной Африке.

Выжженные земли возделывались не дольше пяти лет. Их никогда не удобряли, обработка почвы производилась только примитивной мотыгой. В доколониальный период к югу от Сахары не знали плуга: в нем не было экономической необходимости. За исключением отдельных регионов, плотность населения в сельских местностях Африки всегда была ничтожной, сбыт сельскохозяйственных продуктов на внеафриканские рынки не имел существенного значения. Что же тогда могло побудить африканского крестьянина производить намного больше того, чем ему требовалось для удовлетворения собственных нужд?

Продолжительность использования поля зависела от качества почвы. Если она быстро истощалась и урожай становился меньше, это поле покидали и выжигали новые участки земли, делая ее пригодной для обработки. Поэтому селения постоянно перемещались с места на место.

На заброшенных полях могла возникнуть вторичная растительность, но из-за недостатка питательных веществ она пышностью сильно уступала девственной флоре. Разные типы почв обладали различной способностью к регенерации. Обычно только после пятнадцати — двадцати пяти лет отдыха земля снова могла приносить богатые урожаи. Крестьяне опять сводили огнем вторичную растительность и засеивали удобренную золой землю. После повторного использования и систематического пожара поля зарастали травой аланг-аланг⁹.

Пока население увеличивалось медленно, плодосменное хозяйство не имело отрицательных последствий. Но быстрый демографический рост в новейшее время заставлял крестьян сильно сокращать восстановительные периоды и дольше использовать землю. В результате гумусный слой усиленно разрушался, питательные

вещества иссякали, что вело к истощению почвы и снижению урожаев.

В настоящее время подсечно-огневая и переложные системы уже не составляют в Африке единственно возможную форму земледелия. Там, где они еще применяются, рано или поздно они уступят место современным методам агротехники.

Час спустя мы поехали дальше. Горевшие деревья у дороги еще продолжали трещать и шелкать, но огонь уже утратил первоначальную силу, его жар ослаб. Дымившиеся, обугленные стволы являли собой печальное зрелище. А что же случилось с животными? Крупным млекопитающим скорее всего удалось спастись, хотя мы не видели ни одного зверя, выбегавшего из леса. Обитателям подземных нор, грызунам, пожар также не мог нанести большого вреда, но многие из огромной армии мелких живых существ — всевозможные насекомые, лягушки, пресмыкающиеся — наверняка погибли, не перенеся такой высокой температуры.

Паром доставил нас на другой берег Мандо. Здесь в Манге находится «Станция по рисоводству», как сообщает невзрачная вывеска. Манге, по сути дела, представляет собой скромную деревеньку из нескольких глинобитных хижин и десятка длинных каменных домов под красными черепичными крышами, разбросанных на холмах, но для сельского хозяйства Сьерра-Леоне она имеет неоценимое значение, так как здесь изучается культура риса, «белого золота» Сьерра-Леоне. Рис является важнейшим продуктом сельского хозяйства страны и занимает главное место в рационе ее жителей.

Раскидистые деревья манго защищают невысокое административное здание станции от жгучих лучей солнца. Оно так глубоко запряталось в тень, что мы едва не проехали мимо. В маленьком выставочном зале экспонируются различные сорта риса, и тут же рассказывается о методах их выращивания. Мы познакомились с двумя специалистами по сельскому хозяйству и попросили их сообщить о задачах станции.

Под руководством опытных специалистов из Азии на станции испытываются методы выращивания болотного риса, который в здешних условиях обещает более богатые урожаи, чем малоурожайный суходольный рис.

В возвышенных районах материковой части страны суходольный рис, как в старину, сажают в начале сезона дождей, а урожай собирают в последующий сухой сезон. Этот сорт риса растет на нагорьях высотой до двух тысяч метров и мало нуждается в грунтовой влаге, но урожай он дает сравнительно низкий и, главное, только раз в год. Если сезон дождей начинается раньше обычного, поля часто не удается как следует расчистить и подготовить к севу, что еще больше ухудшает урожай. Кроме того, выращивание суходольного риса сильно способствует эрозии почвы, и это может привести к опасным последствиям. Сельское хозяйство, ориентирующееся на интенсивные методы, должно пользоваться в Западной Африке другими агрономическими приемами для выращивания риса.

Приблизительно с 1880 года там стали выращивать на берегах реки Малая Скарсис (Каба) болотный рис. Они выкорчевывали мангры и в дождливый сезон сажали рис в затопляемой пойме реки прямо в воду. После 1913 года посевные площади под рисом в бассейне Скарсис были сильно увеличены, а с 1927 года систематически ведется кампания по расширению площадей под болотным рисом. Склонить к этому крестьян нелегко. Объясняется это тем, что болотный рис — бесспорно, более урожайная культура — здесь тоже приносит только один урожай в год, как и рис суходольный, поскольку зависит от выпадения осадков в дождливый сезон.

После достижения независимости правительство Сьерра-Леоне уделяет чрезвычайно большое внимание увеличению производства риса. В 1954 году в Манге впервые начало применяться искусственное орошение, с незапамятных времен практикующееся в Индии, Китае и Японии. С помощью простых моторных насосов и продуманной системы каналов вода Мандо поднимается в «боли» — заливные рисовые поля, где зеленые побеги риса даже в сухой сезон погружены в воду на целый фут. Благодаря непрерывному орошению в период роста и ряду других мер иногда удается снимать даже три урожая в год.

Мы идем по широким просторам рисовых полей. Растения стоят тесными рядами, между ними сверкает зеркальная поверхность воды, покрывающей бурю зем-

лю. Рис — однолетняя культура с метелкой длиной до тридцати сантиметров. Колоски еще не появились: здесь болотный рис созревает три месяца. В Манге возделывают в основном «тайнан № 5», это, по словам нашего гида, лучший в мире сорт риса. Он урожайнее других разновидностей, тверже, а значит, меньше подвержен нападениям вредителей и обладает превосходными кулинарными качествами.

Манге только начало. Рисоводческие станции постепенно возникают и в других местах: в Рти-Баткану, Макени, Кабале, Махере, Нджале, Бо, Торме, Кенеме, Еле, Бонте, Коно и Пуджехуне. В районах рисосеяния близ устья рек Сева и Ваандже, на реке Малая Скарсис и в районе Макени с 1965 года функционируют общественные тракторные станции. Крестьяне за твердо установленную плату могут пользоваться их услугами для механизированной вспашки рисовых полей.

В Сьерра-Леоне болота занимают около четверти миллиона гектаров площади. При соответствующей подготовке они могут быть использованы под культуру болотного риса. Около пятнадцати процентов болот занято прибрежной мангровой растительностью. Если когда-нибудь удастся освоить эти огромные резервы, это не только позволит удовлетворить растущие потребности населения, но и даст большой избыток для экспорта. Но пока Сьерра-Леоне ввозит рис из азиатских стран.

Азия — родина риса, но с каких пор его там культивируют — можно установить только приблизительно. В Китае он был известен как культурное растение еще во времена легендарной династии Шан, то есть примерно за 2800 лет до нашей эры. В настоящее время рис — самая распространенная культура тропиков, да и вообще важнейший пищевой злак: он является основным продуктом питания по крайней мере для шестидесяти процентов населения земного шара.

Мы уезжали из Манге, уверенные в том, что в будущем «белое золото» вызовет решительные изменения в старой структуре сельского хозяйства Сьерра-Леоне.

БЕСПОКОЙНЫЕ ДНИ ФРИТАУНА

В воздухе столицы чувствуется какое-то беспокойство. Напряжение настолько велико, что кажется, ощу-

щаешь заряды, проходящие через атмосферу. Вот уже несколько дней по городу ходят слухи, будто премьер-министр д-р Сиака Стивенс намерен провозгласить республику еще до 27 апреля, то есть до десятой годовщины независимости. Этим будет положен конец состоянию опеки, унаследованному еще от колониальных времен. Ведь, несмотря на то что Сьерра-Леоне обладает политической независимостью, королева Соединенного королевства считается главой государства. Став суверенной республикой, Сьерра-Леоне получит большую самостоятельность и свободу действий во внешней политике. Это, несомненно, вызовет и юридические последствия, которые скажутся на многих сферах экономики и социальной жизни. Например, газеты уже давно открыто пишут о предстоящей национализации обоих больших банков — «Барклейз бэнк» и «Стандард бэнк оф Уэст Африка». Уже в марте 1970 года правительство вопреки упорному сопротивлению заинтересованных иностранных концернов добилось передачи ему пятидесяти одного процента акций всех действующих в Сьерра-Леоне горных компаний, в том числе алмазных.

Провозглашение республики ограничило бы привилегии правящего слоя, выпестованного и поддерживаемого Лондоном. Утратили бы свою силу английские паспорта многих местных коммерсантов. Осуществление высшего правосудия — утверждение приговоров и рассмотрение просьб о помиловании — не зависело бы больше от Лондона.

Не удивительно, что некоторые жители Сьерра-Леоне лишились сна и покоя и что планы премьер-министра далеко не всеми группами буржуазии встречены с восторгом. Кроме того, открытое обсуждение намеченных мероприятий угрожает тем, что может оживить старые межплеменные распри.

Мне не хотелось оказаться вовлеченным во внутренние дела гостеприимной страны, и я решил покинуть бурлящий город раньше намеченного срока и отправиться в более спокойную глубинку. По сути дела, я осмотрел в Западной области все, что хотел, и по праву мог быть доволен результатами.

Единственное, что меня еще задерживало во Фритауне, это желание последовать любезному приглаше-

нию профессора Бенсона Агу, с которым я недавно познакомился в университете, и побывать у него в гостях, тем более что в ближайшее время профессор уезжал в Вену для работы в Комиссии по атомной энергии. Мы по телефону договорились о встрече на следующий день.

«Баркас» рычал, преодолевая крутые взлеты гор Фура-Бей. С удовольствием въехал я в этот тихий квартал, предоставленный науке. Двое студентов знаками попросили подвезти их. Они живут в общежитии, в главном здании университета сверхсовременной архитектуры, окруженном кустами декоративных растений и цветочными клумбами. На склонах горы много укромных тенистых уголков, зовущих к уединению и размышлениям. Свыше пятисот студентов учится на различных факультетах колледжа Фура-Бей. Коттеджи африканских преподавателей и служащих находятся еще выше, на плато Фура-Бей. Не все они уроженцы Сьерра-Леоне, многие приезжают сюда работать из других африканских стран. Вот и профессор Агу, читающий в колледже курс физики, — нигериец. Кроме английского он владеет французским и довольно хорошо знает немецкий язык, на котором приветствует меня в дверях своего дома. Его жена — веселая хорошенькая англичанка, которая родила ему двух сорванцов.

— Кофе или чаю? — спросила миссис Агу. Из вежливости я выбрал чай, но, к моему удивлению, хозяйка лишена английского консерватизма и охотно пьет кофе.

— Ты предлагаешь нашему гостю выбор между двумя отравками, — рассмеялся Бен Агу. — Отведайте-ка лучше дыни с моего огорода. — И он умело разрезал только что сорванный круглый плод. Оказалось, дыни — увлечение профессора. Кроме того, у дома растет несколько бананов, но их плоды еще не созрели.

С маленькой террасы коттеджа открывается великолепный вид на реку Сьерра-Леоне, город и бухту. Справа под нами находится большая каменоломня Фритауна, где добывают гранит для строительства. Там работает инженером Аки.

С моря дует свежий ветерок. В непринужденной беседе я узнал много нового о знаменитом университете. Само его существование — огромный прогресс для Сьерра-Леоне; чтобы понять это, достаточно вспомнить,

что еще в 1953 году девяносто четыре процента жителей старше семи лет были неграмотными. Университет возник в 1827 году как духовная семинария, но в настоящее время он объединяет кроме богословского различные гуманитарные, естественнонаучные и экономические факультеты. Африканские университеты и работающие в них ученые играют все более важную роль на международной арене — в этом сказывается растущее значение стран Африки в масштабах всего мира. Об этом говорит и то, что рядом со сьерралейцами и жителями других стран Западной Африки в колледже Фура-Бей учатся в течение нескольких лет европейские юноши. Это для меня новость. Как быстро все меняется в нашем мире! Но, конечно, правительство Сьерра-Леоне, в свою очередь, посылает своих будущих специалистов учиться за границу, прежде всего в Советский Союз и Англию, но также в ГДР и другие социалистические государства Европы.

Наступил мой черед рассказывать о Лейпциге и о моих впечатлениях от Сьерра-Леоне.

— А что вы собираетесь делать дальше? — спросил профессор Агу.

— Я решил завтра рано утром отправиться в глубь страны. Прежде всего я хочу разыскать зоолога д-ра Зиттера, зверолова из Австрии. В отдаленных районах на реке Малая Скарсис и в северной саванне я хочу заняться изучением фауны и флоры. И, наконец, я мечтаю подняться на горы Лома (Бинтимани).

— Очень насыщенная программа. Вы поступаете правильно, уезжая. Если не ошибаюсь, во Фритауне скоро станет жарко. Во всяком случае, все предвещает бурю.

Около полудня мы распрощались, пожелав друг другу самого лучшего.

Спускаясь на «Баркасе» по крутым серпантинам в город, я заметил, что улицы города охвачены каким-то волнением. Люди в панике разбегались по домам. Торговцы лихорадочно убирали товары на развале. На окнах магазинов опускались жалюзи. Что-то кричали мне вслед, но что именно — я не мог разобрать. Что случилось?

Желая это понять, я у подножия горы затормозил. И как только мотор замолчал, все стало ясно. Со сто-

роны резиденции премьер-министра на Тауэр-Хилл доносилось сухое пощелкивание ружейных выстрелов. Бенсон Агу, настойчиво советовавший мне уехать как можно скорее, был прав. Но я опоздал. Сторонники и противники правительства Стивенса раскрыли свои карты, и дело дошло до кровопролития. Стрельба усилилась. Путчисты под командованием бригадного генерала Джона Бангуры обстреливали из пулеметов резиденцию премьер-министра, а засевшая там его личная охрана энергично оборонялась.

Долго обдумывать ситуацию мне не пришлось. Испуганные люди легко поддались панике. К «Баркасу» с криком бросились три совсем юные девушки и, распахнув правую дверцу, поспешно втиснулись внутрь. «Поехали, скорей, скорей!» Да, но куда ехать? Еще человек десять облепили машину со всех сторон, они тоже хотели ехать с нами. Я дал газ и поехал прочь из опасного квартала, поехал осторожно, но уж, наверное, немного быстрее, чем позволяет полиция. Бояться нечего: ни полицейских, ни регулировщиков в штатском на улицах не было. Все попрятались, многочисленные магазины, банки и почтамт закрыты. Фритаун, в котором жизнь обычно была ключом, напоминал покинутый город. Уличное движение замерло. Около порта девушки, почти совсем оправившиеся от испуга, вышли.

Не долго думая, я помчался к Хассану в Қиси. Он был виден еще издалека, этакий живой вопросительный знак перед воротами птицебойни. И в самом деле, как быть, что делать? Здесь все были взволнованны, никто толком не знал, что происходит в городе. Даже часовые перед зданием бойни находились в полном замешательстве. Они не получили никаких приказаний ни от одной из сторон. Судорожно сжимая в руках оружие, они обсуждали со стоявшими рядом события в городе.

Я отвел Хассана в сторону.

— Нам не следует здесь задерживаться. Надо как можно скорее ехать в Мэррей-Таун.

— Через город? — усомнился Хассан.

Полчаса назад это еще было возможно. Может, повезет.

— Ладно, поехали.

К нам присоединилась добрая половина работников бойни. Сначала все шло хорошо, так как улицы были совершенно безлюдны. У могучего хлопкового дерева мы приблизились к «опасной зоне»: до резиденции премьера осталось только сто метров. В этот момент по улице защелкали выстрелы. С шедшего перед нами грузовика с портовыми рабочими посыпались люди и вмиг разбежались в разные стороны по домам. Теперь наступил наш черед, ведь иначе в Мэррей-Таун не попасть. Я осторожно вырулил на опасный участок. До чего же высоко сидишь в этом «Баркасе», окруженный со всех сторон одними стеклами! И замечаешь это лишь тогда, когда воздух начинен свинцом. Снова раздалась выстрелы, но они предназначались не нам. От дворца губернатора бежали три солдата с ружьями наперевес, преследуя кого-то. Нам даже не очень хотелось выяснять, кого именно, единственное наше желание было улизнуть незамеченными. И нам это удалось! Какое-то время мы радовались этому, как радуются дети, забыв, в каком серьезном положении мы находились.

Двумя километрами дальше военные перегородили улицу, ведущую к резиденции премьер-министра. Угрожающе торчали дула пулеметов, солдаты повернули карабины с примкнутыми штыками в нашу сторону. Нами снова овладел страх.

— Вот теперь мы засели прочно, — разочарованно прошептал я.

— Будь с армией повежливее, сила на ее стороне, — шепотом же попросил Хассан, хотя в этом не было особой необходимости.

Мы все расплылись в улыбках: «Здравствуйте, господа! Пожалуйста, господа! Спасибо, господа!»

Как изменчива жизнь! В этот момент я вспомнил мой первый день в Мэррей-Таун, когда четыре солдата хотели нас задержать, а Хассан возмущенно погрозил им кулаком.

Теперь же я почтительно показал мою пресс-карту. Часовые отошли в сторону и шепотом посовещались. Затем старший по званию кивнул: можете ехать. У меня отлегло от сердца, мы таки прорвались!

Корделия уже сильно беспокоилась и при виде нас обрадовалась чрезвычайно. Но мы еще долго не могли

прийти в себя и все говорили о драматических событиях этого черного понедельника.

Во вторник положение оставалось неопределенным. Радио и газеты ничего не сообщали. На работу никто не ходил. Но в среду с военным путчем было покончено. Государственный переворот, подготовленный бригадным генералом Джоном Бангурой против д-ра Сиака Стивенса, потерпел неудачу, встретив сопротивление преданных правительству частей. В тот же день Бангура с шестью офицерами штаба был арестован своими заместителями — полковником Момо и подполковником Кингом, а радио Фритауна опровергло переданное ранее сообщение о победе путчистов. В обращении к населению Сэм Кинг заявил, что армия отказывается повиноваться верховному командованию и признает кабинет Стивенса законным правительством Сьерра-Леоне. Новым командующим всеми вооруженными силами был назначен полковник Момо. Многим из тех, кто стоял за кулисами военного путча, пришлось бежать за границу.

Жизнь в столице постепенно входила в нормальную колею.

НА ФЕРМЕ «ПОДКОВА»

Я решил, что пора мне покинуть гостеприимный дом Хассана, Фритаун, Западную область и в поисках фотографических открытий направиться в глубинные районы страны.

Однако Хассан, выслушав меня, проявил полное непонимание.

— Зачем тебе туда ехать? Чего ты там не видел? Дороги отвратительные, от москитов нет жителя, люди отсталые, — уговаривал он меня. Привыкший к универсальным магазинам столицы, телевидению, комфорту и вообще к современному образу жизни, Хассан гордо заметил: — Сьерра-Леоне — это Фритаун, и больше ничего!

Подумать только, в Африку уже проникло высокомерие, присущее жителям всех столиц мира. Известно ведь, что и для парижанина Франция — это Париж.

С улыбкой выслушал я похвалы Хассана по адресу

его прекрасного Фритауна, но остался при своем мнении, так как хорошо знал, что в городах и урбанизированных местностях живет не больше пятой части населения Сьерра-Леоне, остальные же составляют «деревенщину», как выражаются с легкой насмешкой африканские горожане. Правда, и официальные власти не очень-то думают о каком-нибудь сусу, живущем где-то там, в непроходимом буше. Я уж не говорю об английской администрации, но и у молодого африканского правительства пока совсем иные заботы.

Корделия же, куда меньше, чем Хассан, верящая в чары Фритауна, решила, что просто мне не нравится ее стряпня. Ее я успокоил очень легко, уничтожив вечером огромную порцию кушанья из риса с множеством приправ. Не одобрил моих планов и Ганс Юрген Порат, который, задумчиво покачав головой, попытался отговорить меня от поездки — правда, совсем по другим причинам, чем Хассан: я могу, опасался он, застрять в буше, и помощи мне тогда ждать неоткуда. А заведующий отделом информации Рой Джонсон извинился, что ввиду теперешнего напряженного положения не может дать мне сопровождающего. Четверо против одного! Но я твердо помнил старую истину: если хочешь чего-нибудь добиться от человека, переупряжь его. В конце концов мне удалось преодолеть все сомнения моих друзей и добиться их поддержки.

На следующий день, вечером, я залил канистры водой, загрузил в «Баркас» сухари и консервы и на расвете, сопровождаемый добрыми напутствиями и советами, тронулся в путь, в «дикие места», как выразился при прощании со мной Хассан.

Моей первой целью была звероловная станция, находящаяся в ведении австрийского зоолога д-ра Зиттера. До нее всего лишь час езды на машине от Фритауна. «Баркас», бодро пофыркивая, быстро пересекал по хорошему шоссе прибрежную равнину, но у притока Киси дорогу ему преградило стадо светло-желтых коров ндама, которых восемь юных пастухов гнали с громкими криками на водопой. Сотни копыт вздымали плотную тучу пыли, которая сопровождала стадо на всем его пути с гор к Киси. Босые пастухи, размахивая кнутами, суетились вокруг животных, не давая им разбегаться.

Оба рога у каждой коровы обвязаны у основания веревкой длиной около метра, скорее всего для того, чтобы можно было ее привязывать или вести.

Чем ближе к воде, тем стремительнее двигались коровы, и пастухам только с большим трудом удавалось немного задерживать их бег. Я вышел из машины, чтобы заснять стадо, и весь углубился в это занятие. Вдруг мимо меня медленно проехал «Баркас» с открытой передней дверцей. Вот дьявольщина, я забыл поставить машину на ручной тормоз, и одна из коров привела ее в движение, толкнув коротким крепким рогом. На задней двери остались в качестве сувенира его следы — две вмятины на железе. Воинственные существа эти ндама. В испуге я быстро вскочил в катившийся дальше вниз «Баркас» и крепко затянул тормоз. Со злорадным хихиканьем мимо меня промчались два пастуха, обливаясь потом. Пасти ндама — работа не из легких.

Наконец коровы достигли воды и расположились на многочисленных камнях, разбросанных по руслу ручья. Эти огромные камни вынес сюда бурный поток, мчащийся с гор в дождливый сезон, и большинство из них круглые — так отполировала их вода. С громким сопением коровы жадно пили тепловатую воду.

А тем временем метров на пятьдесят выше по течению происходила настоящая феерия стирки. Двадцать юных девушек, стоя по щиколотку в воде, били плоскими колотушками по замоченному белью, чтобы отделить грязь. Некоторые, наоборот, колотили белье о большие круглые камни. Метод, конечно, очень примитивный, но он дает хорошие результаты. На большинстве девушек была только пестрая набедренная повязка, но некоторые пренебрегли и ею. Обнаженные коричневые тела с маленькими упругими грудями раскачивались в такт ударам. Работа была нелегкая, но девушки весело болтали и смеялись. При виде этой прачечной под открытым небом я тут же вспомнил о своих препрешениях: мое «дорожное обмундирование» давно нуждалось в стирке. Может, мне присоединиться к ловким девушкам и тоже «отбить» рубашки? Это, безусловно, вызовет бурю восторга, но выдержит ли мой гардероб столь неделикатное обращение?

Побив, отполоскав и выжав белье, прачки разложили его на горячих камнях. Когда я был уже доволь-

но близко от девушек, они начали петь. Слов я не понимал — они пели на темне, но мелодия звучала чудесно. Может быть, это африканский вариант песни о прилежной прачке? А мой магнитофон, конечно же, остался в машине! Я кинулся за ним, но, когда я снова спустился к ручью, девушки молчали, и никакими уговорами, никакими посулами я не мог добиться, чтобы они спели еще раз. Все мои дипломатические уловки кончились ничем, и я горько корил себя за любовь к легкой жизни. Впредь кроме трех фотоаппаратов с различными длиннофокусными телеобъективами, сумки, экспометра и письменных принадлежностей, которые всегда должны быть под рукой, я буду вешать на шею еще и магнитофон с микрофоном. Одним килограммом больше или меньше — это уже не существенно.

Я уже хотел возвратиться к машине, когда одна из девушек подозвала меня:

— Спойте сначала вы, тогда и мы повторим песню.

Никогда я не думал, что пою хотя бы сносно, не так я самонадеян, а тут петь перед двадцатью насмешливыми девушками, под горячими лучами африканского солнца... Но цель оправдывает средства, и я храбро затянул: «Все мои утятки по озеру плывут...»

Успех был потрясающий! Девушки сгибались пополам от смеха. Только допев свою арию до конца, я убедился, что эти шельмы обвели меня вокруг пальца. Конечно, они и не думали исполнить свое обещание, и я ретировался не солоно хлебавши. Видно, обещаниям женщин нельзя верить и в Африке!

Ферма «Подкова», — гласила английская надпись над входом на звероловную станцию д-ра Зиттера. Ворота были заперты, но на продолжительные сигналы моего клаксона появился сторож. Он пошел доложить обо мне хозяину дома, и через несколько минут д-р Зиттер приветствовал меня у ворот. «Баркас» проехал по мату с противомикробной пропиткой, мне тоже предложили обтереть об него ноги. Предприимчивый австриец не только занимается ловлей зверей, но и держит домашних животных — коров, овец, свиней, лошадей и оберегает их от инфекции. Огромную территорию фермы «Подкова» окружает высокий забор. Три собаки вме-

сто приветствия тщательно обнюхали мои брюки. Я перенес эту процедуру со скромным достоинством. «Совершенно незнаком», — сообщило обоняние псам, и они ни на минуту не выпускали меня из виду.

Д-р Зиттер повел меня на заднюю террасу дома. Там играла с детьми его молодая жена, прелестная африканка.

— Д-р Хассан уже предупредил меня по телефону о вашем визите, — сообщил мне, улыбаясь, загорелый дочерна зоолог.

— Это я вполне мог ожидать. Д-р Хассан печется обо мне, как наседка о своих цыплятах, — ответил я.

— После событий во Фритауне это нетрудно понять. У нас тут почти ничего не ощущалось, да и вообще вам нигде не будет так хорошо, как здесь. Африканец, живущий в сельской местности, — воплощенное гостеприимство. Основа сельской общины до сих пор большая семья. Если вы не нарушаете законов гостеприимства и сумели расположить к себе вождя деревни, вам будет оказана любая помощь, какая требуется.

Его слова меня успокоили, но д-р Зиттер продолжал:

— Только не проявляйте интереса к делам тайных союзов. Школы в буше — для чужака табу. Я три года дружил с руководителем общества Поро, который, по сути дела, является светским властителем или, если хотите, управляющим деревни. Он избирается собранием рода и, если не справляется со своими обязанностями, может быть смещен. Нас связывала самая сердечная дружба, и все же я не мог посетить территорию, где находилось его общество, хотя именно там для меня, зоолога, было много интересного. Вблизи священных мест охота запрещена, и большинство животных становятся очень доверчивыми. В некоторых религиях буша они считаются священными. Благодаря этому идея охраны природы получила неожиданного союзника, и смею вас заверить, ни в одном национальном парке она не осуществляется столь последовательно, при полном отсутствии браконьерства. Избыток популяции животных переселяется с этих «священных островов» в соседние районы и там становится добычей местных охотников.

После непродолжительного молчания д-р Зиттер рас- смеялся и дружески похлопал меня по плечу:

— Не спрашиваю вас о цели вашего приезда отнюдь не из-за недостатка вежливости. Я и так догадываюсь, что привело вас сюда. Вы хотите увидеть и сфотографировать слонов, антилоп и, если удастся, шимпанзе.

— Угадали, — подхватил я. — Первоначально мы собирались путешествовать вместе с венгром, д-ром Ласло Каса, директором зоологического сада в Веспреме. В этом зоопарке восемь лет жила шимпанзе Бебе, очень умное животное, которую детенышем поймали в пограничном районе между Гвинеей и Сьерра-Леоне. Мы хотели выпустить ее к диким шимпанзе, чтобы проследить, как сложатся отношения между прирученной обезьяной и ее дикими сородичами.

Д-р Зиттер слушал меня с большим интересом.

— Так почему же вы отказались от вашего намерения? — спросил он нетерпеливо.

— К сожалению, за месяц до отъезда Бебе по недомотру персонала сильно простудилась и вскоре умерла от гриппа.

Д-р Зиттер молча кивнул. Он явно вспоминал другие печальные случаи, часто мешавшие его работе зверолова.

— Я почти ничего не знаю о количестве видов и густоте популяций крупных диких животных в Западной Африке, — продолжал я. — А те животные, что я имел возможность наблюдать во время экскурсий в прибрежные районы, производят довольно жалкое впечатление.

— Друг мой, не забывайте, сколько эта земля страдала по вине иностранцев. Войны и охота на рабов не только наносили урон людям, но и были причиной сокращения численности диких животных. Кроме того, Западную Африку нельзя сравнивать с открытыми саваннами высокогорий Восточной Африки, богатыми дичью. Сьерра-Леоне всегда была страной лесов, здесь не было саванны, где пасутся огромные стада травоядных, какие еще и теперь можно наблюдать в национальных парках Восточной Африки. В Сьерра-Леоне никогда не водились жирафы, зебры, носороги, по разнообразию видов и их численности здешняя фауна всегда уступала восточноафриканской, но зато мы вправе гордиться несколькими зоологическими редкостями,

каких не найдешь в больших заповедниках Восточной Африки.

В это время г-жа Зиттер предложила нам прекрасный фруктовый напиток, которому мы воздали должное.

— У вас есть хорошая карта? — поинтересовался мой гостеприимный хозяин. Он хотел показать мне на ней распределение некоторых интересных видов, что, конечно, говорило о его доверии ко мне. Вне себя от радости, я помчался к «Баркасу» за картой, но, когда я попытался открыть дверцу, из-под машины выскочил фокстерьер и яростно впился в мою левую штанину. Грозно рыча и явно сознавая свое превосходство, он трепал мои брюки из стороны в сторону, я же, испугавшись до полусмерти, пытался ласковыми словами улестить злобную тварь. Но хотя дома у меня осталась большая охотничья собака, с этим отвратительным фоксом я никак не мог найти общий язык. Он вообще не подпускал меня к моей собственной машине. Я чувствовал себя, как мышь в западне, и, естественно, старался не шевелиться, так как малейшее мое движение заставляло пса еще крепче впиваться в штаны.

— Где же вы, г-н Ланге? — услышал я нетерпеливый возглас приближавшегося хозяина дома, тут же перешедший в громкую брань: — Ах ты!.. — С вашего разрешения я опущу несколько эпитетов, которые д-р Зиттер адресовал своему фоксу. — Пусти, пошел! — Но храбрый четвероногий страж и не думал расставаться с моими штанами. Только после того, как д-р Зиттер вылил на него полведра холодной воды, я снова обрел свободу передвижения.

— Простите, пожалуйста, я совершенно забыл про фокса. Когда в доме появляются чужие люди, его надо немедленно запирать. Однажды он напал на высокопоставленного государственного чиновника, и еще счастье, что тот смог спрятаться в сарае, хотя ему пришлось просидеть в нем три часа, прежде чем я его наконец нашел. Это было очень неприятное происшествие, и его последствия не замедлили сказаться. Порвал штаны?

— Да пустяки, стоит ли об этом говорить, — старался я успокоить д-ра Зиттера. Он запер фокса в конуру, и мы склонились над картой. Хотя австрий-

ский зоолог уже давно не занимался ловлей животных, по многолетнему опыту работы в Сьерра-Леоне он знал, где лучше всего наблюдать различные виды.

— Вот, пожалуйста!— Он ткнул указательным пальцем в три точки на территории Северной провинции, которые я немедленно отметил крестиком. — Здесь вы можете встретить лесных слонов. А в этих отдаленных речных районах Восточной провинции еще водятся карликовые бегемоты. Теперь они встречаются только у нас, в Сьерра-Леоне, и в соседней Либерии, где в 1912 году Ганс Шомбургк поймал первых пять животных. — В голосе д-ра Зиттера звучала гордость. — Арал их расселения пока недоступен, поэтому им ничто не угрожает. А вот чтобы увидеть шимпанзе, нужно не только иметь хорошего проводника и много времени, но еще и большое везение.

Далее последовали указания, как легче добраться до того или иного места, с какими опасностями я могу встретиться, кого следует выбирать в проводники. Моя записная книжка заполнялась страница за страницей. Теперь я мог руководствоваться кроме собственной интуиции и скудных данных литературы подробными сведениями, полученными от д-ра Зиттера. По его словам, все интересные для зоолога районы расположены на севере и северо-востоке страны. Мне обязательно надо подняться на Лома — самые высокие горы Сьерра-Леоне. Там, на плоскогорье, в очень красивой местности ярко выраженного саванного характера, водятся леопарды, сервалы и золотые кошки. Там еще можно увидеть следы красного буйвола, там пасутся многочисленные стада дукеров, а на северных склонах бродят лесные слоны и встречаются водяные козлы. Острова дождевых лесов, особенно на востоке, служат прибежищем для многих видов обезьян. Среди них преобладают гверцы, но встречаются также дианы, потто, пулоубезьяны из семейства лориобразных, и галаго.

Д-р Зиттер показал мне свои трофеи, помещавшиеся в двух длинных просторных бараках в стороне от хлебов для домашнего скота. Когда мы вошли, нас встретил оживленный птичий гомон. В больших клетках порхали красноголовые и наполеоновские ткачики, всевозможные другие ткачики и вьюрки. Восемь молодых серых попугайчиков приветствовали нас громкими хрип-

лыми криками и ругательствами. Одного из них, особенно дерзкого, я хотел приласкать, но он что было силы долбанул своим кривым клювом мой указательный палец.

— Осторожнее, — предупредил меня с некоторым опозданием д-р Зиттер. — Это очень больно.

— Мне тоже так показалось, — пробормотал я тихо.

За решетками мелькали оранжевые неразлучники и бананоеды. Два маленьких дукера Максвелла с острова Джатвард на реке Рокел с осторожным любопытством сделали несколько шагов по направлению к нам и застыли в ожидании. Они уже знали мягкий голос хозяина, который становился еще мягче, когда он обращался к своим питомцам. Наше внимание привлек было шум, производившийся иголками нескольких великолепных дикобразов при передвижении, но его заглушила трескотня мартышек в другом углу. В соседнем бараке шесть шимпанзе, завидев нас, закричали: «У-уп, уп, уп!» При этом они выражали переполнявшие их чувства тем, что изо всех сил сотрясали прутья клетки. «Уп, уп, уп!» — ответил д-р Зиттер на языке шимпанзе и по очереди потрепал их по волосатым затылкам. Они явно обрадовались при виде своего хозяина, на меня же не обратили никакого внимания.

Золотая кошка, по-видимому совсем молодая, слегка выгнув спину и приняв угрожающий вид, прижалась к задней стенке клетки.

— Свежий трофей, — пояснил зоолог. — Она у нас всего несколько дней и еще не привыкла к новой обстановке.

Он внимательно оглядел животное. Затем мы подошли к гигантским змеям. Питоны длиной в несколько метров лежали в клетке, свернувшись небольшим клубком. Сытые, они ленивы и избегают движений, чтобы не мешать процессу пищеварения.

— А что за белый порошок там на полу? — спросил я.

Д-р Зиттер засмеялся.

— Мука. По просьбе одного приятеля я взял на работу молодого человека из города. Чудак решил, что, раз змеи, завидев муку, извиваются и ползут к ней, значит, они ее едят. Разубедить его невозможно. Высы-

пает в клетку горсть муки и удивляется, что ее не становится меньше.

— А может, у него на уме иное?

— Так я и сам думал сначала. Но на самом деле все намного проще: жители африканской сельской местности — полные невежды в зоологии. Исключение составляют охотники. Они умеют наблюдать за животными и хорошо знают их нравы. Удачливый охотник и сейчас в почете. В его честь односельчане часто устраивают праздники с песнями и танцами. Старайтесь брать в проводники по диким местностям только опытных охотников.

Его слова не были для меня откровением. Ведь и у нас сколько угодно людей, особенно в больших городах, которые не знают, например, какой породы деревья растут в их родной стране. А мой друг, африканец Мустафа, студент медицинского факультета в Лейпциге, признался мне, что диких животных он впервые в жизни увидел в лейпцигском зоологическом саду.

— Почему вы решили отказаться от ловли животных? — спросил я д-ра Зиттера.

Зоолог вздохнул.

— К сожалению, многие виды, пользующиеся сейчас спросом на рынке, в Сьерра-Леоне настолько оскудели, что отлов и продажа этих животных равносильны преступлению. Да и потом, честная ловля зверей требует невероятного терпения, это длительный, упорный труд, романтики в нем нет никакой. Для него нужны опытные люди и дорогое оборудование. Возьмите, например, ловлю шимпанзе сетями. Чтобы не рисковать жизнью животного, приходится прибегать к предосторожностям, которые, естественно, повышают цену «товара». Некоторые бессовестные звероловы, к сожалению, «упростили» задачу: они убивают самок и захватывают детенышей.

— Да, да, я уже не раз об этом слышал.

— Тут во многом виноваты и наши зоологические сады. Они редко интересуются, откуда поступают нужные животные, кто их поймал. Если бы зоопарки покупали животных только у звероловов, зарегистрированных в природоохранных учреждениях, наши пернатые и четвероногие друзья в буше были бы избавлены от многих трагедий.

Доктор Зиттер был совершенно прав. В этом направлении уже кое-что предпринимается, но хороших начинаний пока чрезвычайно мало.

— И сейчас еще сюда наезжают «охотники», прежде всего европейцы, часто даже члены дипломатического корпуса,— с горечью продолжал австрийский зоолог.— По местным законам им не требуется лицензии на отстрел животных. Имеют разрешение на оружие — и достаточно, ведь они якобы защищают поля африканцев. Редких зверей нельзя уничтожать, но кто это понимает? Охотники сплошь и рядом завоевывают несколькими монетами благосклонность местного вожды, и смотришь, их пули уже сразили последние оставшиеся экземпляры западноафриканских животных. И уж конечно, подавай слонов этим так называемым охотникам. Зло, которому нет оправдания! Черт знает что такое!

Последние слова д-р Зиттер произнес очень взволнованно. Я был рад, что познакомился с человеком, который в отличие от большинства приезжающих в Западную Африку европейцев был полон решимости бороться, пока не поздно, за сохранение ее животного мира. Он предложил правительству Сьерра-Леоне объявить национальным парком незаселенные районы гор Лома, последний девственный край в этой стране, и построить там на плоскогорье гостиницу для туристов. Мягкий климат, своеобразный местный колорит, фауна, хотя и менее богатая, чем в Восточной Африке, могут привлечь многочисленных туристов. Тогда и звери окажутся под надежной защитой, и государство получит дополнительный источник валюты — выгода будет двойной. Ничем не ограниченная охота недопустима еще и потому, что европейские охотники обычно гонятся только за трофеями, а ценное мясо, которое невозможно унести без помощи носильщиков, они оставляют на съедение хищным птицам.

Перед отъездом в Сьерра-Леоне я перелистал охотничий справочник Роуланда Уорда, изданный в Африке. Оказалось, что многие рекордные трофеи были добыты именно в Сьерра-Леоне, в основном английскими офицерами, подвизавшимися здесь в период колониализма. По системе оценок, предложенной Роуландом Уордом, шкура леопарда из Сьерра-Леоне признана лучшей в

мире. Лесной слон (*Loxodonta cyclotis*), убитый неким сэром Арнольдом Ходсоном на сьерра-леонской земле, занимает третье место в списке лучших в мире охотничьих трофеев, на втором стоит западноафриканский бонго (*Tragelaphus euryceros*), выслеженный этим же охотником здесь. Третьи места поделили также уроженцы Сьерра-Леоне черный дукер (*Cephalophus niger*) и чернолобый дукер (*Cephalophus dorsalis*).

Только под вечер я распрощался с Зиттерами и фермой «Подкова». Д-р Зиттер долго и сердечно жал мне руку.

— Доброго пути! — кричал он уже в окно «Баркаса». Он сам отпер ворота и помахал мне вслед рукой. По мату с пропиткой «Баркас» выехал наружу. Началась вторая часть путешествия. До захода солнца еще оставалось два часа, и я хотел за это время сделать порядочный рывок в глубь страны.

ПО ПУТИ В МАКЕНИ

Наконец остались далеко позади бесконечные, казалось, болота прибрежной низменности, кишашие комарами и недоступные из-за густых мангровых зарослей. Эти удивительные древесные образования представляют собой большой интерес для ботаника. Мангры произрастают в приливно-отливной зоне на всех участках, периодически затопляемых морем. Это наиболее благоприятная для них среда, хотя они встречаются и вдали от морского побережья, на территории, покрываемой солоноватой и даже совсем пресной водой. Во время прилива над водой возвышаются только кроны мангров, отливы же обнажают их характерные придаточные корни и удивительное приспособление — воздушные корни, с помощью которых эти деревья получают кислород. Они образуют настоящие заросли вдоль изрезанной береговой линии Сьерра-Леоне и в дельтах многочисленных рек.

Я уже миновал прочный каменный мост через широкую реку Рокел. Густая растительность обрамляет ее берега и покрывает всю долину реки. С этого места Рокел судоходна: даже в сухие сезоны здесь достаточно высокий уровень воды. Кстати, немного дальше

на север, у Катикантских холмов, река называется Сели, выше водопадов Бумбуна — снова Рокел, а там, где находятся ее истоки, на севере страны, — опять Сели. Многие крупные реки Африки имеют несколько наименований — в зависимости от того, какие народности живут на их берегах.

Но вот солнечный шар, находившийся в западной части небосвода, с устрашающей быстротой покатился между стройными стволами кокосовых пальм вниз. Пора было подумать и о ночлеге. Я съехал с асфальтированного шоссе на узкую пешеходную тропу и осторожно вырулил между свисавшими ветками деревьев направо в буш, до большой поляны. Лучшего места для стоянки и не придумаешь. Вокруг тянутся ввысь шести- и восьмиметровые стволы пальмы борассус, их длинные веерообразные листья слегка касаются крыши машины. Редкая желтая трава высохла и переломалась. Я вооружился пангой — африканским ножом для рубки буша — и расчистил место для стола со стулом и примитивного очага. В такую сушь я не решаюсь разложить открытый костер, хотя поблизости можно набрать сколько угодно хвороста. Стоит огню перекинуться на буш — и в один миг вспыхнет лесной пожар, погасить который одному человеку не под силу.

В буше я стараюсь питаться по-европейски, что при моих запасах мясных, колбасных и овощных консервов не особенно трудно. Конечно, я мог бы дешево покупать в деревнях кур, яйца, рис и мед, но из-за ограниченного запаса воды я предпочитаю есть однообразную пищу, лишь бы свести к минимуму церемониал «мытья». Совсем от него отказаться нельзя, так как мухи, муравьи и мыши моментально налетают на любую съедобную крошку. Между тем банку консервов достаточно нагреть в горячей воде, открыть, а после того как выгребешь ее содержимое ложкой — закопать в землю.

До наступления темноты оставалось мало времени, я зажег газовую лампу и устроил себе постель в «Баркасе». Яркий свет мгновенно привлек полчища насекомых, которые с жужжанием и гудением кружились вокруг лампы. Несколько раз через очерченный светом круг проносились зигзагами летучие мыши. Невыносимая духота не давала мне заснуть. Я перебирал в

памяти все виденное на ферме «Подкова» и представлял себе мою первую встречу с дикими шимпанзе.

В пять часов утра я поднялся, хотя темно было — хоть глаз выколи, и при свете лампы приготовил легкий завтрак. Как только солнце взошло, я двинулся дальше на север.

Около шоссе растут на голых стеблях толщиной в палец какие-то странные цветы, их ярко-красные головки, напоминающие подушечки для иголок, видны издалека. Мимо пролетает стайка буйволовых ткачиков, они не больше воробья. Их желтое оперение на брюшке красиво сверкает под лучами солнца. У этого вида почти черная голова, роскошные самцы выделяются оранжево-красными глазками. Ткачики охотно селятся колонией, строя на вершине кокосовой пальмы гнезда в виде шатра с направленной вниз короткой входной трубкой.

Дорога пролегает через сухие вторичные леса. Здесь во множестве растут неизвестные мне карликовые кусты и дикая масличная пальма. Этот горе-лес африканцы называют «низким бушем». Временами я много километров подряд еду по унылой местности, где бурая, высохшая трава выше человеческого роста закрывает вид. Редко-редко однообразие травянистого ландшафта нарушается деревом. Этот опасный процесс обезлесения, вызванный традиционными методами сжигания леса, сильно способствует эрозии почвы. Продолжительные ливни, идущие в сезон дождей, уносят верхний плодородный слой, и в результате почва «выщелачивается». Из-за отсутствия гумусного слоя здесь не приживается даже вторичный лес. Почти третья часть территории Сьерра-Леоне, преимущественно на севере и на внутреннем плоскогорье, занята такой бесплодной травянистой саванной. Такие участки производят на меня безрадостное впечатление, которое усиливается при виде валяющихся у дороги «автотрупов». Здесь представлены все виды автомобильного транспорта — от частных малолитражек до больших автобусов. На протяжении двух километров я насчитал не меньше семи следов аварий. Одни обломки ржавеют прямо на обочине шоссе, другие скатились под откос и там сгорели. Некоторые, очевидно, появились совсем недавно, но, так или иначе, они совсем не украшают ландшафт.

В деревнях останки автомобилей охотно используют для несвойственных им целей — в качестве сарая или хлева либо для детских игр, но в буше эти обломки лежат всеми забытые, нередко сквозь них уже проросла трава.

Во всех деревушках вдоль дороги в Макени на маленьких базарах продают овощи и фрукты. Здесь регулярно останавливаются междугородные пассажирские автобусы, направляющиеся в глубинку, которые из-за нагромождений багажа на их крышах кажутся в высоту в два раза больше, чем в ширину. Торговля идет бойко: пассажиры охотно покупают у крестьян, чтобы перекусить в пути, манго, земляные орехи, бананы, вареные початки маиса, копченую рыбу. Самый ходкий товар — апельсины. Они не имеют аромата марокканских цитрусовых, но очень сочны и поэтому хорошо утоляют не только голод, но и жажду. Продаются они в очищенном виде, так что пассажиры избавлены от необходимости сдирать твердую желто-красную кожуру. На этих рынках можно купить плетеные корзины, хлопчатобумажные ткани, сандалии, панги и разную домашнюю утварь. Но вот товаров, предназначенных для туристов, я там не видел. Да и кому они нужны? В Сьерра-Леоне туризм еще не получил такого развития, как в Кении или Танзании, иностранцы появляются здесь очень редко и в большинстве случаев это инженеры, врачи, научные работники, которые где-то в глуши готовят молодые африканские кадры.

Асфальтированное шоссе от Фритауна до Лунсара проложено не так уж давно. Когда-то крупные поселения были связаны лишь узкой пешеходной тропой. Ходить по ней было небезопасно. Только после 1930 года тропу расширили до размеров проезжей дороги, но ею можно было пользоваться лишь в сухое время года. В этой климатической зоне, где в главный сезон дождей выпадает почти семьдесят процентов ежегодных осадков, они неизбежно превращают все проселки в болото.

Сейчас шоссе, не подверженное воздействию непогоды, стало важнейшей магистралью между полуостровом Сьерра-Леоне и хинтерландом, но местные жители по старой привычке упорно продолжают ходить босиком со своей ношей посередине проезжей части. Дрова,

калебасы с водой или пальмовым вином они несут домой на голове. Точно таким же образом они доставляют с полей в деревенские амбары собранный урожай. Я неоднократно пытался пройтись с такой ношей на голове, но всякий раз вызывал только смех окружающих. С тех пор я проникся искренним восхищением перед этими акробатическими силовыми трюками, которым крестьянские дети обучаются с самого раннего возраста. При приближении автомобиля пешеходы почтительно отходят в сторону и терпеливо ожидают на обочине, пока он проедет.

Около десяти часов утра я доехал до Лунсара — крупного населенного пункта в дистрикте Порт-Локо, известного железорудными разработками. Лунсар находится в центре богатого железной рудой района Марампа и многим обязан своему местоположению. Местные запасы чрезвычайно ценного красного железняка, содержащего до шестидесяти шести процентов железа, оцениваются в сто миллионов тонн. Поисковые работы выявили также большие запасы красного железняка на реке Тонколили в горах Сула.

Добыча железной руды — старейшая в Сьерра-Леоне отрасль промышленности. Когда-нибудь она опередит добычу алмазов, но пока та твердо занимает в экспорте первое место. Алмазы и железо — важнейшие богатства страны, на их долю приходится около четверти всего объема экспорта. Добыча алмазов — очень важный источник доходов, но он малоперспективен, а главное — половину приносимых им прибылей до сих пор кладут себе в карман иностранные концерны.

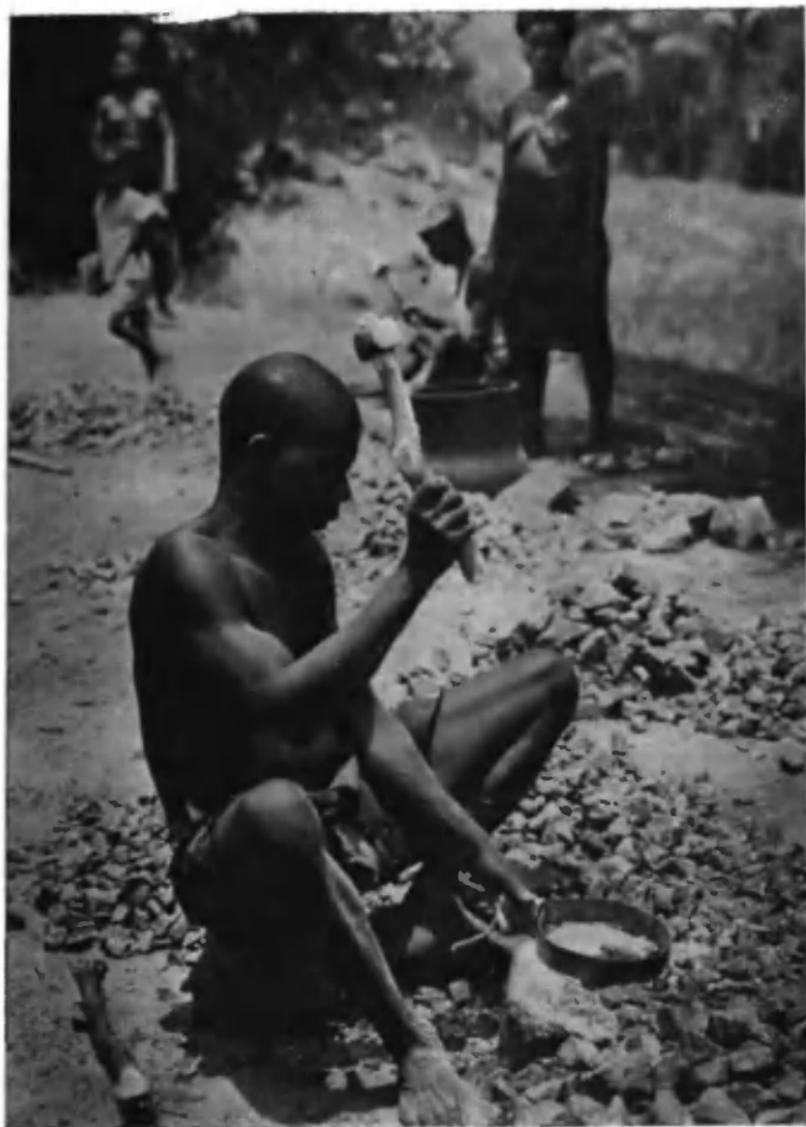
Развитие горнодобывающей промышленности после провозглашения независимости вызвало усиленный приток населения в Лунсар и весь район Марампа. Он охвачен бурным строительством. Возводятся новые дома для горнорабочих, школы и больница. Оживилась, конечно, и деятельность профсоюзов. Их стараниями принят закон о страховании за счет предпринимателей на случай увечья. Введена система добровольного страхования по болезни. Продолжительность рабочей недели сокращена до сорока пяти часов, работающие пользуются ежегодно оплачиваемым двухнедельным отпуском. С нашей точки зрения, в этих социальных достижениях

ях нет ничего поразительного, но для Сьерра-Леоне это резкий рывок вперед по сравнению с условиями труда при английских колонизаторах. В переговорах о заработной плате между представителями профсоюзов и горной компании участвуют теперь на законном основании государственные чиновники, которые защищают интересы народного хозяйства. Налоги и таможенные сборы с горнорудных предприятий составляют существенный вклад в бюджет государства, но и оно, в свою очередь, предоставило этой отрасли промышленности большие кредиты и тем уменьшило влияние иностранных компаний. Руда, добываемая открытым способом, вывозится главным образом в Японию через рудную гавань Пепел, грузооборот которой — свыше одного миллиона тонн в год. Благодаря государственной поддержке непрерывно увеличивается механизация добычи и обогащения руды, а это означает, что число занятых на горных предприятиях впредь не будет расти.

Кстати, в Африке железо добывается с древнейших времен. В некоторых районах континента железодобыча восходит, очевидно, к первому тысячелетию до нашей эры.

На выезде из Лунсара мне пришлось неожиданно распрощаться с прекрасной мечтой о гладком асфальте до конца поездки. При виде начинающейся здесь дороги, которую все называли шоссе, у меня мороз по коже пробежал. Это был проселок коричнево-красного цвета, узкий, пыльный, весь в колдобинах. Все предметы в моей машине пришли в движение и в такт ее рывкам подпрыгивали на буграх и выбоинах. Вскоре я поравнялся с четырьмя рабочими в одних кожаных передниках, которые с помощью простых молотков непрерывно разбивали подносимые детьми булыжники на дорожный щебень. Адски тяжелый труд! У рабочих со лба пот лился градом. Я прикинул, что при таких температурах дорога не так уж скоро покроется прочным слоем щебенки, а сверху — асфальтом. Но при всей скудости технических средств работа начата, а это главное.

Термометр в машине показывал 52 градуса по Цельсию, несмотря на то что я открыл настежь все окна в машине и даже раздвинул крышу. Возникающий при движении ветерок приносил облегчение, хотя и незначительное, но зато я глотал пыль, которая вскоре по-

Так ведется иногда дорожное строительство

крыла тонким красным слоем все вещи в задней части салона. «Баркас» переваливался с одного ухаба на другой. Надолго ли его так хватит? В отчаянии я сбавил скорость: если моя машина потеряет здесь хоть одну важную гайку, это может иметь катастрофические последствия. Со стесненным сердцем вспомнил я ржавые обломки автомобилей в придорожных впадинах. Кто

Никогда не ездил по такой волнообразной дороге, не поймет, как угнетающе она действует на европейца, привыкшего к хорошему шоссе. После того как я несколько десятков километров вел машину осторожно, со скоростью черепахи, я впал в состояние летаргии, часто овладевающее европейцами-водителями в тропиках. Тогда я помчался с бешеной скоростью, что имело некоторые преимущества: «Баркас» теперь не пересчитывал все выбоины по одной, а кое-где перепрыгивал сразу через несколько!

Эти дороги — печальное наследие колониального прошлого. Англичане делали ничтожно мало для расширения дорожной сети: это требовало денег, и немалых, так как многочисленные реки, лагуны, озера и болота сильно удорожают строительство дорог в Сьерра-Леоне. А кроме того, хорошо действующая система сообщения способствовала бы нежелательному для колонизаторов усилению национально-освободительной борьбы сьерралейцев.

Сейчас во Фритауне, конечно, понимают, как важна сеть прочных дорог для всех областей общественной жизни, для промышленности и торговли. Но молодому государству недостает материальных средств, чтобы немедленно осуществить все свои замыслы и планы. Тем не менее в планах государственных капиталовложений строительство дорог занимает важное место. В 1971 году началось строительство современной двухполосной дороги с твердым покрытием из Лунсара на север. Она откроет доступ в районы рисосеяния и скотоводства в Макени и Кабале.

Но я еще еду по старой дороге. Несколько раз она пересекает строящиеся участки будущего шоссе. В одном таком месте я присмотрел удобное место в тени пальм, откуда хорошо видно, как ведется строительство, и поставил туда машину. Поблизости работают мощные бульдозеры. Современные дорожные машины высыпают на проложенную трассу горы песка и щебня. Они работают безостановочно, даже можно сказать в некоторой спешке. Конечно, за такими темпами не угнаться «ручному промыслу», который я имел возможность наблюдать за Лунсаром. Здесь видно, на что способна техника!

— Мы укладываем ежедневно тысячу тонн камня,

это приблизительно содержимое ста грузовиков, — пояснил мне молодой инженер, с которым я разговорился. Поблизости есть залежи гранита, весь строительный материал поступает из двух больших карьеров, где современные машины дробят его на мелкие куски.

— Может быть, на обратном пути вы уже сможете воспользоваться новой дорогой, — попытался утешить меня инженер, взглянув на запыленный «Баркас».

— Спасибо, лучшего нельзя и пожелать, — улыбнулся я.

— Пока! — крикнул инженер через плечо и поспешил к водителям бульдозеров, ожидавшим новых указаний.

Полный оптимизма, я снова сел за руль. Машина мучительно преодолевала километр за километром. Мне бы хотелось, чтобы путешественники, которые в один прекрасный день промчатся по новому широкому шоссе, вспомнили с улыбкой сострадания о моих «пыльных переживаниях».

Все меньше людей попадалось мне навстречу: селения становились реже. Несколько раз я видел коршунов, дравшихся из-за куска падали. Вдруг в моторе раздалось глухое потрескивание, и тут же зажглась контрольная красная лампочка. Я немедленно затормозил и открыл капот двигателя около сиденья. Оттуда мне в лицо ударила горячая волна. Вот она, неисправность: порвался ремень вентилятора. Выждав, пока охладится мотор, я подлез под кузов и в поте лица своего занимался ремонтом, пока все снова не начало крутиться.

В Макени, главный город Северной провинции, я приехал уже под вечер, совершенно разбитый. «Баркас» под конец тоже потерял несколько перышек: передние рессоры стучали с равномерностью, которая действовала чуть ли не успокаивающе; выхлопная труба сорвалась и держалась только на проволоке. Даже из раздвижной крыши выпали четыре гайки. К бензоколонке, первой попавшейся мне на пути, я подкатил на последних каплях бензина — счастье еще, что машину не пришлось толкать!

В этот день я не стал любоваться достопримечательностями северной столицы, а, заправившись, поспешил дальше, чтобы до захода солнца попасть на ветеринар-

ную станцию Теко в двадцати километрах к востоку от Макени, где мне предстояло жить. Станция, ныне центр ветеринарного дела в Сьерра-Леоне, существует с 1942 года.

В Теко все было подготовлено к моему прибытию. Руководитель лаборатории Сэм Джонсон, живой общительный человек, начал беспокоиться, не случилось ли чего со мной, и уже собирался послать навстречу мне машину. Да, участок дороги от Лунсара до Макени даже по африканским масштабам, как признал Сэм Джонсон, сокрушенно качая головой, «очень плохой, очень».

Меня приняли как старого друга, хотя Сэм Джонсон видел меня впервые. Но он друг Хассана — и этим все объясняется. Слуга Сэма, молодой локо по имени Сури, внес мой багаж в дом, не разрешив мне дотронуться ни до одной вещи. Во время пребывания на станции я могу пользоваться его услугами, сказал Джонсон. Мне отвели огромную комнату с огромной кроватью, один вид которой возбудил у меня ужасное желание спать. Но мой гостеприимный хозяин с помощью изрядной порции фуфу быстро возвратил меня к жизни. Фуфу — национальное блюдо, которое во Фритауне едят по субботам во всех семьях. Но оно очень популярно и в провинции, да и вообще во всей Западной Африке. От поданной к фуфу подливки типа карри из пальмового масла и острых приправ у меня захватило дух. Пока мы ели, Сэм Джонсон рассказал, как это блюдо готовится. Очищенные клубни маниока (он, как и картофель, принадлежит к пасленовым) около недели вымачивают в воде, чтобы в процессе брожения из них вышли ядовитые вещества, затем толкут в деревянной ступе, полученную массу разводят водой и пропускают через сито, чтобы отделить от волокон. Когда раствор отстоится, в осадке выпадает крахмал. Воду сливают, а клейкую крахмальную кашу сушат на противнях. Получается мука, годная для хранения. Само по себе фуфу имеет пресный вкус наподобие нашей картофельной муки, и только различные пряные подливки с большим количеством перца придают ему остроту.

После ужина я, как обычно, проявил в моем дорожном бачке две черно-белые пленки, чтобы проверить

исправность камеры «Пентакон-шесть». Результаты — прекрасные, все в порядке.

После этого мы сидели на маленькой веранде перед домом и беседовали, и все тяготы прошедшего дня стали для меня воспоминаниями. Я чувствовал себя непринужденно, почти как дома в обществе моего симпатичного хозяина — с такой естественной простотой держал себя этот образованный и умный человек.

Солнце зашло и окрасило небо над Африкой в красные тона. До наступления полной темноты оставалось несколько минут. Птицы прощались с угасавшим днем, одни взволнованно щебетали, другие пели мелодичными голосами, напоминая звуки флейты. Постепенно в концерт вступали цикады. Но дневной зной не отступил. Здесь, на внутреннем плоскогорье, чувствовалось отсутствие освежающего вечернего бриза, который дует на побережье. Только легкое дуновение ветерка еле-еле шевелило листья деревьев. Над высокими пальмами быстро пролетали на запад вытянутые треугольником небольшие стаи египетских цапель. Там горел буш, и спасавшиеся от огня насекомые становились легкой добычей птиц. От ближайшего источника доносились веселые женские голоса. «Вечерний клуб представительниц прекрасного пола», — с легкой иронией заметил Сэм Джонсон.

Москиты уже появились, но сегодня их несносное жужжание и укусы были мне ни о чем. Последний взгляд из окна моей комнаты я бросил на «Баркас». Он давно спал под гигантским деревом манго, чьи свисавшие спелые сладкие плоды проникли через открытую раздвижную крышу в салон машины.

«СЕКЕ, СЕКЕ!» — ПРИВЕТСТВУЮТ МЕНЯ ТЕМНЕ

Макени — самая маленькая из трех провинциальных столиц Сьерра-Леоне. Всего около восьми тысяч человек живет в ее низких домиках, которые по обеим сторонам улицы тесно жмутся друг к другу, словно жемчужины на одной нитке. Большинство зданий имеет квадрат в основании и покрыто крышей из волнистого железа, свисающей в сторону улицы широким козырьком. Его подпирает несколько круглых или квадрат-

За кокосовыми орехами

ных столбов, и таким образом получают тенистые аркады.

За домами раскинулись сады и огороды, где выращиваются различные тропические культуры: бананы, апельсины, манго, ананасы и всевозможные овощи. Очень много кокосовых пальм, их стволы возносятся на несколько метров над крышами домов, также отбрасывая благодатную тень. Между ними проглядывают совершенно своеобразные деревья, усыпанные ярко-красными цветами. Местные жители называют их франгипани, что в переводе означает «кладбищенские цветы». Странное, казалось бы, название для таких

жизнерадостных цветов, но африканцы благодаря традиционному воспитанию относятся к горю и смерти совсем не так, как мы, европейцы.

В городском пейзаже Макени бросается в глаза великолепная мечеть. С какой бы стороны вы ни приближались к городу, вы видите четыре ее минарета. Светлые башни отчетливо выделяются на фоне синего неба. С каждого из девяти больших и маленьких куполов смотрит полумесяц со звездой — символ ислама. Ни одна религия не нашла в Сьерра-Леоне, да и во всей Западной Африке, такого множества последователей, как мусульманская. И ни одна не смогла столь наглядно выразить в храмах свою власть над душами верующих. Около шестидесяти процентов всего населения Сьерра-Леоне, прежде всего большинство темне, — сунниты, т. е. последователи суннитского направления ислама.

После смерти пророка Мухаммеда в 632 году по нашему летосчислению среди его последователей начались распри из-за того, кого считать законным главой ислама, грозившие подорвать единство верующих. Большая их часть — сунниты — хранила верность ортодоксальной сунне, в которой собраны высказывания Мухаммеда, его сподвижников и другие легенды; остальные же — шииты — объявили своим верховным главой и законным наследником пророка зятя Мухаммеда — Али и потомков Али. После кровопролитной битвы при Кербеле в 680 году, закончившейся решительным поражением шиитских войск, раскол ислама стал окончательным¹⁰. В странах Западной Африки шиитское течение мусульманства почти не пользуется успехом.

Поразительно быстрое распространение ислама к югу от Сахары было скорее следствием развитого общественного обмена, чем систематической религиозной пропаганды, какой, например, усиленно занимались христианские миссионеры. Восток всегда был африканцам ближе, чем Европа.

Кроме того, христианство было религией колонизаторов! Важно и то, что ислам предоставлял верующим большую свободу. Он, например, допускал полигамию и проявлял терпимость к некоторым отклонениям от своего учения. Достаточно сказать, что ни одна мусуль-

манка к югу от Сахары никогда не закрывала лица в отличие от своих арабских сестер на севере.

Приверженность исламу, однако, не мешает многим африканцам посещать одновременно церкви других вероисповеданий. Это странное, казалось бы, явление восходит к традициям старых религий буша. Все африканские религии признают существование верховного божества и этим приближаются к монотеистическим¹¹. Но верховному божеству никто не молится, молитвы возносятся второстепенным богам, так называемым оришам. Это представляется вполне логичным; если племени нужен дождь, оно обращается к тому орише, который ведает дождем. Другое племя, заинтересованное в охотничьей удаче, поклоняется исключительно орише охотников.

Не удивительно поэтому, что и сегодня многие африканцы исповедуют сразу несколько вероучений, каждое из которых они связывают с определенным оришей. Благодаря подобной веротерпимости к югу от Сахары между исламом и христианством, несмотря на их тесное соседство, никогда не было жестоких столкновений, какие сотрясали другие страны.

Я не решился заглянуть во двор мечети, где перед главным зданием с молельными нишами и кафедрой для проповедника находились бассейны для ритуальных омовений. Это было бы величайшей невежливостью и, безусловно, вызвало бы сильное раздражение: я был увешан фотоаппаратами, а храм, святая святых, требовал уважения к запрету ислама изображать живые существа, хотя меня как фотографа это возмущало.

Недалеко от мечети — мастерская резчика. Тут уж я не мог пройти мимо. В тени аркад покрытого волнистым железом дома сидят четыре молодых человека, работающие под наблюдением мастера постарше. Один искусно вырезает из слоновой кости звенья для цепочки, его сосед их полирует и скрепляет медными скобами, третий с поразительной ловкостью обрабатывает корень причудливой формы, последний же превращает деревянную чурку в сильно стилизованную человеческую голову. Это, наверное, будет танцевальная маска, для которой на заготовке уже прорезаны отверстия для глаз, носа и рта.

Из переносного транзистора японского производства льется приглушенная танцевальная музыка; идет передача из Фритауна. Как все же переменялись времена!

Прежде изготовление танцевальных масок, символов предков и амулетов обязательно сопровождалось магическим ритуалом: в процессе работы над ними произносили магические заклинания или пели магические песни, так как эти предметы должны были защищать своих владельцев и сообщать им магическую силу. А сегодня при этом звучит легкая музыка, транслируемая по радио.

— Разрешите войти? — спросил я мастера.

— Пожалуйста, — ответил он прокуренным голосом, пододвигая мне круглую кожаную табуретку. Внимательно наблюдая за работой, я спрашиваю себя: что это — искусство или ремесло? Провести между ними границу в Африке, связанной традициями, нелегко, ибо африканцы понимают под «искусством» нечто иное, чем мы.

Традиционное искусство было и по сей день остается в Африке анонимным. Например, культовая маска, висящая на стене, с точки зрения африканца, никоим образом не является произведением искусства, это всего-навсего обработанный кусок дерева. Но в тот самый момент, когда ее надевает танцор и начинает танцевать, она становится средством художественного выражения. Только тогда форма, материал и цвет данного предмета обретают совсем особое, ритуальное значение.

Но теперь и в этой области произошли ощутимые изменения, хотя многие мастера в сельских местностях продолжают хранить верность древним традициям. Их искусство сводится к набору технических приемов, притом совершенно определенных, которые часто выполняются самыми примитивными орудиями.

Резчики работали не спеша, не обращая на меня внимания. Спустя некоторое время мастер спросил: «Чем могу быть полезен?» — приведя меня этим в замешательство: сейчас он предложит мне купить что-нибудь из его изделий. Но ничуть не бывало. Выяснилось, что мастерская не занималась серийным производством на продажу, а изготавливала уникальные эк-

Искусное изделие из слоновой кости, выполненное резчиками Макени

земляры по заказу клиентов. Мастер охотно показал мне готовые вещи, ожидавшие в заднем помещении своих будущих владельцев. Преобладали цепи и амулеты, фигурки животных, деревянные ложки с резным орнаментом, черные танцевальные маски, прекрасные работы из слоновой кости. Но больше всего меня поразила настоящий шедевр — целое стадо слонов, вырезанное из одного большого кривого бивня. На нем, начиная от острия и кончая шейкой зуба, расположились в затылок друг другу одиннадцать шагающих слонов. Эту прекрасную тонкую вещь заказал один иностранный дипломат.

Я осторожно поинтересовался, откуда мастер получает слоновую кость.

— Из Нигерии, — отрезал он. Но у меня были все основания сомневаться в правдивости его слов: слоны с такими большими бивнями в настоящее время уцелели только в Центральной и Восточной Африке.

Сфотографировав слонов со всех сторон, я пошел дальше осматривать город. Некоторые встречные дру-

желюбно приветствовали меня словами на языке темне: «Секе, секе!» Радостно удивленный, я отвечал тем же: «Секе, секе!». Жест вежливости, но он заставил меня забыть, что я здесь чужой.

Несколько матерей, обнаженные до пояса, сидят на ступеньках домов и спокойно кормят грудью своих младенцев. Они полны естественного достоинства и почти не обращают внимания на мои усиленные попытки их сфотографировать. Молодые девушки также не пытаются ускользнуть от поблескивающего глаза камеры, когда я навожу его с помощью фотоискателя. Большинство из них одеты в длинные африканские одеяния из очень красивых тканей с ярким рисунком. Вопреки моде, уже получившей признание во Фритауне, короткие юбки встречаются редко. Некоторые женщины по арабскому обычаю носят светлые, почти белые платья. Повидимому, здешние франтихи питают пристрастие к большим серьгам в виде пестрых шариков или серебряных подвесок: уличные торговки предлагают большой выбор этих предметов. Последний крик местной дамской моды, очевидно, соломенные шляпы мягких тонов с широкими полями, отделанные изящной вуалью, которые никак не соответствуют традиционному обычаю носить тяжести на голове. Обладательницы таких шляп идут за покупками с плетеной сумкой из желтой соломы через плечо. Несколько женщин ищут защиты от жгучих лучей солнца под зонтиками веселых расцветок. Две матери с младенцами за спиной несут водруженные на голову тяжелые, в восемь слоев, кипы тканей. Дети тоже пытаются носить на головах миски с плодами манго или лепешками из маниока, но, еще не умея как следует соблюдать равновесие, старательно придерживают их руками.

Это яркое многообразное зрелище очень интересно наблюдать, а еще интереснее фотографировать. Как и я, вся толпа стремится к рынку. В Макени шестьдесят три африканских и двадцать пять ливанских магазинов с очень большим выбором товаров, но они никоим образом не заменяют рынок с его толчеей.

За первыми рыночными прилавками стоит единственный старый кедр, на котором приютилась большая колония красноголовых ткачиков. С верхних веток дерева свисает не меньше сорока их гнезд типич-

ной шарообразной формы. Своим названием эти птицы обязаны ярко-красной голове, которой обладают только самцы. В колонии почти не заметно движения, редко-редко к ней подлетают отдельные птицы: время гнездования и высиживания птенцов наступит только через несколько недель, в период дождей, когда больше всего корма.

До меня донесся резкий запах рыбы. На столе, покрытом мешковиной, стоят корзины с кучками копченой морской рыбы. Ассортимент товаров на рынке Макени отвечает практическим потребностям жителей африканской деревни. Кроме продуктов питания, овощей и фруктов здесь много мисок, тарелок, чашек, горшков... На каждом шагу предлагают платки и ткани. Но нигде не видно изделий африканских ремесел, до которых так охочи туристы.

За мной увязался странно одетый человек. Его платье до пят и белая феска придавали ему некоторое сходство с арабскими купцами. Никаких товаров при нем не было, но тем не менее по его красноречивым жестам я понял, что он хочет что-то мне продать. Всячески в самой вежливой форме я старался дать ему понять, что я для него не клиент, так как остановился ненадолго в Теко и обеспечен всем необходимым. Из моей речи он уловил только два слова — «клиент» и «Теко» — и тотчас предложил нанести мне туда визит. Я пожал плечами и отошел, показывая, что разговор закончен.

К моему великому удивлению, в тот же день, около шести часов вечера, настойчивый торговец и в самом деле явился в Теко с огромной сумкой, набитой черными резными масками из кедрового дерева. Положение мое было безвыходным! Храбрый малый не побоялся пройти в тропическую жару около двадцати километров, и притом с таким грузом дерева. Я чувствовал себя морально обязанным сделать «покупку долга», но никак не мог решить, на чем мне остановить свой выбор. Наконец я выбрал черную танцевальную маску. Торговец просиял и порекомендовал мне еще меч. «Из Нигерии», — сказал он с особым ударением. Невольно я улыбнулся. Почему опять из Нигерии? Меч из Сьерра-Леоне — это, конечно, ерунда, а вот из Нигерии... Всюду одно и то же — нет пророка в своем оте-

честве. Меня забавляло, с какой легкостью лгут все эти торговцы.

Этот самый меч, рубящее оружие длиной в полметра, с рукояткой в кожаной обтяжке, по сути дела, был несколько «облагороженной» пангой. Клинок, вложенный в ножны из козлиной кожи, уже изрядно притупился и заржавел, но какое это имело значение?

Сделка была заключена только после обычных препирательств относительно платы, которую я по доброй воле дополнил парой мелочей из моего запаса подарков. Торговец, судя по выражению его лица, остался доволен. В довершение визита его угостили холодным напитком, после чего он отправился в долгий путь домой, в Макени.

Сури, присутствовавший при переговорах, улыбался, но не произнес ни слова. Торг — дело святое, никто не вправе ему мешать. Но потом он заметил немного пренебрежительно: «Нигерийский-то кинжал здешний». В этом я и сам не сомневался ни на миг.

Сури только семнадцать лет. Он рос в бедной семье, не мог поэтому посещать школу и почти не говорит по-английски. Его кулинарное искусство тоже основывается скорее на счастливых случайностях, чем на умении. Но располагающая к себе внешность молодого локо и неизменно приветливое выражение лица восполняют все пробелы его образования. Мне же больше всего нравится, с каким старанием Сури выполняет порученную ему работу. Мы очень быстро стали друзьями, и я не раз получал от Сури дельные советы.

По предложению Сэма Джонсона я решил на некоторое время расположиться лагерем в Теко, а уже отсюда предпринимать поездки на внутреннее плато, в Тонколили, Коно, Бомбали и Коинадугу. К этому меня побудили два обстоятельства: по отношению к этим местностям Теко занимал центральное положение; лесничий Северной провинции африканец Т. К. Джон был другом Сэма Джонсона. Сэм давно говорил ему обо мне, и на следующий день после моего приезда Т. К. Джон в сопровождении своей жены, трех сыновей и дочери приехал в Теко. Его визит был для меня очень важен: Т. К. Джон, лесничий всей Северной провинции, конечно, как никто знал состояние фауны в своем зеленом «царстве». Этот высокий, стройный чело-

век интеллигентной внешности производил впечатление серьезного, большого, немного неуклюжего мальчика. В его лице я быстро обрел союзника, так как Джон обладал удивительной способностью воодушевляться. Три часа подряд мы говорили только о слонах, бегемотах, шимпанзе и попугаях, пока несколько полноватая м-с Джон не взбунтовалась и не потребовала переменить тему. Мы немедленно повиновались, но Джон успел мне шепнуть, что предоставит для моих зоологических экскурсий опытного проводника. В этот вечер я был самым счастливым человеком в Теко и, сидя в кругу африканских друзей на террасе перед домом Сэма, особенно наслаждался прелестью тропической ночи.

Пестрое содружество пернатых уже прекратило свой вечерний концерт, его сменило однообразное пиликанье цикад. На свет лампы прилетали с громким щебетанием изящные птички, они, подобно летучим мышам, делали над нашими головами несколько зигзагов и молниеносно исчезали снова в ночной темноте. Рассмотреть их было невозможно, но мне сказали, что это нектарницы. Нашу лампу постепенно облепили мириады насекомых — от маленьких москитов, издававших раздражающее жужжание, до больших жуков-«гудельщиков». Сэм Джонсон поставил под лампу миску с водой, и через несколько минут в ней уже плавали трупики многих из этих назойливых существ. Остальные самоубийцы, покончившие жизнь на горячей лампе, сотнями валялись на полу террасы. Вдруг из темноты выпрыгнула большая коричневая лягушка и осторожно приблизилась к месту «побоища». Она быстро высовывала язык и слизывала им еще трепетавших насекомых. С явным наслаждением она поглощала одну порцию за другой, нисколько не смущаясь нашим присутствием. С час она охотилась на этих богатых угожьях, после чего, наевшись, удалилась.

В это же время распрощались и гости. Утомленный насыщенным днем, я еле дополз до постели. Но в комнате, которую я из боязни москитов запер почти герметически, было так душно, что мне долго не удалось заснуть. Пот струился изо всех пор. Если раскрыть окна, будет легче переносить жару, но тогда москиты сделают жизнь невыносимой. Только к утру немного посвежело, и я заснул. Правда, спал я недолго: прохладные утрен-

ние часы до восхода солнца я использую для ремонта автомобиля и фотоаппаратов, для починки одежды. Каждый день я подползаю под кузов машины, пересчитываю гаечки и, если накануне ни одна не потерялась, чувствую себя счастливым. Конечно, у меня с собой изрядное количество запасных частей, целый ящик, но известно ведь, что обычно происходят такие поломки, каких меньше всего ожидаешь. А возить в багаже второй «Баркас» в разобранном виде немного накладно. Имей страховое агентство у меня дома хоть отдаленное представление о тех передрягах, в которые ежедневно попадает машина на африканских дорогах, мне бы, конечно, не получить запросто страховой каско-полис¹².

РАСХИТИТЕЛИ ЛЕСА. ВОДОПАДЫ И ПОПУГАИ

На следующее утро я отправился в государственное лесничество Макени. Т. К. Джон собирался предпринять инспекционную поездку по некоторым заповедникам и обещал взять меня с собой.

Вследствие многовекового истребления лесов девственный лес сейчас покрывает только пять процентов территории Сьерра-Леоне. Эти маленькие островки, а также обширные участки с посадками каучукового и красного дерева находятся под строгой охраной, за ними надзирает государственное лесничество.

В последнее время в Сьерра-Леоне особенно широко культивируют быстрорастущее дерево лимба (*Tectonia grandis*), достигающее в высоту пятидесяти метров. Его древесина легко поддается обработке, из нее, в частности, делают фанеру и паркет. Самые большие посадки лимба расположены в дистрикте Коно, в районе Сефаду. Во всех лесных заповедниках вырубка леса подчинена государственному контролю, и традиционный подсечно-огневой метод земледелия там, конечно, строго запрещен. Чтобы жители не нарушали запретов, необходим систематический надзор со стороны лесничества. Вот в такой поездке с целью надзора меня и пригласил участвовать Т. К. Джон.

Новое современное здание лесничества Макени находится примерно в полутора километрах от столицы провинции. Едва выехав из Теко, я поравнялся с дву-

мя женщинами, которые охотно согласились показать мне дорогу в лесничество. Зато им не пришлось пешком тащить на себе тяжелые круглые корзины с манго и бананами за тридевять земель на базар в Макени. В благодарность за это женщины подарили мне небольшую гроздь желтых карликовых бананов. Когда спустя полчаса мы затормозили у лесничества, навстречу выскочила большая овчарка Т. К. Джона по кличке Рекс с ушами необычайной, треугольной формы. Не зная, что прогулки в автомобиле — излюбленное развлечение Рекса, я спокойно распахнул дверцу машины. Рекс, казалось, только того и ждал, в тот же миг он одним прыжком перемахнул через мои ноги в салон «Баркаса». Мои спутницы, не теряя ни секунды, выскочили на противоположную сторону с отчаянными криками и так поспешно, что я даже не могу сказать, что меня больше напугало — они или собака. Последняя с виноватым выражением потерлась головой о мои колени, словно желая сказать: я же этого вовсе не хотела.

Т. К. Джон наблюдал эту сцену из окна своего кабинета и забавлялся вовсю. Когда женщины, ругая Рекса, удалились, лесничий вышел из дому, лукаво подмигивая, и с дружеской непринужденностью поздоровался со мной. Его приятная манера держать себя еще накануне расположила меня к нему. Совместными усилиями мы с большим трудом вытащили из машины упиравшегося всеми четырьмя лапами Рекса. Пес попытался смягчить сердце своего господина трогательными изъявлениями преданности, но Т. К. Джон решительно отказался взять его с собой. Конечно, тут я вспомнил мою собственную охотничью собаку Поло, которая, когда я надеваю зеленую охотничью куртку, неудержимо рвется за мной.

Т. К. Джон засунул под пиджак служебный револьвер: он никогда не ходит в буш без оружия. С нами поехал районный лесник — молодой человек из Магбурака Френсис Конте. Было очень жарко, в воздухе ни дуновения, как бывает перед грозой. Но небо над нами поыхало яркой синевой, да и до сезона дождей оставалось еще несколько недель.

Отъехав от Макени несколько километров, мы свернули с главного шоссе и по узкой дороге поехали через

буш на восток. Здесь начинался большой, лишенный дорог район Тонколили. Впрочем, кое-какие дороги были. Узкие, извилистые тропы, нередко полностью закрытые свешивавшимися ветками, вели к этим зарослям травы и остаткам леса. По таким тропам люди ходят из одной деревни в другую, на поля, на охоту. Нам повстречалось несколько женщин. Почти все они несли на голове по три — четыре калebasы с бродившим пальмовым вином, а за спиной — спящих младенцев. На девушках была только набедренная повязка, а верхняя часть тела оставалась обнаженной. В тропическую жару это очень удобно.

В уединенных деревнях, через которые лежал наш путь, преобладают круглые глиняные хижины с конусообразной крышей. Почти все обитатели африканской саванны живут в таких домах. Нередко перед хижинами висят между двумя столбами самодельные гамаки, в которых любят подремать мужчины в самую жаркую пору дня. Встретился нам и рабочий лесничества, который острой пангой срубал с карликовых пальм сухие ветки. Мои спутники обменялись с ним несколькими приветливыми словами, и рабочий почтительно выслушал от лесника похвалу в свой адрес.

Перед маленькой деревушкой Т. К. Джон попросил меня остановить машину. Мы тщательно спрятали «Баркас» в густом кустарнике и по едва различимым тропинкам пошли за Френсисом Конте через буш. После часа ходьбы я совершенно потерял ориентацию, но наш проводник, уже не знаю каким образом, все время знал, куда идти. Мы неоднократно натыкались на свежие пни, и оба лесника всякий раз обменивались многозначительными взглядами. Вдруг Конте остановился и молча показал вперед: там сидел человек и не спеша обрубал ветки с длинной лесины, которую он явно только что повалил. Это был локо из ближайшей деревни. Т. К. Джон потребовал у него разрешения на вырубку леса, но у локо, конечно, его не было. Тогда лесник конфисковал обе его панги и пригрозил штрафом. Локо яростно возражал, размахивая руками, но я ничего не понял, так как браконьер, естественно, говорил на своем родном языке. Лесники не обратили на его речи ни малейшего внимания и по кратчайшей дороге повели правонарушителя в деревню. В мгновение ока проис-

шествие стало известно всем ее жителям. Вокруг собралось все мужское население, и вскоре разгорелся оживленный спор, имеет ли Т. К. Джон право поступать так. Женщины держались в стороне и вроде бы занимались своими делами, дети же с нескрываемым любопытством прислушивались ко всему происходящему.

Пойманный на месте преступления локо теперь утверждал, что какой-то государственный чиновник якобы дал ему устное разрешение на порубку, но Т. К. Джон, разгадавший этот тактический маневр, неизменно возражал:

— Правительство не говорит: можешь рубить лес... Правительство дает бумагу. Где она?

Локо повторял свои объяснения. Т. К. Джон слушал молча, вокруг него враждебность росла, но его хладнокровие и спокойствие не допускали необдуманных выпадов. Жители деревни и на меня поглядывали косо. Правда, я тут был ни при чем, но приехал-то я с лесничими. Поэтому я счел за благо воздержаться от съемок.

Наконец был созван совет деревни. Его члены, все старики, медленно сходились к дому деревенского старейшины и рассаживались полукругом. Деревушка, казалось, изнемогала от полуденного зноя. Удрученным было и настроение ее жителей. Они молча предложили нам холодной воды, но кувшин был грязный. Т. К. Джон и я поблагодарили и отказались. Это — грубое нарушение законов гостеприимства, но старейшина и бровью не повел: ведь член его общины, за которую он несет ответ, нарушил закон. Вся деревня, конечно, встала на сторону браконьера и пыталась его оправдать. Но в ответ на их доводы Т. К. Джон твердил одно: где бумага о разрешении на рубку? Люди смущенно замолкали: бумаги, конечно, не было. Лесник это прекрасно знал, но на самом деле штрафовать правонарушителя он не хотел; его долгом было внушить этим людям уважение к государственным законам. Теперь жители деревни не могут, как раньше, просто пойти в буш и срубить любое приглянувшееся дерево, объяснял он. Для этого надо получить бумагу, где будет сказано, где и сколько деревьев можно вырубить, иначе что останется от леса? Лес, конечно, принадлежит всему

народу Сьерра-Леоне, но это вовсе не означает, что каждый может делать, что ему захочется.

Т. К. Джон старался в доходчивых выражениях разъяснить программу правительства. Под конец он спросил, все ли понятно. Его слушатели дружно ответили: «Да, сэр», но по их сумрачным лицам я видел, что им трудно принять новые условия жизни. Да иначе и быть не могло. Крестьяне по старинке ведут натуральное хозяйство, с трудом удовлетворяя свои потребности и не имея стимулов для производства избытков. Как же им вдруг понять сложный механизм современного товарного хозяйства и смысл законов, на первый взгляд вредных для них. А когда в заключение лесник заговорил о ценах и валютных поступлениях, которые помогут молодому государству создать устойчивую экономику, крестьяне и вовсе перестали что-либо понимать. И что впредь им придется платить за свою общинную собственность. Совершенно непостижимо! Конечно, они срубят еще не одно дерево и порядком пожгут леса, прежде чем терпеливая пропаганда планового хозяйства принесет свои плоды.

В знак снисхождения Т. К. Джон возвратил локо обе конфискованные панги. Люди одобрительным шепотом встретили этот жест примирения. Государственные чиновники не должны проявлять излишней суровости, чтобы драконовыми мерами не озлоблять население против правительства. Перед уходом Т. К. Джон еще раз призвал жителей соблюдать законы, они обещали.

Немного позднее точно такой же спектакль в точно такой же последовательности был разыгран в другой деревне.

Мы были всего в пятнадцати километрах от маленькой деревни Бумбуна, и Т. К. Джон хотел этим воспользоваться и показать мне водопады на реке Рокел, находившиеся поблизости. Заросшая травой дорога пересекала в северном направлении ровную низменность, напоминавшую парк. Местами эта дорога была отличной и позволяла ехать с большой скоростью, но совершенно неожиданно на ней появлялись предательские выбоины, «Баркас» резко нырял вниз, а в следующий миг нас подбрасывало вверх, и мы ударялись головами о крышу машины. Т. К. Джон, сидевший

справа от меня, уже набил себе огромную шишку и время от времени украдкой ее ощупывал.

Над необозримой травяной равниной возвышались одинокие масличные пальмы. Вдруг перед нами промелькнули перебежавшие через тропу два степных дукера (хохлатые антилопы величиной с нашу косулю). Я затормозил и хотел было их сфотографировать, но они тут же скрылись в густых зарослях. Антилопы этого вида ведут преимущественно ночной или сумеречный образ жизни, очень редко удается увидеть их днем. Кроме того, они любят строгое одиночество. Следовательно, нам повезло вдвоине. По-видимому, оба дукера переживали брачный период и бурные ухаживания самца заставили самочку покинуть ее дневное убежище.

Чем дальше на северо-восток, тем чаще встречались холмы. Вдали вырисовывались мрачные и таинственные контуры высоких гор. Лес стал гуще. Вскоре после Бумбуна дорогу нам преградило каменистое русло реки Рокел. Мы медленно пошли по ее восточному берегу вверх по течению, наслаждаясь тенью высоких с густой листвой деревьев. Несмотря на сухой сезон, почва здесь влажная: со склонов стекают ручьи. Рев водопадов Рокела слышен издалека. Река Рокел, сливаясь с водами рек Порт-Локо и Сьерра-Леоне, впадает в морскую бухту, которая, глубоко врезаясь в сушу, отделяет на севере Фритаун от материка. Внезапно наша тропа оборвалась: мы стояли перед водопадами Бумбуна. Могучий водяной поток с верховий Рокела белопенной громадой низвергался через двадцатиметровый скальный барьер из зеленой породы — диорита — в более спокойные воды. Река несла относительно мало воды, и водопад не производил особенно сильного впечатления, тем более по сравнению с могучим водопадом Виктория на Замбези, но, по словам Т. К. Джона, только в сухой сезон можно стоять там, где мы стояли, в остальное время года здесь проносится с гор в долину лавина воды. Правительство планирует поставить у водопада большую гидростанцию, чтобы извлечь пользу из бурных потоков Рокела и обеспечить электрической энергией все крупные деревни в округе. Канада предложила построить электростанцию стоимостью сорок миллионов долларов, и, пока я был в Сьерра-Леоне,

не, этот план оживленно обсуждался. Сумма эта и сама по себе велика, но ведь кроме нее надо раньше вложить средства в улучшение дороги к Бумбуна. Но пока вода беспрепятственно текла по скалистым утесам в широкую долину Рокела, и ничто не мешало нам наслаждаться зрелищем первозданной природы.

В естественном бассейне под скалами купались три учителя из Фритауна. Эти «перелетные птицы» использовали школьные каникулы для путешествия по Сьерра-Леоне — надо же знать родную страну! Только представляя себе условия жизни в Африке, можно понять, с какими трудностями сопряжен такой туризм. Со смешанным чувством наблюдал я за купающимися. Почти все реки и водоемы Африканского материка заражены трематодами. Личинки этих глистов, обитающие у самой поверхности воды, обладают способностью проникать сквозь кожу в некоторых местах тела человека. Там они развиваются в червей длиной от одного до двух сантиметров, которые вызывают бильгарциоз — серьезные нарушения в тканях. Не обнаруженный своевременно и не леченный бильгарциоз часто приводит к смертельному исходу. Но это, по-видимому, несколько не смущало купальщиков.

Берега реки выше водопада Бумбуна покрыты густым дождевым лесом. Мы с Т. К. Джоном поднялись к началу водопада, Конте же остался с купающимися внизу. Хотя бы один из нас должен остаться в живых, заметил он саркастически и сделал выбор в свою пользу, но нас это не остановило. Т. К. Джон несколько раз видел наверху серых попугаев, которые охотно откладывают яйца в дуплах старых деревьев-великанов в галерейных лесах близ реки. Может быть, мне повезет, и я смогу сфотографировать этих интересных птиц на воле.

Обвешанные аппаратами и телеобъективами, мы прыгали с камня на камень и наконец благополучно выбрались на другой берег реки. С нескольких кустов на берегу свисали многочисленные гнезда наполеоновских ткачиков, искусно сплетенные из светло-зеленых стеблей камыша и имеющие форму груши с входным отверстием сверху сбоку. Мне показалось, что они намного больше виденных мной раньше шаровидных гнезд буйволовых и красноголовых ткачиков. Интерес-

ная деталь: «наполеоны» специально строят свои гнезда над водой, т. е. вне пределов досягаемости своих врагов, например мелких древесных гадюк, которые систематически грабят жилища многих птиц. Вода и в это время года мешает гадюкам подниматься по стволу куста вверх и заползать во входное отверстие сбоку, а в главный период гнездования, в конце дождливого сезона, когда полая вода затопляет всю береговую полосу, это вообще невозможно. Далеко не все гнезда ткачика используются по назначению. Самец нередко сплетает три или даже четыре гнезда, самка же выбирает только одно, самое прочное, и в нем откладывает яйца, а остальные превращаются в «мертвый капитал». Одно такое гнездо я взял с собой для коллекции. Первые ткачики этого вида, завезенные во Францию в 1860 году, были названы в честь Наполеона III. Перед широкой публикой наполеоновские ткачики впервые предстали в 1867 году на мировой выставке в Париже. Благодаря ярко-желтому оперению на голове и затылке самца «наполеонов» часто называют также желтоголовыми ткачиками.

Осторожно, крадучись пробирались мы вдоль реки. Идти нам мешали густой подлесок и большие камни на каждом шагу, прибитые к берегу паводком в период дождей. Приходилось все время смотреть себе под ноги, и тем не менее Т. К. Джон ухитрился угодить левой ногой в незаметную сверху яму с болотной водой. Черная трясина украсила его парусиновые брюки до самого колена, он тихо выругался на крию, но и не подумал возвращаться. Галерейный лес утопал в пышной зелени — так много здесь влаги; высокие деревья даже сейчас, в разгар сухого сезона, были одеты совсем свежей листвой. Стая крошечных мартышек — талалойнов — с громкими криками бросилась наутек. Эти смешные зверушки с ушками торчком немного больше наших белок. К сожалению, в чащобе, через которую мы продирались, нечего было и думать заснять этих пострелят.

Кряхтя, мы взобрались на высокий склон, чтобы лучше видеть долину Рокела, и на удобном месте остановились. Здесь по воле стихии образовалась небольшая просека: молния ударила в огромное дерево, а оно при падении сломало несколько соседних стволов,

как спички. Мы влезли на расщепленный ствол и внимательно оглядели местность в бинокль. В сумбурном переплетении растений было очень трудно различить отдельных птиц; сначала мы и вовсе ничего не видели. Затем на другом берегу по вершинам деревьев с шумом пронеслась маленькая стая обезьян — как мне показалось, тонкотелов. Может, они давно нас заметили и не теряли из виду, а теперь, воспользовавшись тем, что мы сели, спасались бегством, хотя нас разделяло огромное расстояние. Такое начало не сулило охотникам с фотоаппаратом ничего хорошего.

Немного погодя мы увидели стаю мартышек-диан. Броской светлой шерстью в виде воротника эти большие сильные животные напоминают испанских грандов. К сожалению, в Сьерра-Леоне численность диан сильно уменьшилась: местные жители охотятся на них из-за вкусного мяса. Естественно, эти красивые обезьяны боятся человека. Снять этих животных на воле, в лесах Западной Африки, — редкая удача для фотографа.

Не знаю, сколько времени мы сидели неподвижно, внимательно вглядываясь в окружающий лес, но в конце концов наше терпение было вознаграждено. Мы услышали пронзительные птичьи крики «йе, йе, йе!», и над нашими головами пролетела стая стройных кривоклювых с поразительно длинными хвостами. Птиц было не меньше двадцати, а то и все тридцать. Мы разом вскинули бинокли и ясно различили ярко-красные клювы и у некоторых особей — вероятно, самцов — узкую черную полосу на светло-зеленой шее. Сомнений не оставалось: это кольчатые, или ожереловые, попугаи. Они описали красивый круг, и стая снова пролетела над нами к противоположному лесистому склону. Т. К. Джон обрадованно хлопнул меня по плечу: вот, мол, как повезло! Раньше я видел этих красавцев только в зоологическом саду, но это совсем не то, что наблюдать их в девственном лесу Западной Африки. Я еще продолжал радоваться про себя, когда увидел направляющуюся прямо на нас другую стаю попугаев. Они с оглушительными криками расселись на соседних деревьях. Т. К. Джон взволнованно толкнул меня в бок. Я с трудом поверил своим глазам: перед нами сидели серые попугаи — жако. Мы старались совсем не шевелиться. Птицы покачивали короткими красными хвоста-

ми, слегка приподнимали серые крылья, словно вытряхивая пыль из перьев, и весело пересвистывались, как стая скворцов. Серых попугаев я также видел только в зоопарках, и мне бросилось в глаза, что здесь, в родном лесу, эти прекрасные птицы гораздо резвее.

Один из попугаев сел на несколько метров ниже своих сородичей, на довольно слабую ветку, которая под его тяжестью качалась вверх и вниз. Не теряя ни секунды, я поднял камеру с пятисотмиллиметровым объективом «Орестегор», резко вскинул аппарат и тут же щелкнул. Клакс! На мое счастье, яко ничего не заметил. Его внимание было приковано к стае, возившейся над ним в кроне дерева. То и дело он взглядывал вверх, чуть ли не выкручивая маленькую круглую головку с характерными белесыми пятнами вокруг глазниц. Видимо, ему не нравилось место, где он сидел. Судя по его поведению и клюву, красному, цвета свежего мяса, я решил, что это — молодая птица из последнего выводка: у старых попугаев клюв темнеет, становится почти черным. Вскоре мой попугай пронзительно вскрикнул, засуетился на своей ветке и, ловко помогая себе крепким клювом, вскарабкался на соседнюю развилку. В это время его сородичи тщательно чистились, издавая своеобразные звуки. Только тут я заметил всюду под деревьями грязно-белые известковые пятна: случайно мы обнаружили спальню попугаев.

Серые попугаи благодаря своим поразительным лингвистическим способностям пользуются широкой популярностью в качестве комнатных птиц. Известны экземпляры, которые, находясь в неволе с раннего возраста, знали больше шестидесяти слов. Яко замечательны еще и тем, что при хорошем обращении нередко живут дольше среднего возраста человека.

Я сделал еще несколько снимков, но освещение быстро ухудшалось: солнце стояло уже очень низко, приходилось работать с открытой диафрагмой. Вдруг раздался оглушительный крик — так у нас кричат сойки при виде охотника. Серые попугаи, безусловно, нас обнаружили. Они вытягивали шеи по направлению к нам и отчаянно ругались. Наверное, они всполошили пол-леса. В конце концов вся стая, продолжая громко кричать, перелетела на другой берег, и еще долго не могла там утихомириться. Их возмущение очень поза-

бавило Т. К. Джона, он смеялся, трясая головой и растирая затекшие ноги. Я же был счастлив, что нам так повезло, но не мог избавиться от беспокойства. А вдруг снимки не получились?

Когда через час мы вышли к водопадам Рокела, солнце уже зашло. Френсис Конте сидел с сонным видом на теплых скалах. Позевывая, он сказал, что опасался, не остались ли мы ночевать в лесу... Предстоял трудный путь обратно в безлунной ночи. Но нам это казалось пустяком после того, как мы видели столько интересного в девственном тропическом лесу на реке Рокел.

ПАСХАЛЬНЫЕ ДНИ В БУШЕ

Никогда бы не подумал, что и в Африке солнце иногда перестает светить. Вот уже два дня, как его жгучие лучи тонут в грядях беспросветных серых облаков, плотно затянувших все небо. Вчера во второй половине дня несколько часов подряд даже накрапывал дождик. В результате сегодня, т. е. всего день спустя, крылатая рать насекомых по крайней мере удвоилась. Трудно себе представить, какое действие оказывают в тропиках несколько капель воды. То и дело я нажимаю на распылитель с противомоскитным средством, меня уже мутит от его запаха, но все мои старания напрасны, жалящее воинство непрестанно получает новые подкрепления. Стараюсь без всякой надежды на победу, тем более что большинство африканских домов в глубинке лишено противомоскитных приспособлений. Для полноты картины следует добавить, что утром и вечером влажность воздуха увеличивается до предела и тягостная духота становится невыносимой.

Я использую пасмурные дни для приведения в порядок моего многострадального гардероба. Две пары штанов нуждаются в срочном ремонте: после прогулок по бушу на них образовались живописные дыры в виде треугольников, а на безжалостные стирки Сури они реагировали тем, что разошлись по швам. На рубашках недостает многих пуговиц. Чистосердечно признаюсь, мое швейное искусство намного ниже европейских стандартов, во всяком случае, ниже требований, предъяв-

ляемых женами в Европе к нам, мужьям, но здесь, в Теко, я герой! Как только я с иглой в руках сажусь и начинаю слишком толстой ниткой зашивать шов на штанине, вокруг немедленно собираются любопытные зрители. Среди них присутствует и несколько девушек из деревни, которые часто навещают Сури. Они с удивлением наблюдают за моей работой, а иногда даже возгласами выражают свое восхищение. Конечно, я чувствую себя польщенным. Роза, хорошенькая девушка из народности темне, в красных серьгах, с покрытыми красным лаком ногтями, неизменно дает мне понять, что я ей вполне подхожу. Сури же, когда я шью, приходит в особенно веселое расположение духа и рассказывает про меня смешные, по-видимому, истории, потому что девушки хихикают не переставая. Хотел бы я знать, что этот плут про меня плетет! Но Сури говорит только на своем родном локо, на темне, менде и немного на крио.

Скоро пасха. В государственном лесничестве Макени никто уже не начинает серьезных дел. Служащие лесничества находятся в том радостном предвкушении отдыха, которое и у нас дома охватывает всех задолго до каждого праздника. «После праздников...» — слышится повсюду. Пробудить сейчас в ком-нибудь служебное рвение просто невозможно.

Поэтому я решил в пасхальные дни на свой страх и риск отправиться через буш в две деревни — темне и лимба, куда можно добраться только пешком. «Баркас» я оставил на попечение Сури и на следующий день, на рассвете, взяв лишь самое необходимое, вышел из дому. В рюкзак я запихал спальный мешок, продукты, пленки и запасные объективы, аппараты повесил на грудь: они должны быть под рукой. Ночью снова была гроза и шел дождь, но сейчас опять всю светит солнце.

Странное чувство охватывает, когда идешь один по тихой тропе через буш. Здесь вряд ли можно встретиться с крупными хищниками, но следует остерегаться некоторых видов ядовитых змей — кобр, мамб, гадюк. Ампулы с сывороткой, применяемой при змеином укусе, я оставил у Хассана во Фритауне. Инъекции эти действуют лишь в том случае, если она хранится при температуре ниже 10 градусов по Цельсию, а в моем ба-

гаже нет холодильника. Длинные плотные брюки в принципе должны защищать меня от «ядовитых» сюрпризов.

По бокам тропы растут тамариски и различные пальмы. Иду не торопясь. Мои шаги глухо отдаются в сухой земле. При каждом моем шаге десятки насекомых скачут в разные стороны. Это пестрая короткоусая саранча, неуклюжее существо с выпуклыми ржаво-коричневыми сложными глазами овальной формы, желтой, цвета лимона, переднеспинкой, короткими зеленоватыми крыльями, красивыми — желто-бело-красно-черных оттенков — и сильными ногами, позволяющими прыгать в высоту до двух метров. Окраска саранчи поразительно гармонирует с окружающей средой, но не только служит ей защитой, скрывая от врагов, а вероятно, и отпугивает их.

Над сверкающими соцветиями различных диких растений кружатся крошечные нектарницы. Кажется, что они «стоят» несколько секунд в воздухе перед привлечшим их источником нектара — так быстры и неуловимы для нашего глаза взмахи их крыльев. Несколько раз вижу перед собой на тропинке маленьких бурых бурундуков с длинными пушистыми хвостами. Повсюду порхают роскошные пестрые бабочки всех размеров и форм, только позировать мне они не желают.

В стороне от дороги я обнаружил в густом кустарнике цветущие наземные орхидеи из богатого видами рода *Набеария*. Их толстый зеленоватый стебель, от которого в разные стороны отходит до двенадцати цветков, лишен листьев, ассимиляция осуществляется непосредственно отростками и корнями. Лиловая губа околоцветника резко контрастирует с его пятью ослепительно-белыми узкими листочками. Она служит орхидее дополнительным средством привлечения опылителей и, выдаваясь далеко вперед, своего рода посадочной площадкой для них. Главные отростки, длиной до восьмидесяти сантиметров, сохраняют большое количество влаги. Как ни странно, дикие цветы, которые в Африке цветут в сухой сезон, будучи срезаны и поставлены в вазу с водой, тотчас же вянут.

На одинокой кокосовой пальме обосновалась огромная гнездовая колония буйволовых ткачиков. Я насчитал сто двадцать гнезд, причем двенадцать из них висе-

ли на одной ветке, принявшей под их тяжестью почти вертикальное положение. Этот орнитологический феномен просился на пленку! Вокруг ворковали на деревьях гвинейские голуби. Я целиком углубился в фотографирование ткачиков, когда до моего слуха донесся снизу металлический крик птицы: «тирлинк, тирлинк». Внимательно осмотрел землю вокруг: между короткими кустиками травы прыгали в поисках пищи астрильдовые перепела. Этих маленьких птичек, не больше воробья, легко узнать по яркой белой полоске на груди и на боках, а также по «очкам» — белым овалам вокруг глаз. «Очки» особенно ярко выражены у самцов. Я осторожно подкрался к перепелам и попытался их сфотографировать, но они меня обнаружили. «Пик, пик, пик!» — громко возвестили они об опасности, и один за другим улетели.

Затем я пересек светлый участок леса. Здесь, к моей радости, на деревьях кувыркалась стая юрких белоносых мартышек. Эти маленькие существа с длинными хвостами прыгали с ветки на ветку с легкостью кобальдов¹³, будто они почти невесомы. Но это не мешало им все время держаться вместе. Долго я пытался поймать подвижных зверушек в видоискатель, несколько раз уже был готов нажать спуск, но в этот самый миг мартышки прятались за ближайшее дерево или за развилку ветвей, словно играли со мной в прятки. «Ну, шельмы, стойте, я вас все же перехитрю», — подумал я и переменял тактику. Зная, что от природы мартышки очень любопытны, я сел на полянке, вытащил из кармана желтый банан и с аппаратом наготове застыл в неподвижности. Ждать пришлось недолго. Вскоре в кустах раздалось подозрительное шуршание. Метрах в двух от меня появилась мартышка и любопытными круглыми глазками уставилась на меня. На веселой мордочке белым пятном резко выделялся нос. Клики! — нажал я спуск «Пентакона-шесть», и в ту же секунду храброе животное исчезло в зеленой листве. Несколько секунд спустя выглянула другая мартышка, затем еще одна и еще, пока вся стая не осмотрела меня.

А может, не меня? Может, я слишком самонадеян и мартышек привлекал только соблазнительный желтый банан у меня в руке? Может, и так, но, во всяком случае, одна мартышка рассматривала меня, широко рас-

крыв ротик от удивления, с таким «человеческим» выражением лица, что я с трудом удерживался от смеха. Вдруг вся стая, подавая лающими звуками сигнал тревоги, умчалась. Что случилось? Что заставило их столь поспешно обратиться в бегство? В это время совсем рядом грянул выстрел. В лесу охотник! Тут и я как можно быстрее удалился в противоположном направлении, чтобы не быть принятым за антилопу. Бывает, что в азарте охотники стреляют по любому движущемуся предмету в лесной чаще.

За холмом горел буш. Белые клубы дыма широким фронтом поднимались к небу, отчетливо слышалось потрескивание горящего сухого дерева. Я быстро подошел ближе, но людей нигде не обнаружил. Отчего же возник огонь? Самовозгорание? Или тот охотник неосторожно бросил на землю горящий окурок и от него занялась сухая трава? Установить это было невозможно. Египетские цапли большими стаями спешили к месту пожара, шипящая стена огня как магнитом притягивала их к себе. За несколько минут надо мной промчались сорок три птицы. Они летели за добычей — кузнечиками и другими насекомыми, спасавшимися бегством от огня и дыма. Маленькие белые цапли рассыпались вдоль горящего участка, подобно загонщикам перед охотой.

Кроме них дым привлек орлов, коршунов и грифов, которые в поисках бежавших от огня грызунов и пресмыкающихся кружили на небольшой высоте над саванной. То один, то другой пернатый хищник в охотничьем запале пикировал прямо в клубы дыма, чтобы схватить замеченное животное. Зрелище потрясающее! Но птицам дым вреден не меньше, чем человеку: грифы могут дышать им очень недолго. Некоторые хищники, измученные жарой и дымом, едва находили в себе силы растерзать добытую такой дорогой ценой жертву.

На рухнувшем стволе дерева сидел, сохраняя стоическое спокойствие, старый стервятник. На голом черепе выделялись пурпурно-красные участки вокруг глаз, шея, почти без перьев, была цвета сырого мяса. Грифы в саванне всегда меня интересовали. Ведь они играют в саванне важную роль: питаясь падалью и таким образом уничтожая ее, они препятствуют распространению инфекции, т. е. несут полезную санитарную службу. Но этот стервятник, к моему удивлению, еще и охотил-

ся на живых лягушек. Он спрыгивал со своего места, неуклюже пробежал несколько шагов за скакавшей мимо лягушкой, хватал ее трепещущее тело острым изогнутым клювом и, зажав между сильными лапами, начал уничтожать свою добычу, по свойственной коршунам манере быстро отрывая маленькие кусочки. Другой стервятник, завидую его охотничьей удаче, несколько раз подбегал поближе, но был вынужден довольствоваться одним созерцанием: порция была слишком мала для двоих. Вдруг из подлеска выскочила маленькая коричнево-черная антилопа дукер и поспешно устремилась вдаль: ей, несомненно, тоже стало неудобно в ее дневном убежище. Она быстро исчезла среди кустов тамариска — в этой чащобе нетрудно найти новое пристанище.

Огонь неудержимо распространялся вширь. Сухая трава давала ему достаточно пищи, может, он будет бугшествовать еще несколько дней.

Через два часа я дошел до первого поля — это был маниок. Значит, деревня темне недалеко. И действительно, вскоре я увидел кокосовую рощу, а в ней — молодого темне, который с помощью толстого каната «бежал» вверх по стволу стройной пальмы. «Бежал» — самое точное слово для обозначения этого способа подниматься на деревья. Он состоит в том, что человек захлестывает самодельный канат из толстых растительных волокон петлей вокруг ствола пальмы и своей спины и, опираясь босыми ногами о шершавую поверхность дерева, держась обеими руками по бокам от себя за петлю, постепенно передвигает ее противоположную часть вверх по стволу. Этот силовой трюк, требующий предельного напряжения мускулов рук и ног, бесспорно, производит сильное впечатление. Я был поражен тем, как быстро человек взобрался таким образом на раскачивавшуюся верхушку пальмы, где под круглой кроной висели коричневые орехи. В мгновение ока парень срезал спелые плоды и сбросил их вниз. Там маленький мальчик собирал их в одну кучу. «Секе, секе!» — звонко крикнул он, завидев меня. Рядом под кустами сидели, почесываясь, две бледно-желтые собаки с короткой шерстью, очень похожие на отошавших динго.

Деревня была погружена в удивительный покой. Люди и животные укрылись в тени от горячих лучей солн-

ца. Только куры озабоченно кудахтали между домами да лениво бродило с десятков черно-белых коз.

Я спросил, где можно найти вождя деревни, и меня немедленно к нему проводили. Старый темне с морщинистым лицом и редкой седой растительностью на щеках и подбородке с достоинством ответил на мое приветствие и осведомился по-английски о цели моего посещения. Вежливо вручил я ему маленький подарок. Это принято в сельских местностях Африки даже при встрече с совершенно незнакомыми людьми. Если человек соблюдает этот обычай, значит, он уважает неписанные законы страны. И он может надеяться, что его пожелания будут встречены благосклонно. Старый вождь не возражал, чтобы я провел несколько дней в его деревне и занимался фотографированием. Ночевать же я могу в пустой маленькой хижине. И повелительным тоном он приказал обступившим нас детишкам не мешать гостю. Затем он снова удалился в тень у своего дома и лег на узкую деревянную лежанку, покрытую циновкой из маисовой соломы. Такое же ложе я обнаружил позднее в отведенной мне хижине.

После этого короткого, но успешного визита вежливости я мог ходить куда угодно и спокойно осматривать деревню. Она была невелика: я насчитал двадцать три дома. Это все были глиняные хижины, крытые соломой, только дома вождя и другого важного лица имели «современную» твердую крышу из рифленого железа, которой не страшен самый жестокий сезон дождей.

Жители африканских деревень по сей день употребляют для строительства те материалы, которые дает природа. Их не надо доставлять издалека и покупать, поэтому строительство дома в саванне обходится дешево, но зато требует упорного труда. Происходит оно обычно в конце сухого сезона. Вот и сейчас я могу наблюдать работы по возведению четырех домов, находящихся в разной степени готовности. В этой деревне темне строятся преимущественно квадратные или прямоугольные дома площадью двадцать-тридцать квадратных метров, с вальмовой, или шатровой, крышей. Строительство ведется самыми простыми методами. Очищенные от коры тонкие стволы забивают довольно глубоко в землю и переплетают тонкими жердями. Полученный каркас составляет основу стен. Жерди скрепляют не

гвоздями и проволокой, а веревками и канатами домашнего производства. На их изготовление идут встречающиеся в окрестностях растения: эластичные волокна ротанговой пальмы, луб кокосовой, жилки листьев рафии, древовидные стебли лиан. На эту крепко связанную деревянную конструкцию плотно укладывают высушенные на солнце крупные кирпичи из глины, щели между ними замазывают мокрой глиной, смешанной с коровьим навозом и песком. Единственным орудием служат при этом руки.

Сложенные таким образом глиняные стены под жарким солнцем быстро становятся твердыми как камень. Собственно, камня в саванне почти нет, и я ни разу не видел, чтобы его употребляли при строительстве. Когда стены нового дома готовы, точно так же складывают крышу из длинных тонких жердей, которые соединяют более толстыми концами у конька и крепко связывают друг с другом. Большой запас таких жердей, составленных в пирамиду, я видел на деревенской площади. Затем в остов крыши тщательно вплетают снопы просяной соломы или пучки длинной травы, а сверху прижимают их бревном. Такая плотная травяная крыша выдерживает несколько сезонов дождей. Пол внутри дома чаще всего из плотно утрамбованной глины.

Обычно темне ремонтируют старые дома в конце сухого сезона, когда в желтых глинобитных стенах образуются длинные широкие трещины. Это излюбленное убежище агам, известного вида африканских ящериц, обитающих вблизи человека. Они, подобно хамелеонам, обладают ярко выраженной способностью менять окраску и благодаря этому по «настроению» и обстановке в соответствии с позами ухаживания, угрозы, испуга принимают тот или иной облик, прекрасно сочетающийся, кроме того, с окраской окружающей среды.

За исключением полевых культур — маниока, проса и риса, все необходимое для ежедневного пропитания жителей деревни растет между хижинами. Здесь стоят пышные бананы, многочисленные серо-зеленые ананасы с поспевающими соплодиями, дынные деревья высотой в несколько метров, носящие название папайя. Их полупудовые плоды наподобие дыни, заканчивающиеся розеткой листьев, прикрепляются прямо к древесному стволу. На некоторых старых деревьях висит до сорока

таких желто-красных плодов. В период созревания к ним слетаются птицы, лакомящиеся их сочной мякотью. Папайя имеет приятный, умеренно сладкий вкус, чаще всего ее едят в сыром виде, хотя ее можно и варить и печь или же готовить как овощ. Даже листья дынного дерева находят применение, например как моющее средство или как действенное лекарство при кишечных и иных заболеваниях. В деревне немало также деревьев манго, которые не только дают прекрасные ароматные плоды, но и благодаря раскидистой кроне отбрасывают столь необходимую тень. Листья манго регенерируют в течение всего года; со старой темно-зеленой листвой на деревьях всегда соседствует несколько веток с молодыми, свежими листочками.

Около одной хижины старая женщина толчет рис. Она без передышки бьет тяжелым деревянным пестом по твердым зернам, лежащим в грубом деревянном сосуде. Эту трудную работу она делает каждый день: рис составляет основу питания местных жителей. Вообще, повседневная реальность буша куда менее романтична, чем это изображают авторы старых книг о путешествиях. То, что многим путешественникам еще и сейчас кажется африканской романтикой, оборачивается для жителей затерянных в тропиках деревень лишениями, нищетой и отсталостью. Нет рабочих мест, а значит, и возможности заработка, не хватает школ, врачей, транспортных средств, торговых связей, воды, электричества, не говоря уже о средствах связи и разных других удобствах, существующих в крупных городах Африки. Между прогрессом городов и традиционным образом жизни деревни разрыв огромный. Современная Африка мечтает о ядерных реакторах и автоматических линиях, а глухие деревни в саванне по-прежнему отрезаны от благ социального прогресса. Их жители живут по старинке в рамках старой социальной структуры деревенской общины, которая, правда, предоставляет помощь и защиту больным и старым, но и строго регламентирует жизнь ее членов. Мне всегда казалось, что время здесь остановилось. Эти люди живут и действуют так, как с незапамятных времен требовала окружающая природа. И понять их можно, только наблюдая их в связи с окружающей средой и диктуемыми ею условиями жизни. Многие старые африканские законы колонизаторы толковали

превратно, объявляли недействительными, даже боролись против них, а между тем они выполняли полезную функцию и соответствовали своему назначению. С безграничным высокомерием колонизаторы пытались навязать иноземную «культуру» и «цивилизацию» африканцам, хотя те обладали и своей замечательной культурой, и социальной структурой, значительно лучше отвечавшей их проблемам¹⁴. Колониальные державы, притязавшие на господство в Африке, сознательно тормозили ее общественное, культурное и экономическое развитие и фактически отбросили ее далеко назад.

Вечером вождь деревни прислал мне со своим сыном фруктов и калекану с пальмовым вином. Эти знаки дружеского внимания чрезвычайно меня тронули, тем более что эти простые люди сами живут очень скромно. Я был рад, что на несколько дней покинул удобный дом Сэма Джонсона в Теко и предпринял этот поход на восток, в деревню темне. И я был вознагражден тем, что узнал много нового. Например, я понял, что именно благодаря гостеприимству африканцев предшественники колонизаторов сто лет назад могли без особого труда склонять африканских вождей к заключению сомнительных «договоров о защите», равносильных бессовестному надувательству.

Когда на следующий день я решил возвратиться в Теко, полдеревни собралось попрощаться со мной. Я «выстрелил» еще несколько снимков. Темне не боялись фотографироваться, а дети, так те и вовсе прыгали от радости — для них это было веселое развлечение. К сожалению, чаще всего они принимали неестественные позы или корчили невероятные гримасы.

Мне пришла в голову мысль, что неплохо бы мне тоже попасть на пленку. Я выбрал мальчика постарше и объяснил ему, что надо делать. Он охотно согласился, и я вложил ему в руки «Пентакон-шесть», нашел точку съемки, установил выдержку, диафрагму и фокус. Закончив с этими приготовлениями, я присоединился к темне, с которыми по незнанию их языка объяснялся, подобно миму, с помощью рук и даже ног. Просто поразительно, как быстро можно научиться «разговаривать» таким простым способом. Все шло хорошо, темне вели себя совершенно непринужденно, только вот аппарат все не щелкал. Я нетерпеливо скосил глаза на моего «опе-

ратора». О ужас, он взволнованно крутил шкалу расстояния, переставлял выдержку, то открывал, то закрывал диафрагму, одним словом, двигал все, что двигалось, и только спуск никак не мог найти. Вдруг зажжужал задетый им автоспуск, и перепуганный мальчик, впервые в жизни державший в руках фотоаппарат, бережно положил его на землю и бросился опрометью бежать от «адской машины». Но смех односельчан убедил его, что эта техника безопасна. Я еще раз его проинструктировал, на сей раз юный темне проявил наблюдательность и прекрасно справился с поручением. К счастью, снимок получился удачным.

НА СЕВЕР, В ТРАВЯНИстую САВАННУ

В первый вторник после пасхи я ровно в шесть утра затормозил у лесничества Макени. Мне предстояло в тот же день выехать с местными проводниками в заповедник Килими — травянистую саванну на крайнем северо-западе Сьерра-Леоне. Все было подготовлено. Т. К. Джон подобрал для меня двух надежных людей. Это Френсис Конте, мой старый знакомый, и молодой охотник Абдуллах из народа сусу. Оба уже ожидали меня. Они приехали из Магбурака очень рано, первым маршрутным такси, и успели выслушать наставления своего начальника. Френсис с довольным видом взглянул на меня из-под широких полей ковбойской шляпы и покровительственно похлопал меня по плечу; Абдуллах же, худой как спичка, удивленно уставился на мои четыре аппарата и торчащие «дула» телеобъективов и молча кивнул головой. На нем была шерстяная шапка табачного цвета в черную полоску, а на левом плече качалась выдавшая виды двустволка, бесспорно давно пережившая пору своей юности.

— Кого ты хочешь ею пощекотать, Абдуллах? — спросил я сусу, после того как нас представили друг другу. Т. К. Джон и Френсис громко рассмеялись, но Абдуллах сделал вид, что он ничего не слышал, и упорно смотрел в сторону. Т. К. Джон приготовил мне небольшой подарок — африканскую рубашку, коричневую, в белый горошек.

— Пока ты в ней, удача будет тебе сопутствовать в

Уличная сценка

Африке,— пошутил он, затем воскликнул: — Счастливого пути! — и долго махал нам вслед.

От Макени до Сайньи у границы с Гвинеей около двухсот километров, но, как мы скоро убедились, не одним километром определяется время пути. Сайнья считается последним селением на территории Сьерра-Леоне. Правда, есть еще Медина-Дула (Медина-Ула), расположенная на самой границе, но это лишь таможенный пункт.

В пяти километрах к северу от Макени мы резко повернули на запад и по красно-коричневому глинистому проселку поехали в Пендембу и Камалу. Указателей на дорогах в этой части страны нет. Да и кому они нужны? Чужаки сюда забредают редко, а водителям местных машин маршрут и так хорошо известен.

Мы почти не разговариваем: наше внимание целиком поглощено дорогой. Серьезную опасность представляют ямы и рытвины, вымытые потоками в дождливый сезон. Через глубокие выемки, рвы и овраги переброшены многочисленные «мосты». Построены они, что называется,

Мечеть в Пендембу

«на живую нитку»: на две продольные балки попрочнее навалены как попало неотесанные бревна. И все. Нередко одного бревна не хватает или бревна положены слишком далеко друг от друга. Дома я, конечно, по доброй воле не поехал бы по такому мостику, но здесь у меня нет выбора. Френсис, сидящий в «Баркасе» рядом со мной, разделяет мой скептицизм относительно надежности сооружений и облегченно вздыхает всякий раз, когда мы оставляем позади шаткий мостик. После Макени я насчитал больше тридцати таких «волчьих ям». И только через реку Маболе ведет широкий прочный бетонный мост, внушающий чувство надежности. Недалеко от берега из воды торчат гряды больших камней, хотя даже сейчас, в сухой сезон, вода стоит довольно высоко. Маболе течет с севера, извиваясь по дороге, и в трех километрах к югу от деревни Масама впадает в Крокодилову речку — Малую Скарсис. В бассейнах этих рек еще и сейчас водится карликовый бегемот — гордость западноафриканской фауны.

За Маболе начинается местность Бомбали. Вплотную к дороге с обеих сторон подступают заросли бурой травы высотой больше трех метров. Вскоре вдали показались четыре купольные башни мечети. Это Пендембу, по африканским масштабам — город, в нашем же пред-

ставлении — небольшая деревенька. Здесь мы остановились ненадолго, чтобы запастись фруктами. Справа и слева от широкой улицы в редкой тени нескольких пальм прячутся коричнево-желтые глиняные дома. Преобладают хижины с заостренными конусными крышами из плетеных травяных циновок. Они образуют резкий контраст с великолепной мечетью, возвышающейся над всей деревней. Она в точности повторяет мечеть в Макени, очевидно, обе они — творения одного архитектора. Каждый день муэдзин с одной из четырех башен призывает правоверных к молитве. По правую сторону от мечети стоит каноническая школа, где дети учат наизусть суры Корана. Светская школа в современном низком здании находится на другом конце деревни.

В Пендембу мы пробыли недолго, и снова «Баркас» вздымает за собой на дороге желтые тучи пыли. Сбавляем, в который уже раз, скорость. Ничего не поделаешь, дорога с каждым километром ухудшается. Машину сотрясает твердое как камень «рифленое железо». Наши лица, как и всё в машине, покрываются тонким слоем пыли, особенно неприятной из-за убийственной жары: термометр в машине показывает 52 градуса по Цельсию. Деревни попадают все реже. Камаранка, Камалу, Камакве, Катири остались позади, и наконец в полдень мы увидели перед собой Малую Скарсис. Широкая река, пересекающая страну с севера на юг, в одних местах называется Монго, в других — Каба. Воды ее кажутся темно-синими. В Малой Скарсис еще водятся крокодилы — по словам Т. К. Джона, очень боязливые и осторожные, но их все же изредка можно увидеть, когда они нежатся под лучами солнца на ровных песчаных банках близ берега.

Попытаем счастья. Стараясь не шуметь, мы прошли три километра вверх по течению и столько же вниз, но все напрасно, ни одного панцирного пресмыкающегося мы так и не заметили. Вызванная капризами моды безжалостная охота за шкурами крокодилов сильно уменьшила их поголовье в Африке. Сокращение численности всех трех африканских видов внушает самую серьезную тревогу, тем более что с момента появления детеныша крокодила из яйца на свет его окружает помимо человека много других врагов. Марабу, орланы-белохвосты, скопы, вараны с удовольствием пожирают не только

крокодилы выводки, но и яйца. Кроме того, новорожденные крокодилы легко становятся жертвами паразитов. Считается, что из ста детенышей только один преодолевает окружающие опасности и остается в живых.

Вот поэтому в заповеднике Ндуму на территории Зулуленда был устроен питомник. Там удалась инкубация яиц нильского крокодила (*Crocodylus niloticus*). Выведенную искусственным образом молодежь переселяли в другие заповедные районы, где крокодилов осталось мало. Так, с помощью искусственной инкубации уже удалось спасти один вымиравший вид африканской фауны — страуса. Теперь в бассейнах больших рек Сьерра-Леоне кроме известного нильского крокодила водятся еще два мелких вида — тупорылый крокодил (*Osteolaemus tetraspis*) и узкорылый крокодил (*Crocodylus cataphractus*).

Мы решили нанять лодку и в поисках крокодилов проехать по реке. «Баркас» оставили на берегу под пристроном Абдуллаха.

Лодку нашли быстро. Френсис договорился с двумя рыбаками: за умеренную плату они повезут нас в каноэ вверх по реке, по направлению к Коло. Каноэ, вырубленное из одного толстого ствола, по моим понятиям, слишком тяжелое. И действительно, рыбакам очень трудно выгребать против течения. Равномерно погружают они короткие весла в воду и резким рывком проталкивают их вперед, стараясь держаться ближе к середине реки, где глубже и течение поэтому меньше препятствует нашему продвижению. Голые тела рыбаков блестят от пота, мускулы так напряжены, что кажется, вот-вот лопнут.

Не то что я, даже Френсис не мог бы вести такое каноэ против течения. У нас для этого нет ни сил, ни сноровки, ни выносливости. Иногда мимо проплывают уносимые течением части растений и сучковатые ветки. Солнце безжалостно припекает головы. Каноэ протекает, а так как мы сидим прямо на дне, то вскоре подмокаем. В жару это не страшно, куда больше неприятностей доставляют назойливые москиты, непрерывно жужжащие вокруг. Махать руками бесполезно, они становятся только более агрессивными. Впрочем, каждое неосторожное движение нарушает плавный ход каноэ,

тут особенно не размахнешься. Рыбакам же, давно привыкшим к москитам, они вроде и не мешают.

На берегах Малой Скарсис растут густые галерейные леса. Вдруг один из рыбаков негромко произнес какое-то слово и показал на берег. «Бегемоты»,— перевел мне Френсис, и я восторженно вскрикнул. Но я не сразу смог отличить две серые спины, торчавшие из воды, от многочисленных круглых камней вокруг. К сожалению, это были обыкновенные бегемоты, а не карликовые.

— Подойдем поближе? — Френсис мог бы этого и не спрашивать. В ответ я только кивнул головой. Рыбаки повернули лодку и осторожно направили ее к удивительным толстокожим. Те, однако, давно нас заметили и один за другим скрылись под водой. Мы все же приблизились в надежде, что где-нибудь перед нами снова всплывет массивная голова и я успею ее «щелкнуть». Проходит целая вечность! Бегемот может находиться под водой около пяти минут. Эти неуклюжие животные, весом до трех тонн, целые горы мяса, прекрасно плавают и даже бегают по дну водоемов. Под водой же происходят рождение и вскармливание детенышей. И все же главный источник их питания находится не в водной стихии, а на суше. Ночью бегемоты покидают спасительное лоно воды и по протоптанным тропам отправляются на свои пастбища.

При чрезмерном увеличении их численности они могут нанести большой урон береговой растительности. Убедительный пример — Национальный парк Рувензори в Уганде с самой большой в Африке популяцией бегемотов — около пятнадцати тысяч животных: их невероятная потребность в корме поставила под угрозу устойчивость биотопа всего речного бассейна. Пришлось прибегнуть к плановому отстрелу определенного числа животных. Но Сьерра-Леоне и другим африканским ареалам бегемотов нечего опасаться чрезмерного роста их поголовья, напротив, во многих местах им угрожает вымирание. Еще двести лет назад бегемоты часто встречались во всех реках, озерах и болотах от Капланда до дельты Нила, но в процессе колонизации их уничтожили раньше, чем других животных, так как именно реки были основным средством сообщения, ведущим в глубь континента. Часто бегемотов убивали из чисто спортивного интереса, особенно самцов, которые, защищая свои

владения, нападали на лодки и иногда их переворачивали.

Наконец первый бегемот всплыл, но в совершенно неожиданном месте. Он выставил из воды лишь небольшую часть своей могучей головы: маленькие уши, глаза и широкие ноздри — ровно столько, чтобы иметь возможность оглядеться и запастись воздухом для нового погружения. Этим бегемот напомнил мне айсберг, надводная часть которого всегда составляет ничтожную часть его фактического объема. Бегемот поднялся так неслышно, что мы его и не заметили бы, не выпусти он с остатками воздуха фонтан воды в метр высотой. Рядом с ним появился и второй бегемот, намного меньше первого: по-видимому, это была самка с детенышем. Я стал на колени и с помощью пятисотмиллиметрового телеобъектива быстро «выстрелил» несколько снимков, но, нажимая спуск, я не был уверен, выйдет ли что-нибудь на пленке; слишком велико расстояние между нами — около шестидесяти метров. Подойти ближе мы не решались: бегемоты и без того были очень обеспокоены и в следующий момент снова начали погружаться.

Теперь я хорошо представлял себе, как произойдет наша встреча с крокодилами. Плавают и ныряют они еще лучше бегемотов и могут находиться под водой даже около часа. Это, однако, не спасло их от уничтожения человеком.

По сигналу Френсиса рыбаки взяли за весла и налегли на них с новой силой. Но в этот день «крокодилье счастье» нам так и не улыбнулось. Кроме нескольких водяных птиц, мы больше никаких животных не видели. Между тем тени стали длиннее, пора было подумать о ночлеге. На сегодня я отказался от надежды увидеть крокодилов и на очередном повороте реки дал знак возвращаться.

В наше отсутствие Абдуллах не бездельничал: он уже присмотрел на берегу удобное место для стоянки, где мы немедленно расположились «по-домашнему». К нам даже пришли гости, пока мы собирали топливо и разводили костер: жители ближайшей деревни, прослышавшие, что ниже по течению остановились путешественники. Ими двигало не только любопытство, они принесли на продажу копченую рыбу и бананы.

В ответ на расспросы Френсиса они рассказали, что

недавно крокодил похитил молодую козу. «Злодей» прикинулся на берегу спящим, а ничего не подозревавшая козочка побежала мимо него к водопою. Крокодил сильным ударом чешуйчатого хвоста свалил ее наземь и быстро схватил могучими челюстями. В следующий миг он скрылся в водах Скарсис вместе с добычей.

С чувством зависти выслушал я этот рассказ и условился с Френсисом следующий день посвятить фотоохоте на крокодила. Позднее, когда мы молча сидели у костра, с реки до нас донеслись сопение и хрюканье. Яркий огонь привлек бегемотов, но, сколько их было, мы не могли различить в темной воде. Вдалеке раздавались монотонное пение женщин и грохот барабанов. По-видимому, в одной из ближайших деревень был праздник. Снова я наслаждался удивительной тропической ночью, из тех, что помнишь до конца своей жизни. Когда костер медленно догорал, Френсис простонал: «Тысяча чертей, эти москиты!» — и натянул шерстяное одеяло на голову. Я же вооружился аэрозолем против насекомых и попытался изгнать бестий хотя бы из «Баркаса», где нам троим предстояло спать.

Наши вылазки не принесли результатов и на следующий день: мы не обнаружили в Малой Скарсис даже следов крокодилов. Было ясно, что оставаться дольше — только время терять. На следующий день, рано утром, мы отправились дальше, в заповедник Килими. Для этого надо было пересечь Малую Скарсис, а пока это можно только на пароме. Иностранных кредитов, полученных правительством Сьерра-Леоне для строительства мостов, не хватает на то, чтобы соединить основательным, а значит, дорогим мостом берега реки, которая протекает по местности, не имеющей большого экономического значения. Но через Малую Скарсис ходит на стальных тросах паром. Он так мал, что вмещает только одну машину типа нашего «Баркаса», но это вполне удовлетворяет скромные потребности местного транспорта. Очень редко автомобилистам приходится здесь спорить за право первого перевоза.

Абдуллах побежал по деревне, разыскивая паромщика, Френсис же улегся на циновке в тени и с довольным выражением лица принялся набивать свою трубочку. Пристрастие к ней выделяет его из подавляющего большинства африканцев, и Френсис умело ис-

«Воришка» на банановой плантации

пользует это обстоятельство. Когда мы принимаем гостей или сами посещаем деревню, Френсис никогда не забывает вытащить трубочку из кармана и не спеша набить ее перед восхищенными взорами любопытных женщин.

Наконец Абдуллах нашел паромщика, вернее, прервал его глубокий сон. Узнав, что предстоит работа, тот побежал по деревне и пронзительным свистком поднял на ноги своих подчиненных. Постепенно собралось

восемь человек, все в беретах. На Скарсис паромщики пользуются особым почетом. Они не только государственные служащие, но и «живая газета» для окружающих деревень. От пассажиров междугородных автобусов, переправляющихся через Малую Скарсис, они узнают последние новости и самые интересные скандальные истории из жизни Фритауна, Бо, Кенемы или Макени. Они всегда хорошо информированы и, конечно, с гордостью делятся полученными сведениями с другими. На этот раз сенсацией дня были мы. Френсису пришлось все рассказать наиподробнее образом. Но он делал это весьма охотно, не забывая время от времени затягиваться своей «коптилкой».

Мы медленно съехали по узкой цементной дорожке к реке. На берегу две женщины заняты большой стиркой. Они энергично колотят мокрые вещи о большие камни, выжимают и развешивают на стальные тросы парама. Младшая из женщин—с сынишкой, коричневым голышом с колокольчиком на шее. Это очень удобно: мать не глядя знает, где находится ее малыш. Я навел на него аппарат, но он в ужасе заковылял к матери и, всхлипывая, уткнулся в юбку. Она, ласково улыбаясь, старалась успокоить ребенка, а я попытался загладить свою вину большой конфетой. После некоторых колебаний мальчик взял конфету, но так и не отпустил спасительный подол.

Между въездом на паром и бетонной дорогой оставалось не больше метра. Машина должна пройти это расстояние по речным камням и только после этого въехать на деревянные мостки перед паромом. Мне это не особенно нравилось, но что поделаешь! С величайшей осторожностью я дал «Баркасу» соскользнуть в воду. Вдруг на мокрых камнях передние колеса вильнули в сторону. Подвеска мотора с силой ударилась о камни и под тяжестью набитой до предела машины согнулась. «Баркас» остался прикованным к месту. Я разразился громкими проклятиями, мои спутники молчали, но по их лицам было видно, как они расстроены. С большим трудом нам удалось общими усилиями вернуть тяжелой машине прежнее положение и благополучно водворить ее на паром. Тут же я полез под машину. На первый взгляд мне показалось, что повреждение не заслуживает серьезного внимания и что на

другом берегу я быстро его устраню. Только спустя много времени, в горах за Кабалой, выяснилось, как серьезно пострадал наш «Баркас».

Вскоре все успокоились, паромщики вставили в трос деревянные клинья, один из африканцев нараспев подал короткую команду, и фантастическое сооружение медленно поползло к другому берегу. Проезд бесплатный, за счет казны, но маленькие подарки—залог дружбы. Френсис роздал их команде, все благодарили, а на прощание осыпали нас пожеланиями счастливого пути.

Насколько мы в них нуждались, стало ясно только потом. Безобидные с виду ухабы на шестидесяти километрах дороги после Малой Скарсис оказались куда хуже «рифленого железа» до переправы через реку. «Баркас» то взлетал высоко вверх, то резко устремлялся вниз, прежде чем я успевал этому помешать. Мне все время приходилось притормаживать, чтобы уменьшить раскачивание, ни на миг не мог я оторвать глаза от дороги. Ей я обязан открытием, что автомобиль способен «летать». Несколько раз мы «парили» в воздухе с двумя задранными вверх колесами и были уже уверены, что дальше придется идти пешком. Для меня навсегда останется загадкой, как «Баркас», обычная серийная машина конвейерного производства без каких-либо специальных приспособлений для тропиков, смог одолеть такой трудный участок дороги. Это делает честь создавшим его конструкторам и механикам. Несколько раз помещенная сзади достаточно высоко выхлопная труба сплющивалась наподобие широкого сопла и производила свистящий шум. Мне приходилось ее буквально разрубать зубилом.

И тем не менее мы относительно быстро продвигаемся вперед. Термометр в салоне опять показывает 48 градусов по Цельсию. Теперь мы проезжаем через густой влажный девственный лес. Дорогу то и дело пересекают маленькие ручейки. Деревья здесь прямые, высокие, часто до пятидесяти метров, разветвляются они только под самой кроной, такой пышной, что она полностью преграждает доступ солнечному свету. Многие большие деревья имеют дополнительную опору в виде хорошо выраженных досковидных корней, которые идут вверх по стволу метров на шесть. В полутьме подлеска, тоже

очень густого, растут огромные папоротники. Со стволов и ветвей свисают лианы и лишайники. Из трех крупных зон дождевых лесов—американской, азиатской и африканской—последняя занимает наименьшую площадь. В Сьерра-Леоне дождевой лес представлен только такими сохранившимися островками, так что нужно исправить данные специальных справочников. Остатки девственных лесов находятся под строгой охраной государства, их стараются оградить от любых посягательств людей.

За очередным поворотом дороги перед нами возникло неожиданное препятствие: рухнул древний лесной великан, и его раскидистые ветви, словно нарочно, преградили проезжую часть. Мы вооружились пилой и топором и, дружно орудуя ими, расчистили себе дорогу. Но на этом наши злоключения не кончились: последний мост перед Сайньей оказался разрушенным, хотя никакого предупредительного знака не было. Не подозревая, что посередине моста зияет двухметровая дыра, я спокойно на него въехал, и, если бы многоопытный Френсис в самый последний момент не заметил ее, скорее всего наша экспедиция здесь бы и закончилась. А под мостом — предательское болото. Целый час мы укладывали на топь толстые жерди, пробелы между ними Абдуллах заполнял травой, сверху я даже настлал брезент. Все лучше, чем безнадежно застрять в болоте и дожидаться потом помощи, которая, может, явится лишь через несколько дней.

Около трех часов пополудни мы увидели дома Сайньи, последнего населенного пункта перед границей. У въезда в деревню дорогу нам преградил шлагбаум: толстое бревно, положенное на две рогульки. Вывеска с почти стершейся от времени надписью гласила: «Полицейский участок». Весть о нашем прибытии с быстротой ветра облетела деревню, и чуть ли не все ее жители обступили машину. Мужчины с любопытством заглядывали внутрь и при виде ружья Абдуллаха довольно переглядывались: значит, предстоит сафари, сафари же приносит деньги, а в случае удачи — и мясо. Мы вежливо представились стоявшему перед участком начальнику полиции, небрежно одетому в гражданское: здесь, в пограничной зоне, вдали от блеска столицы, авторитет власти не зависел от мундира. И еще одно откры-

гие: тому, кто дружит с Френсисом Конте, не обязательно предъявлять документы. Формальности были улажены за несколько минут, маленький подарок закрепил новое знакомство. Все довольны, мы — желанные гости.

— Нет ли у вас с собой газет? — нетерпеливо спросил полицейский, как только со всеми делами было покончено.

Я наскреб в «Баркасе» несколько номеров «Дейли мейл» недельной давности. Полицейский радостно схватил их и сразу заторопился. В двух словах он объяснил всем, что гости приехали не охотиться, а фотографировать, и, захватив чтиво, пошел в тень, которую отбрасывал его скромный дом. Вся деревня была разочарована.

Перед отъездом Абдуллах залил до краев все канистры для воды — всего шестьдесят литров. Кто знает, сколько дней мы проведем в буше! В каждую канистру бросили дезинфекционную таблетку. Если верить инструкции, через четыре-шесть часов тепловатая жижа становится годной для питья.

Едва из зеркала заднего вида исчез последний дом деревни, дороги, если можно ее так назвать, как не бывало. Мы объезжали зигзагами каждое дерево на нашем пути и очень медленно продвигались вперед. Счастье еще, что Френсис хорошо знал эту местность. «Баркас» с трудом продирался сквозь буш, прокладывая себе путь в сухой высокой траве. Но через шесть километров он сдался, и мы выбрали место для лагеря — небольшой холмик с одиноким деревом. Рядом с холмом возвышался трехметровый термитник причудливой формы.

Мы устроились как можно лучше, и вскоре бензиновые примусы уже завели свою песенку. Дома при сборах я предусмотрел все. Чего только не было в моем багаже: аэрозоль против насекомых, туалетная бумага, губная гармоника, пуговицы, точилка, мешки, запасные стержни для шариковой ручки... А про консервный нож я забыл. И теперь мы сидели на траве в заповеднике Килими и довольно беспомощно обозревали огромный запас консервов. Какая жалость, что не все консервы продаются, как сардины, вместе с открывалкой.

— Надо же что-то предпринять, — изрек Френсис и

принес из машины долото и молоток.— Сначала выхлопная труба, теперь консервы — все своим чередом.

Решительным ударом он проделал отверстие в крышке и начал ее вырубать. Жесть плохо поддавалась, сопротивляясь всеми своими острыми краями, но через некоторое время предприятие все же увенчалось успехом. Абдуллах и я последовали примеру Френсиса. Нам еще повезло: в ящике для инструментов оказалось несколько молотков и зубило.

Вечером мы обсудили планы на следующий день. В Килими меня больше всего интересуют лесные слоны. Вот мы и попытаемся найти маленькое стадо слонов. В сезон дождей толстокожие часто встречаются в этом заповеднике, но сейчас, в страшную засуху, когда все пересохло и жаждет хоть капли влаги, будет, конечно, нелегко разыскать их на высохшей равнине или в «высоком буже» — подрастающих лесопосадках. Выследить их трудно еще и потому, что в отличие от своих восточноафриканских сородичей, степных слонов, слоны западноафриканские, обитающие в лесах, не собираются в большие стада, а чаще всего бродят по своему ареалу семьями или маленькими группами. Многие века ожесточенной охоты на этих великолепных толстокожих научили их осторожности. Они бдительно следят за всем окружающим и, заподозрив неладное, немедленно обращаются в бегство. Приблизиться незаметно к серо-бурому великану трудно, хотя в настоящее время в Западной Африке у него почти не осталось естественных врагов. Для него, равно как и для бегемота и крокодила, главный враг — человек, который продолжает охотиться на него, одержимый одним заветным желанием — заполучить драгоценную слоновую кость. И законы тут бессильны.

Недаром древние римляне говорили: «Что пользы от законов там, где нет нравственности?» Еще можно пробудить совесть у самих охотников, но не у стоящих за их спиной заправил, которые, неизменно оставаясь в тени, наживают целые состояния на разбазаривании сокровищ африканской фауны.

Пока еще было светло, мы устроили себе «постели». Френсис расположился со мной рядом в «Баркасе», у Абдуллаха же были иные планы. Готовился к ночлегу он весьма странно: стер пыль с двустволки, натянул на

голову шерстяную шапку, а к ней прикрепил карбидную лампу. В таком виде он напоминал шахтера.

— Только отойди подальше в буш, мы устали и хотим спать спокойно,— недовольно пробормотал Френсис, укладываясь на свое ложе.

— Прекрасных сновидений, мой мальчик! — шутливо бросил Абдуллах, проходя мимо «Баркаса». Ах вот что замыслил сусу! Я пошел за ним. Шагах в трехстах от машины Абдуллах остановился и внимательно оглядел местность. Результаты, очевидно, его удовлетворили: он привязал гамак между двумя большими деревьями и ловко забрался туда. Я подал ему заряженное ружье и пожелал счастливой охоты.

В Европе осуждают охоту в ночное время с искусственным освещением. Ее считают неспортивной, так как непривычный свет оказывает магическое действие на животных и подавляет их инстинкт самосохранения. Но как Абдуллаху понять наши этические представления об охоте? Так он охотился всегда и будет охотиться впредь. В африканском буше царят иные законы, применять там наши мерки просто неразумно.

Быстро стемнело. Я побрел обратно к «Баркасу». Когда я захлопнул за собой дверцу, Френсис сонно спросил:

— Он ушел достаточно далеко? Его пуля не угодит в нас?

— Да, очень далеко, вон туда,— ткнул я пальцем в неопределенном направлении, надеясь втайне, что сегодня карбидная лампа нашего одержимого охотника Абдуллаха не привлечет ни одной антилопы.

С ВОСХОДА ДО ЗАКАТА

Ночь не принесла нам прохлады. Утром мы проснулись, обливаясь потом. Выстрела так и не последовало, а сам Абдуллах, веселый и добрый в отличие от нас, на рассвете появился около машины.

— Ну и как? — осведомился, позевывая, Френсис.

— Благодарю вас, сэр, я прекрасно выспался,— ответил сусу и разрядил ружье.

— Черт бы тебя побрал,— завершил Френсис беседу. Он и Абдуллах — хорошие друзья, они провели вместе не одно трудное сафари и, хотя пререкаются при каж-

Материнская ласка

дом удобном и неудобном случае, серьезно, наверное, никогда не поссорятся.

На горизонте быстро поднимался большой солнечный шар, и с каждой секундой его кроваво-красные цвета блекли. Вскоре весь ландшафт окрасился в бледно-желтые тона. Только редкие голоса птиц, доносившиеся с деревьев, нарушали удручающую тишину. Казалось, тро-

С колокольчиком не потеряется!

пическая природа покорно ждала тяжкого зноя наступающего дня.

Мы, напротив, были жизнерадостны и веселы. Три литра холодного чая придали нам бодрости, мы быстро взвалили рюкзаки на спины, я обвешался аппаратами, запер «Баркас» и — вперед в буш! Первым шагал Френсис, ему в затылок — я, замыкал шествие Абдуллах со своим ружьем. Сначала мы продвигались довольно быст-

ро по узкой, хорошо утоптанной тропинке, пересекавшей слегка покатую местность. Луговая растительность перемежалась здесь со множеством высоких, стройных деревьев. Но с каждым часом лес становился все гуще. Почти все деревья стояли обнаженные, без листьев: в Килими уже много месяцев не было дождя. Из-под ног с резким криком взлетела стая вдовушек. Эта маленькая птичка, распространенная в Африке,— гнездовой паразит, как наша кукушка. Она не высидывает яйца сама, а подкидывает их в гнезда ткачиков некоторых видов, вьюрков, славков. Видели мы также астрильдовых ткачиков и блестящих скворцов. Цепочка рябков при нашем приближении быстро скрылась среди зарослей травы. Тропки становились уже, незаметнее, а в чаще леса и вовсе пропали.

В одной из лощин мы встретили семейство сусу: отца и мать с дочерью. Они шли босиком, верхняя часть их тела была обнажена. Женщина и девочка приветливо поздоровались на языке сусу: «Эневале!», мужчина же сдержанно поклонился и сказал по-английски: «Доброе утро, сэр!» Через некоторое время мы дошли до их скромного селения. Шесть круглых глиняных хижин под травяными крышами конусом стояли плотно в один ряд. Сухая твердая земля между ними чисто подметена. Вход в хижины открыт: кто так беден, как эти сусу, не боится воров, ему незачем запирать свои жалкие пожитки. Хижины без окон, и, когда я заглядываю через вход внутрь, мои глаза лишь постепенно привыкают к полутьме. У шершавых глиняных стен — несколько деревянных козел. Кровати детей и родителей разделены плетеными циновками из травы. В другом углу — каленбасы да пара круглых горшков — вот и вся домашняя утварь. Редко я видел людей беднее этих сусу из Килими. У них нет даже воды: с большим трудом отыскивают они ее в редких тинистых ямах, находящихся к тому же далеко от дома.

Пять часов подряд в невыносимый зной мы шли то вверх, то вниз. У нас уже совсем не осталось сил, а тут — очередной заболоченный ров. Через него надо перебраться по толстому стволу, продираясь сквозь лианы и другие вьющиеся растения. Сначала мы никак не могли взобраться на бревно, а потом, на другой стороне рва,—спрыгнуть с него. Даже у моих спутников бы-

ли насквозь мокрые от пота рубашки, на лбу блестели большие капли. Им, выносливым жителям буша, и то приходилось туго. Обычно в Тропической Африке в самую жаркую часть дня не работают и, конечно, воздерживаются от всяких напряженных усилий. В тропиках соблюдают сиесту — полуденный отдых. Пора было и нам отдохнуть! Словно тяжело набитые мешки, мы повалились в тени дерева наземь и почти немедленно погрузились в глубокий сон.

Через час я вдруг проснулся. Рядом со мной Абдуллах храпел так громко и упорно, что мог бы разбудить даже спящую красавицу. В ветвях дерева над нами щелкал маленький вьюрок. Я растолкал друзей: пора было идти. Неподалеку от нас в кустах резвилась стая зеленых мартышек. Когда мы поднялись, они в ужасе бросились бежать. Мы снова пошли по бушу гуськом, впереди на этот раз Абдуллах, ощупывавший окрестности острым глазом, за ним Френсис в желтой соломенной шляпе, к которой он прикрепил для защиты от солнца большой пучок сухой травы. В одном месте дорогу нам перебежал выводок цесарок. Абдуллах сорвал двустволку с плеча, но, пока он целился, последняя птица успела скрыться. Абдуллах разочарованно опустил ружье.

Немного позднее произошла еще одна неожиданная встреча, надолго врезавшаяся мне в память. Вдоль тропинки необычайно ловко извивалась змея с гладкой чешуей изумительного зеленого цвета. При виде ее Абдуллах испуганно отшатнулся назад и шепотом произнес на сусу ее название. Зеленая мамба — одна из самых ядовитых змей Африки! Та, что встретилась нам, имела в длину до двух метров. Меня поразили ее большие темные глаза, которыми она великолепно видит. Зеленая мамба часто ползает и по деревьям. Окраска в цвет листьев служит ей прекрасной маскировкой, и в густом кустарнике, излюбленном местопребывании мамбы, ее очень трудно заметить. Там она охотится за мышами и другими мелкими зверушками. Мамба очень агрессивна, яд ее действует чрезвычайно быстро. Укушенная ею мышь гибнет через четыре секунды, человек же, не получивший медицинской помощи, — не позже чем через двадцать минут. Яд мамбы поражает нервную систему жертвы, смерть наступает вследствие паралича дыхательного центра и прекращения сердечной деятель-

В деревне темне. Крестьяне толкут рис, главный продукт их питания

ности. В то же время в нем содержится вещество, активно препятствующее свертыванию крови. Поэтому яд зеленой мамбы широко применяется при лечении тромбозов, он предотвращает опасную для жизни закупорку сосудов.

Мы описали большую дугу вокруг места опасной встречи и дальше шагали по бушу с еще большей осторожностью. Нервы были напряжены до предела, всю-

ду нам мерещились мамбы. Но за всю поездку по Сьерра-Леоне я больше мамбы не видел.

Когда мы после долгого, трудного подъема вышли наконец на плато, я буквально падал от усталости. Несколько минут мне все виделось в тумане. Если бы в этот момент на меня бросился разъяренный буйвол, у меня и тогда не достало бы сил вскарабкаться на дерево. Но ни буйволов, ни слонов не было и в помине. Мои друзья чувствовали себя физически не лучше, и, передохнув, мы единодушно решили возвратиться в лагерь. На обратном пути барометр нашего настроения упал до нулевой точки. Кроме зеленой мамбы, нескольких обезьяньих стай и многочисленных птиц, мы не видели ничего особенного. Вероятно, из-за продолжительной засухи звери ушли на другой берег Большой Скарсис (Коленте). А может, они спасались от лесных пожаров, бушевавших здесь не так давно. В довершение бед, обходя бесчисленные лианы, свисавшие с деревьев, мы потеряли нашу тропинку и потом долго вслепую блуждали по бушу.

Завидев издалека наш холм и «Баркас» на нем, мы собрались с силами. Там ждет сорок литров чистой воды на три пересохшие глотки. Нет ничего вкуснее этой тепловатой жидкости из пластмассовых канистр! Мы выпили каждый около пяти литров, как ни трудно этому поверить. Утолив первую жажду, я приготовил еще три чашки полусладкого чая. Никогда ни один напиток я не пил с таким наслаждением! Только Абдуллах украдкой морщился и говорил что-то о «гусином вине». Затем мы снова отчаянно врубались в консервы.

И в следующие два дня нам не повезло: слонов мы не увидели, хотя существенно расширили маршруты ежедневных вылазок. Я преодолел первоначальные приступы слабости и довольно сносно переносил переходы в разгар жары. Многочасовые походы по знойной саванне требуют тренировки, так же как длительное пребывание на большой высоте. Вместо слонов мы натолкнулись в густом лесу на панголина — белобрюхого ящера (*Manis tricuspis*). Случай поразительный, потому что, по устоявшемуся мнению зоологов, это интересное животное с роговыми чешуйками цвета древесной коры днем спит в дупле дерева и покидает его только после захода солнца, когда отправляется на поиски пищи. Или

ученые не совсем правы и белобрюхие ящеры активны и днем, хотя бы отчасти, или же дневной сон нашего панголина был нарушен, возможно, одним из его биологических врагов. Что это за враги — остается только предполагать. Часто утверждают, что к их числу относятся леопарды и гигантские змеи, но это не доказано. Хотя в западноафриканском ареале у панголина мало врагов, он встречается здесь далеко не часто. Вообще, науке еще неизвестно многое о биологии и поведении этих, по-видимому, первобытных млекопитающих. Даже их происхождение по сей день остается биологической загадкой: не удалось проследить их родство ни с американским броненосцем, ни с африканским трубкозубом.

Наш ящер, подобно собаке, обнюхивал обугленное дерево, может быть оставшееся от последнего лесного пожара. Он поводил из стороны в сторону заостренной головой с трубкообразной мордой, разыскивая муравьев или термитов, которых ловко слизывал длинным клейким языком. У этого безобидного животного нет зубов. Его длинный, покрытый чешуйками хвост немного длиннее туловища, и так уже довольно вытянутого. Длина панголина от кончика носа до кончика хвоста составляет около метра. Животное движется необычайно медленно, кончик его заостренного хвоста всегда волочится по земле. Но не подумайте, что хвост неподвижен. Благодаря ему и хорошо выраженным лапам с когтями панголин способен прекрасно лазать. Иногда он, как кенгуру, садится на задние лапы, а передние с крепкими хватательными когтями подтягивает к телу. При этой позе хорошо виден белый волосной покров на шее, брюхе и внутренней стороне ног — к счастью, он хорошо получился на некоторых моих снимках. Панголин не может спастись от врагов бегством: бегаёт он, пожалуй, не быстрее ежа, но, как и еж, обладает другим средством защиты — свертывается клубком. Абдуллах осторожно постучал по чешуям панциря, которые, подобно черепицам на крыше, находя одна на другую, покрывают все туловище животного. Оно немедленно превратилось в шар, и, как я ни старался распрямить его длинный крепкий чешуйчатый хвост, мне это не удалось — так силен панголин. Только после того, как мы отошли на значительное расстояние, тело его незаметно расслабилось и животное осторожно, как в замедлен-

Панголин — западноафриканский белобрюхий ящер

ном фильме, развернулось. Подобное поведение также напоминает нашего ежа. Кроме панголина, обитателя деревьев, в фауне Сьерра-Леоне представлен и гигантский ящер, ведущий наземный образ жизни. К сожалению, его я не встретил.

Пока я наблюдал панголина, Френсис и Абдуллах решили осмотреть окрестности. Едва они отошли, как панголин снова принялся энергично обнюхивать все во-

круг. Через полчаса я услышал взволнованный голос Абдуллаха, зовущего меня. Я отозвался. При звуке моего голоса панголин тотчас же свернулся. Тут примчался запыхавшийся Абдуллах.

— Идем скорей, мы встретили королевского питона! Френсис остался стоять рядом с ним, чтобы мы его смогли легче найти.

Питон, гигантская змея! Я, конечно, не мог устоять против соблазна. Мы взвалили рюкзаки на спину и пошли.

Королевский питон (*Python regius*) лежал, свернувшись, в развилине небольшого куста. Это был великолепный экземпляр, совсем недавно слинявший. Блестящая темно-коричневая кожа по бокам была обрамлена красивыми желтоватыми медальонами неправильной формы с темными круглыми пятнами внутри. Очень трудно составить правильное представление о величине гигантской змеи, свернувшейся клубком, но мне показалось, что питон имел в длину около трех метров. По сравнению с толстыми петлями, в которые было свито туловище питона, его продолговатая голова производила впечатление довольно маленькой. Просто не верилось, что он может заглатывать животных величиной с небольшого теленка.

Эта удивительная способность объясняется большой эластичностью и подвижностью челюстей, глотки, желудка и стенок туловища. Однако основную пищу питона составляют ящерицы, змеи, лягушки, птицы и мелкие млекопитающие, на которых он охотится в вечернее и ночное время. Питон подстерегает жертву, притаившись около звериной тропы или на нижней ветке дерева, и, как только она появляется в пределах его досягаемости, кидается на нее с быстротой молнии и вонзается зубами в ее тело. Затем он душит животное, обвиваясь вокруг него своим сильным туловищем, и лишь потом начинает его заглатывать. По наблюдению Перси де Альви, взрослый питон заглатывает молодую самку оленя за час двадцать минут. Пока происходит процесс переваривания пищи, питон лежит неподвижно, в состоянии оцепенения, часто целыми днями. Непереваренные остатки пищи он, подобно хищным птицам, изрыгает. Случается, что питон подолгу обходится без пищи. Две такие змеи из окрестностей Аккры (Гана), доставленные

в Лондонский зоологический сад, впервые приняли пищу двадцать два месяца спустя.

Наше присутствие, казалось, ничуть не тревожило питона. Пока я его фотографировал, он лежал на своей развилине совершенно спокойно, хотя до меня было не больше метра. Только когда Френсис дернул его за хвост, в неподвижном теле пробудилась жизнь. Питон соскользнул со своего ложа и не спеша исчез в высокой траве. Но до этого я успел сделать еще несколько интересных снимков.

Встречи с питоном и панголином заставили нас почти забыть, какие муки мы приняли и сколько пота пролили в предыдущие дни. А когда мы шли обратно мимо домов сусу, уже знакомая нам женщина вынесла сосуд с медом и стала угощать нас. Мы воздали должное меду диких пчел, собранному поблизости в дупле старого дерева. Женщина угостила нас и козьим молоком, хотя его, наверное, не хватало для ее четверых детей. А как она радовалась нашим удачам, о которых Абдуллах рассказал ей на родном языке! Мне было почти стыдно запечатлеть на фотографии бедность этого приветливого семейства сусу. Таким людям необходимо в ближайшем будущем помочь выйти из изоляции и изменить образ жизни, но это потребует от правительства Сьерра-Леоне больших усилий в сочетании с чуткостью и пониманием их проблем.

Вечером над Килими разразилась первая большая гроза — провозвестница близкого дождливого сезона. Внезапно небо затянулось толстым слоем облаков, поднялся ветер, над нами лило, гремело, сверкало... Хотя в опасной близости от нас то и дело сверкали молнии, гром гремел сравнительно тихо, как бы приглушенно. Абдуллах поспешно покинул свой гамак, и мы все трое лежали полуголые в «Баркасе», радуясь тому, что стало на несколько градусов прохладнее.

Дождь шел всю ночь. Следующий день также был пасмурным. Только на несколько минут солнце выглянуло из серой гряды облаков. Зато утро принесло нам радостный сюрприз: недалеко от хижин сусу Френсис обнаружил свежие испражнения слонов. Они принадлежали, судя по отпечаткам ног, трем толстокожим. Взволнованные, мы пошли по следу. Ничто не напоминало о шедшем ночью ливне, только влажность воздуха сильно

увеличилась, поэтому стало еще труднее дышать и переносить жару. Аппарат и тяжелый телеобъектив я нес в состоянии боевой готовности на плече. Мы пересекли пожарище и уже собирались нырнуть снова в пышный кустарник, когда в чаще перед нами раздался громкий треск. Мы остановились как вкопанные, сердце у меня забилось учащенно. Слоны? Нет, это был красный буйвол, удивленно воззрившийся на нас. Мы натолкнулись на его убежище. Сравнительно небольшое животное имело тонкие рога, мало изогнутые и совершенно плоские у основания и не напоминавшие поэтому тот грозный шлем, который обычно внушает страх. Буйвол не показался мне таким страшным, каким его часто описывают в охотничьей литературе. Мы же, очевидно, вызвали у него подозрения, и, чтобы обмануть нас, он опустил голову и сделал вид, будто щиплет траву. Этот маневр я уже и раньше наблюдал у многих диких животных, его не следует принимать на веру. Вот и теперь буйвол в следующий момент вскинул голову — посмотреть, как мы реагируем на его поведение. Но мы по-прежнему стояли неподвижно, это его успокоило, и в конце концов он углубился в чащу.

Мы двинулись дальше через лес. Проходили часы, а мы все шли настоящим форсированным маршем и только к вечеру наконец набрали на слонов. Иначе и быть не могло: эти великаны делают до восьми километров в час, мы же по такой труднопроходимой местности не проходили больше четырех. Абдуллах и Френсис, не меньше меня радостно взволнованные, прошептали: «Две слонихи со слоненком». Впервые я видел на воле самых крупных из живущих ныне млекопитающих нашей земли, и мною овладело странное чувство — смесь радости и страха. Мне часто приходилось раньше фотографировать слонов в зоологических садах, но я при этом не испытывал ничего особенного. Иногда я спрашивал себя, как бы могла обернуться встреча с таким гигантом в его естественном биотопе. И вот сейчас, в западноафриканском буше, я понял, какая огромная разница между обитателями зоологических садов и их сородичами на воле.

Слоны пили воду в труднодоступном болотистом уголке, плохо видимом нам из-за пышной растительности. Только изредка сквозь густую листву мелькали массив-

ные коричнево-серые тела слоних. Животные обливали себя водой и илом, крича от удовольствия. Френсис определил направление ветра, и мы, описав большую дугу, осторожно приблизились, чтобы лучше разглядеть животных. В деревьях на склоне резвилась стая обезьян; трещали сучья, раздавались какие-то странные звуки — обезьяны «беседовали». Но нам было не до веселой компании, нами владело одно желание — незаметно подкрасться к слонам, может быть, под прикрытием шума, который производили обезьяны. Но вот мы застыли в неподвижности, наблюдая зрелище, открывшееся нашим глазам метрах в тридцати от нас. Толстокожие не подозревали о нашем присутствии. Погрузившись в трясину по самое брюхо, они без усталости похлопывали себя по спине длинными хоботами и окатывали из них грязью всю в складках кожу. В такт движениям хобота веерами шевелились круглые уши. Настоящий косметический кабинет для слонов!

Благодаря форме своих ушей лесные слоны Западной Африки получили наименование «слоны африканские круглоухие» (*Loxodonta africana cyclotis*), что, впрочем, не совсем точно, так как в действительности их ушные раковины лишь слегка закруглены, а иногда расплющены не меньше, чем у степных слонов.

Наши слоники были довольно крупными животными, хотя среди лесных слонов много мелких особей. Последние, однако, не образуют самостоятельного вида, как предполагали раньше некоторые исследователи, а являются его разновидностью. Западноафриканские слоны вообще мельче и темнее, чем степные толстокожие Восточной Африки, величиной и весом бивней они также уступают своим степным собратьям. В мире животных часто бывает, что внутри одного вида жители степей крупнее и красивее обитателей леса. Однако качество слоновой кости зависит не от размеров и веса бивней, а от климата соответствующего ареала. Чем он теплее и влажнее, тем тверже, красивее и прозрачнее бивни обитающих там слонов.

Внезапно пошлепывание хоботами прекратилось. Стало совершенно тихо. Даже обезьяны замолчали. Что случилось? Мы переглянулись недоуменно. Сами ли слоны нас учуяли, или их предупредили бдительные разведчики обезьяньей стаи? Или где-то по лесу крадется

леопард? Мы так этого и не узнали. Убегая, стая обезьян зашуршала, как призраки, в кронах деревьев. Обе слонихи тоже забеспокоились, принюхиваясь, вытягивали хоботы то в одну, то в другую сторону, а затем обратились в бегство, но без особой поспешности. Одна из самок подталкивала беспомощного детеныша вверх по склону. Выйдя на его гребень, они затрусили друг за другом, малыш — посередине. Эти неуклюжие с виду великаны двигаются по бушу с невероятной легкостью, почти бесшумно, хотя взрослые слоны нередко весят больше пяти тонн.

Перед нами все опустело, и мы вышли из своего укрытия. Внизу на воде еще поднимались из трясины маленькие пузырьки, напоминавшие о недавней идиллической картине. Осторожно я вынул из фотоаппарата отснятую пленку. Мое сокровенное желание — заснять в Килими слонов — в самый последний момент осуществилось. Пора было идти обратно, мы и так только с большим трудом могли поспеть к «Баркасу» до наступления темноты.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ. ДРАГОЦЕННЫЕ АЛМАЗЫ

Покрытые походной пылью, измученные, мы возвратились в Теко. Из-за непогоды и ливней обратная дорога была сплошным мучением. А тут еще на меня напала непреодолимая слабость, сопровождавшаяся сильными приступами потливости. Я глотал подряд все пилюли, какие только были в моей тропической аптечке, а приехав в Теко, немедленно заперся в своей комнате и, безразличный ко всему, залег спать. То ли я перенес легкий приступ малярии, то ли сказалось ежедневное перенапряжение от походов по раскаленной саванне Килими — так или иначе, на следующее утро я почувствовал себя уже лучше и обдумывал планы новых поездок.

Мне сказали, что в больнице Магбураки работает группа советских врачей. Что могло быть естественнее, чем посетить их? Сказано — сделано. До Магбураки, на реке Рокел в дистрикте Тонколили, час езды машиной на юго-восток от Макени. Дорога туда, правда, без асфальтового покрытия, но вполне приличная. Магбурака,

Советский врач в больнице Магбураки

городок на северной дороге из Сефаду и Енгемы к алмазным россыпям,— типичное африканское поселение с одной широкой улицей и маленькой рыночной площадью. Прямо на улицу выходят и больничные ворота. Больница на сто двадцать коек и родильный дом построены при деятельной помощи Всемирной Организации Здравоохранения в Женеве.

Систематическое развитие здравоохранения было одной из самых неотложных задач молодого правительства Сьерра-Леоне. В 1965 году один врач приходился на 14 800 жителей, одна акушерка — на 22 600 женщин, зубной врач — на 218 400 человек, а фармацевт — даже на 243 000 человек. Кроме того, весь медицинский персонал был сконцентрирован в Западной области, а в глубинных районах страны положение было еще хуже. За десять лет независимости правительство сделало очень много для улучшения медицинского обслуживания. Значительную часть имевшихся средств оно вложило в строительство больниц и подготовку медицинских кадров. Достаточно сказать, что из восьмисот студентов,

направленных в 1972 году в Советский Союз, свыше пятисот училось на медицинском факультете. В том же году во всех больницах Сьерра-Леоне было по одному врачу, исключение составляли лечебные учреждения в городах Фритауне, Бо, Кенеме, Магбураке. Между тем в Тропической Африке людям угрожает куда больше болезней, чем в Европе. Первые советские врачи приехали в Магбураку по приглашению правительства Сьерра-Леоне в 1966 году. С тех пор здесь постоянно работает сменяющийся время от времени медицинский персонал из СССР. Сейчас группу из четырех врачей возглавляет москвич д-р Дубынин.

Когда я въехал на обширную территорию больницы, утренний обход подходил к концу. Советские врачи немало удивились при виде гостя из Лейпцига. За все время их пребывания в Сьерра-Леоне я вообще первый посетитель, захавший в такую глушь. По этому торжественному поводу я вручил д-ру Дубынику маленький подарок — бутылку настоящей советской водки (из пассажа «Медлер» в Лейпциге). Ничего лучшего я не мог придумать! За несколько минут между нами и даже между мной и пациентами установились самые сердечные отношения. Объяснялись мы с помощью молодого африканского терапевта д-ра Фофана, который, прекрасно владея русским, английским, немецким, менде и лимба, помогал преодолевать языковые барьеры. Фотографировать я мог сколько угодно.

Из пяти врачей дольше всех живет в Сьерра-Леоне анестезиолог Николай Гончаренко из Киева. С чисто русским юмором он рассказывает, что в 1968 году приехал в Магбураку, не зная ни слова по-английски, каждый день занимался языком по два часа и в результате стал говорить с ошибками... по-русски. Гончаренко работает здесь больше четырех лет, но страну, можно сказать, еще не видел: работа не позволяет. В больнице всегда должны дежурить три врача — гинеколог, хирург и терапевт. Пациентов так много, что медицинский персонал вынужден работать день и ночь.

Директор больницы, африканец, д-р Камара, рассказал о том, о чем из скромности умолчали советские коллеги:

— У нас катастрофическая нехватка мест. Вот посмотрите, сколько кроватей стоит под открытым небом!

Ведь больница предназначалась только для жителей ближайших районов, но из-за того, что у нас работают советские специалисты, мы буквально задыхаемся от пациентов. Что делать? У нас, например, нет изолятора для инфекционных больных, но не можем же мы отказать больным в помощи. Мы стараемся принять всех, а при этом еще надо соблюдать правила гигиены и порядок. К сожалению, у нас мало медикаментов, часто они поступают со склада во Фритауне с опозданием. Поэтому иногда родственникам больных приходится самим доставлять необходимые лекарства. Но, естественно, чаще других болеют и больше всех нуждаются в медикаментах бедняки из буша, и наименее обеспеченные получают у нас, конечно, бесплатную медицинскую помощь и лекарства. Об обслуживании остальных пациентов заботятся их ближайшие родственники.

Д-р Камара на секунду замолкает: мимо несут на носилках умершего, накрытого бумагой. Нахмурившись, он продолжает:

— Допустим, где-то в буше заболел человек. Его могут доставить в больницу только родные. У нас нет необходимых транспортных средств, а если бы они даже были, то нет дорог, по которым они могли бы проехать. Особенно трудно и к тому же опасно доставлять к нам больного, если у него какая-то инфекционная болезнь. Да, кстати, месяц назад мы открыли первую в Сьерра-Леоне поликлинику для детей до пяти лет, которая когда-нибудь станет образцом подобных учреждений для всей страны. Там мы делаем малышам профилактические прививки от наиболее распространенных в тропиках инфекционных заболеваний.

Начало, несомненно, прекрасное, но и оно, как я узнал из беседы, сталкивается с трудностями. Многие родители, еще не освободившиеся из плена традиционного мышления, не хотят делать своим детям прививки, пока те здоровы.

— А как вы относитесь к деятельности знахарей в тех сельских районах, куда ваше влияние еще мало проникло? — спрашиваю я врачей.

Д-р Камара пожимаяще улыбается и отвечает за всех своих коллег, африканских и советских:

— Научная медицина долгое время боролась против знахарства. Врачи считали его надувательством, а наду-

вательство, естественно, надо искоренять. Ученые были убеждены, что проверенное лекарство оказывает целебное воздействие само по себе, кто бы его ни применял — врач или пациент. Ну а если лекарство не действует, то опять же не в нем дело, просто неверно поставлен диагноз. Однако опыты с плацебо¹⁵ убедили нас в том, что это не совсем так. Например, пациентам, страдавшим мигренями, были прописаны таблетки якобы от головной боли, на самом деле таковыми не являвшиеся. Результат был поразительный: у большинства больных мигрени прекратились. Многочисленные эксперименты такого рода доказали, что в Европе выздоровление шестидесяти процентов всех больных, обращающихся за медицинской помощью, определяется именно плацебо. Из этого следует, что только часть целебного воздействия медицины основывается на силе лекарства, очень многое зависит от веры в него. Для больного из буша почти все, что ему «назначает» знахарь, — плацебо. Вера в колдовство, переносимое разными магическими приемами на «снадобье», имеет огромное значение. И совершенно безразлично, принимает ли больной лекарство внутрь или носит его на шее. Оно поможет, если больной верит в действенную силу колдовства. Конечно, не все недуги поддаются такому лечению: при переломе кости, скажем, заговоренный амулет помогает мало. Вернемся, однако, к вашему вопросу: до тех пор, пока мы не в состоянии открыть амбулатории во всех отдаленных селениях, не следует поносить знахарей. Наоборот, наша цель — сотрудничать с ними, тем более что эти люди накопили очень ценный опыт лечения с помощью природных средств.

Советские специалисты были полностью согласны со своим главным врачом. Затем д-р Камара и д-р Дубынин показали мне больницу. Хирург Гудовский, сам восторженный фотолобитель, с большим пониманием отнесся к моему увлечению фотографией и даже разрешил мне пройти в операционный зал, где он собирался сделать операцию с помощью медицинской сестры Тамары.

Я уехал, увозя с собой убеждение, что успешное сотрудничество африканских и советских врачей, прекрасная деловая обстановка не только способствуют выздоровлению пациентов, но и являются важным вкладом в укрепление дружбы между СССР и Сьерра-Леоне.

Теперь меня влекли к себе алмазы. Хотя у меня не было специального пропуска в знаменитый район алмазодобычи близ Сефаду в Восточной провинции, но, находясь на полпути к нему, в Магбурাকে, я не мог отказать себе в удовольствии посетить «сокровищницу» Сьерра-Леоне. После недолгих колебаний я по довольно сносной дороге поехал на восток и вскоре пересек реку Пампану. В нескольких километрах за рекой начинается район добычи алмазов, для посещения которого требуется пропуск. Иностранцам его обычно не дают, а если дают, то в виде большого исключения.

Часовой, вооруженный с ног до головы, строго потребовал мои документы. Алмазные прииски по хорошо понятной причине тщательно охраняются полицией и войсками, чтобы по крайней мере удерживать в каких-то рамках хищение драгоценных камней, ставших главным источником валюты для молодого государства. Совсем прекратить воровство невозможно: алмазы так малы, что их можно спрятать в самые потаенные места. Я предъявил мою пресс-карту с печатью министерства, и она снова сработала. Часовой немного поколебался, но затем пропустил меня. Я дал полный газ, и, прежде чем он мог передумать, я уже был далеко. Тем не менее я нервничал. И было от чего. Даже друзья в Теко при одном упоминании дистрикта Коно, где находились знаменитые алмазные россыпи, хмурились и уверяли меня, что там хлопот не оберешься.

Добыча золота и алмазов испокон веков привлекала к себе самых отъявленных авантюристов, богатство часто шло здесь рука об руку с преступлением. Об этом написаны горы романов, но мне хотелось все увидеть своими глазами. Еще я не кончил перебирать в памяти соответствующие сюжеты разных писателей, когда мне повстречался небольшой автомобильный конвой. Он состоял из трех «лендроверов». В первом стояли четыре полицейских с автоматами наготове. За ними следовала закрытая машина, которую вел также полицейский. Рядом с ним сидел человек в штатском. Через открытое окно я разглядел, что он держит на коленях ярко-красную сумку. Судя по охране, ее содержимое представляло собой большую ценность. В последней машине также сидели четыре полицейских, выставившие дула скорострельных карабинов на все четыре стороны. Весьма

воинственное зрелище! Я видел подобные конвои для перевозки алмазов еще во Фритауне и знал, что у них есть приказ без предупреждения открывать огонь при малейшей опасности, угрожающей человеку с опечатанной красной сумкой.

Только самоубийца может решиться приблизиться к такому конвою! Полицейские подозрительно оглядели мой безобидный «Баркас», словно предполагая в нем какую-то западню. При колониализме вооруженные нападения на британские транспорты алмазов не были редкостью. Да и теперь еще кое-где существуют организованные банды, которые стараются поживиться за счет молодого государства. Между тем дорога из Восточной провинции, где находятся алмазные копи, во Фритаун частично пролегает через малонаселенные местности, и именно там можно ожидать неожиданного нападения.

Первые алмазы на востоке Сьерра-Леоне были найдены в 1930 году. Сенсационные сообщения газет об этих находках вызвали настоящую «алмазную лихорадку». Со всех концов страны в Коио устремились молодые люди, чтобы древним старательским способом попытаться счастья и быстро разбогатеть. Целые деревни опустели: их жители ушли копать алмазы.

В 1935 году «Сьерра-Леоне селекшн траст», акционерное общество с преобладанием иностранного, преимущественно английского, капитала, получило концессию на добычу алмазов на всей территории страны. При разведке и разработке месторождений общество проявило поспешность, характерную для последнего периода колониализма в Сьерра-Леоне. В течение двадцати лет трест как единоличный хозяин алмазной концессии вел без помех добычу ценнейших полезных ископаемых, отчисляя взамен в бюджет колонии Сьерра-Леоне кроме ничтожного налога на горнорудные работы двадцать семь с половиной процентов чистой прибыли. Из-за начавшихся беспорядков среди африканского населения тресту в 1955 году пришлось отказаться от его монопольного положения. Он, однако, сохранил концессию на самые крупные и самые доходные алмазные россыпи в Енгеме и Тонго. Около сорока тысяч сьерралеонцев отправилось на поиски алмазов в ставшие доступными аллювиальные алмазоносные области Восточной и Южной провинций.

В 1959 году временное национальное правительство основало в Кенеме Государственное алмазное управление и передало ему монопольное право закупки и экспорта всех добытых на территории Сьерра-Леоне осадочных алмазов. Отныне «Сьерра-Леоне селекшн траст» передавал управлению половину своей добычи. Осенью 1970 года был сделан решительный шаг в деле национализации алмазной промышленности. По решению государства «Сьерра-Леоне селекшн траст» был обязан продать государству пятьдесят один процент своих акций, которые передавались вновь образованной государственной компании «Нейшнл дайамонд майнинг компани» — сокращенно ДИМИНКО.

Несмотря на введение государственного контроля над добычей и сбытом алмазов, контрабандный вывоз алмазов за границу по-прежнему процветает. Власти даже не могут определить его размеры. «В очень больших масштабах», — говорилось по этому поводу в официальных сообщениях. Соответственно закон «очень сурово» карает нелегальный вывоз алмазов. Тем не менее в алмазный район Сьерра-Леоне «просачивается», чаще всего через соседнюю Либерию, много людей, надеющихся на легкую наживу. Преобладают среди них проходимцы различных национальностей, которые действуют как подставные лица иностранных «дельцов» и сколачивают шайки контрабандистов для расхищения природных богатств Сьерра-Леоне. При таких условиях естественно, что малейшие сомнения в честности лиц, находящихся в районе россыпей, заставляют органы общественной безопасности принимать энергичные меры. Теперь только гражданам Сьерра-Леоне разрешается получать государственные лицензии на добычу алмазов. Работы ведутся в пределах «Области добычи алмазов по лицензиям» на строго определяемых в каждом отдельном случае участках, преимущественно в богатых водой болотистых местностях или в песчаных руслах рек. Все свои находки старатели сдают исключительно Государственному алмазному управлению в Кенеме, и оно же производит с ними расчеты.

В долине реки Сева я наконец увидел старателей. Им, местным жителям, с 1966 года открыт здесь доступ к алмазоносному слою гравия, протянувшемуся на сто шестьдесят километров вдоль реки. Стоя на мелко-

воде по колено в воде, они вонзали широкие лопаты в мягкий прибрежный песок. Алмазы залегают чаще всего в грядках гравия шириной пятнадцать-двадцать сантиметров, покрытых метровым пластом песка. Старатели слой за слоем снимали песок и гравий, промывали и просеивали в круглых лотках. На берегу возвышались высокие песчаные пирамиды — «отходы производства». Долго я наблюдал за старателями, работавшими в поте лица. Это тяжелая, кропотливая работа, целиком зависящая от везения и случайностей, в которой я при всем желании не обнаружил ничего романтического. Если бы мне пришлось менять профессию, кем-кем, а старателем я бы наверняка не стал.

На реке Сева работы ведутся только в сухой сезон, но Алмазное управление круглый год платит жалованье старателям. Работают они самыми примитивными орудиями, но кроме них добычу алмазов ведет с применением самых современных методов государственная компания ДИМИНКО. Она располагает на полигонах в Енгеме, Сефаду, Тонго и Моа обогатительными и сепарационными установками, заменяющими тяжелый ручной труд. Отделение драгоценных камней от гравия основано на способности сырых алмазов реагировать определенным образом на некоторые клейкие вещества и освещение. К сожалению, мне не разрешили посетить прииски и сделать там снимки.

Ежегодная добыча алмазов в Сьерра-Леоне составляет около двух миллионов каратов, не считая, конечно, нелегальной добычи. Только Государственное алмазное управление имеет право вывозить сырые или обработанные алмазы. Эти операции совершаются через посредство «Дайамонд корпорейшн Уэст Африка» (ДИКОРВАФ), международной торговой фирмы с широкими связями, в которой преобладает английский капитал. На долю алмазов приходится свыше шестидесяти процентов всего сьерра-леонского экспорта. Если считать на караты, Сьерра-Леоне занимает четвертое место в мире среди стран — экспортеров алмазов и поставляет около десяти процентов мировой добычи. Сьерра-леонские алмазы обычно превосходят по величине найденные в других странах Западной Африки и употребляются в основном для производства украшений. Алмазы пользуются огромным спросом и в промышленности — это самый твер-

дый из природных материалов, недаром его можно шлифовать только алмазной же пылью. Самый крупный в мире алмаз — в 245 каратов — был найден в Сьерра-Леоне еще в период колониализма и «подарен» английской королеве, которая поместила его в королевскую сокровищницу. После огранки и шлифовки его стоимость достигла пяти миллионов леоне, или около тридцати миллионов марок. Африканская собственность в чужих руках! Сколько мостов и больниц можно было бы сейчас построить на эти деньги в Сьерра-Леоне!

В КРААЛЕ ФУЛЬБЕ

В этот день было уже поздно ехать в Теко. Я остановился в маленьком местечке Багбема на реке Севе, ночь провел, изнемогая от жары, в моем «Отеле Баркас» на колесах и только на завтра возвратился в дом Сэма Джонсона.

Ветеринарная станция Теко функционирует давно — с 1942 года. Ее директор, молодой ветеринар д-р Каллон, учился в Каире. В последние годы в порядке осуществления государственной сельскохозяйственной программы для станции выстроено красивое современное здание. В обширных лабораториях под началом Сэма Джонсона производятся эксперименты над различными животными: мышами, кроликами и курами (белый леггорн).

Как ни важна научная работа в лабораториях, выезды на места, в скотоводческие районы, пожалуй, важнее. Из-за плохих дорог и отсутствия транспортных средств владельцы скота очень редко доставляют заболевших животных на станцию в Теко. Врачам и ассистентам приходится проявлять оперативность и систематически объезжать краали скотоводов. Для этой цели станция располагает несколькими автомобилями повышенной проходимости. Чаще всего животные страдают глистными и легочными заболеваниями, поносом, поражающим молодняк, куриной чумкой. В сельских местностях скот обычно содержится в помещениях без окон, лишенных необходимой вентиляции. Накапливающийся аммиак вызывает у животных воспалительные процессы. Серьезная опасность исходит и от мухи цеце

(*Glossina morsitans*), до сих пор еще широко распространенной в травянистой саванне Сьерра-Леоне. Цеце, как все жигалки, питается кровью, причем особую активность она проявляет в закатные часы, и вместе с ней всасывает паразитов микроскопической величины — трипанозом, которые переносят нагану крупного рогатого скота. В теле мухи они вызревают, и она при укусе передает их другому животному. Нагана вызывает потерю веса и в конце концов гибель животного. Пока цеце еще не истреблена окончательно, в зараженных ею местностях необходимо систематически проводить профилактические ветеринарные мероприятия.

Важнейшие районы скотоводства в Сьерра-Леоне — дистрикты Бомбали и Коинадугу в Северной провинции, где насчитывается около двухсот тысяч голов крупного рогатого скота. Правда, официальная перепись скота до сих пор не проводилась, да и провести ее было бы очень трудно, так как весь скот принадлежит кочующим пастухам-фульбе, или, как их иногда называют, фула. Преобладает порода ндама — желто-коричневой или темно-коричневой масти, с длинными, более шестидесяти сантиметров, рогами, изогнутыми вверху, чаще всего в виде лиры. Ростом они невелики, и даже четырехлетки весят обычно не больше двухсот килограммов, но у них есть другие достоинства: они долго живут, хорошо сопротивляются инфекции наганы, способны переносить повышенную влажность воздуха и длительные периоды засух. Ндама происходят с плато в горах Фута-Джаллон в Гвинее, теперь они широко распространены в Сьерра-Леоне, Гамбии, Либерии, западной части Республики Мали.

Однажды рано утром на ветеринарную станцию Теко приехал на велосипеде взволнованный вождь-фульбе. Он был одет в длинную, до колен, рубашку из батика с лиловым рисунком; маленькая шапочка на голове выдавала в нем мусульманина. Ему показалось, что в одном из его стад ндама появились опасные симптомы, и он приехал за помощью. Д-р Каллон и д-р Йохимс решили выехать на место, так как условия содержания скота часто помогают поставить диагноз. Для меня же это была уникальная возможность заглянуть в вари, загоны для скота в краалях фульбе. Правда, я слышал, что фульбе не очень-то любят фотографироваться, но сей-

час, когда они нуждались в помощи и совете, они могли проявить большую сговорчивость.

Крааль находился где-то в буше, в местности Бомбалибана. Йохимс, его помощник и я сели в один «лендровер»; Каллон и два ассистента — в другой. С ними же ехала огромная аптека, включая сыворотки для прививок и шприцы для инъекций. Дорогу водителю показывал фульбе. Вождь кроме фула, языка фульбе, говорил еще на менде. «Лендроверы» ураганом понеслись по дороге. При ее ужасном состоянии такую бешеную скорость могли развить только машины с повышенной проходимостью. Но и водители тоже не ударили в грязь лицом. В очень трудных дорожных ситуациях машины проявляли исключительную маневренность. Для этого повышенной проходимости мало, надо еще уметь как следует обращаться с гудком и тормозами.

За деревней Котеле мы вспугнули с арахисового поля небольшое стадо павианов, голов в пятнадцать, собиравшее «урожай». Павианы в основном вегетарианцы, и почти зрелые земляные орехи для них лакомое блюдо. Наш водитель, завидев их, немедленно остановился, нажал на кнопку и гудел очень долго, даже высунулся из окна и сам подражал рыку льва; павианов все это несколько не пугало, они и не собирались покидать «арахисовый рай». А старый самец с прекрасной серебристо-серой гривой решительно откинул голову назад и угрожающе оскалил страшную пасть. Этого водитель уже не мог стерпеть. Он выскочил из кабины, схватил первую попавшуюся под руку палку и с громким криком понесся на павианов. Испуганные детеныши в ужасе попрыгали, словно мячики, на спины матерей, и в следующий момент вся стая пустилась наутек, оглашая окрестности пронзительными воплями. Они, видимо, выражали свое возмущение «изгнанием из рая». Африканцы швырнули им вслед несколько камней, не вздумайте, мол, возвращаться, арахис сажали вовсе не для вас!

Хотя путь нам указывал фульбе, хорошо знавший местность, мы два раза заблудились в бездорожной саванне. Последние двести метров до крааля мы прошли по саванне пешком: вокруг вари деревья росли так густо, что «лендроверы» не могли проехать.

В краале нас с нетерпением ожидал пастух со своей семьей. Это были приветливые люди, высокие и строй-

ные, с коричневой кожей медного оттенка. На хозяине дома были широкие синие штаны ниже колен типа шаровар, из-под которых выглядывали голые ноги в светлых сандалиях. Его старый отец был одет точно так же, если не считать белой шапочки, которую он вежливо снял, здороваясь с нами. Особое гостеприимство проявила жена. Она поставила перед нами большую миску кислого молока, но вокруг нее вились мириады мух, с десяток насекомых барахталось в самой миске, борясь за жизнь, и нам всем вмиг расхотелось пить. Женщина, однако, не обиделась. К моему удивлению, она совсем не боялась фотографироваться. Заметив мои приготовления к съемке, она принесла из круглой хижины младенца и продемонстрировала, как она большим пестрым платком, снятым с себя, привязывает его к спине. При этом женщина обнажила свое тело без малейшей стыдливости, с чувством естественного достоинства. Ее дочь, почти взрослая девушка, тоже полуголая, сидела на корточках и доила коров. Вокруг них роились тысячи насекомых.

В просторных вари за крепкими изгородями находилось голов сто ндама, несколько коров бамбарской породы и двадцать пять телят. Скот, привыкший в это время пастись, вел себя очень беспокойно и агрессивно. Черно-белый шпиц, пришедшийся не по вкусу одной корове, с большим трудом ускользнул от ее острых рогов. К обоим ветеринарам коровы также отнеслись непочтительно, полагая, видимо, что лучший вид защиты — нападение. Разыгралось несколько веселых сценок, напомнивших мне бой быков в Провансе. Животные не подпускали ветеринаров к себе, и я, сидя на изгороди, на вполне безопасном расстоянии, веселился от души. Вдруг два быка подрались и злобно сцепились рогами. Сыновья фульбе, взрослые парни, нещадно лупили их здоровенными дубинами, но быки уgomонились не сразу.

Пастух-фульбе длинной веревкой, обвитой вокруг рогов больной коровы, привязал ее к дереву. Он с обоими ассистентами удерживал глупую скотину за заднюю часть тела, а д-р Йохимс осматривал ее и прослушивал. Из-за отсутствия определенных симптомов он не смог сразу поставить окончательный диагноз и распорядился сделать профилактические инъекции всем животным. Мы сгоняли коров ндама группами в угол кра-

аля, где вбитые в землю толстые бревна образовали загон шириной всего в восемьдесят сантиметров. Ндама по одной запирали в загон, шприц просовывали в просвет между бревнами, и он вонзался в тело пациентки, которая при этом взбрыкивала всеми четырьмя ногами и выражала свое недовольство могучим ревом. После инъекции фульбе открывал загон и выпускал животное пастись на свободе. Но когда первые двадцать коров оказались на воле, в остальных ндама проснулся стадный инстинкт. Они ринулись к узкому выходу, грозя разнести изгородь на куски. Тут же подбежали пастухи и орудовали палками до тех пор, пока порядок не был восстановлен. Прививки продолжались больше двух часов. К нам на помощь явился с палочкой в руках и четырехлетний сын хозяина, очень живой малыш, хотевший принять участие в укрощении коров. Но отец строго на него прикрикнул, и малыш с ревом убежал к матери, которая сумела его быстро утешить.

Телята, беспомощные и неопытные, еще не паслись самостоятельно в буше, таившем в себе слишком много опасностей, но прививки им, конечно, делали. Два пастуха выносили телят по одному из крааля молодняка, один держал задние ноги животного, другой — передние, а свободную руку засовывали в его пасть. Почти все телята издавали душераздирающий рев еще до того, как к ним прикасалась игла шприца.

До сих пор неизвестно достоверно, где находилась родина фульбе, откуда они перекочевали в Сьерра-Леоне. По мнению ученого Генриха Барта, они скорее всего пришли из Восточной Африки. Вероятно, переселение происходило в то время, когда Сахара изобиловала пастбищами, и фульбе двигались от верховий Нила через Северный Тибести, Восточный Тассили и Ахаггар к области Ход. Эту гипотезу подтверждает то обстоятельство, что изображенные на скальных рисунках вдоль этого маршрута пастухи крупного рогатого скота весьма напоминают современных фульбе и внешностью, и воспроизведенными деталями быта: прическами в виде срезанного шлема или с косой, круглыми хижинами, оружием¹⁶. Предки фульбе были воинственным народом, умевшим отстоять свою независимость. Они разводили скот, который в тогдашнем обществе ценился высоко и даже служил ходовым платежным средством.

Благодаря этому фульбе сначала в XVI, а затем в XVIII веке занимали ключевые позиции в экономике Западной Африки. В районах Фута-Джаллона и Фута-Торо, на территории нынешней Гвинеи, им удалось тогда создать прочные государственные объединения.

Хотя фульбе появились со своими стадами на территории Сьерра-Леоне еще в XVIII веке, местные племена земледельцев по-прежнему считают их чужаками. Фульбе ведут скотоводческое хозяйство экстенсивными методами, им приходится постоянно кочевать в поисках хороших пастбищ, часто в ущерб оседлым народам, которым стада фульбе нередко наносят большой урон. В 1966 году по инициативе правительства несколько вождей дьялонке заявили о своем согласии сдать в аренду фульбе земли, удобные для пастбищ; каждый участок был площадью около трех квадратных километров и предназначался для ста голов скота. Сельская администрация преследует этим мероприятием еще одну цель — заставить фульбе отказаться от излишков скота, продать их, чтобы впредь скот перестал быть показателем благосостояния. С тех пор фульбе быстро приобщаются к товарному хозяйству. Кроме фульбе в Сьерра-Леоне скотоводством частично занимаются дьялонке и лимба. И, наоборот, некоторые колена фульбе, например фута и телико, совмещают со скотоводством земледелие. Они выращивают на хорошо удобренной площади бывших вари арахис, маниок, просо и маис. Но есть группы фульбе (это кебу и боваи), которые остались кочевниками. Традиции и образ жизни фульбе никоим образом не опровергают гипотезу об их родстве с восточноафриканскими масаями, родиной которых предположительно также считают Северо-Восточную Африку.

К обеду ветеринары покончили с прививками. Коро-вы разбрелись по саванне, укрываясь от солнца в тени деревьев. Пасти их там не надо: единственный на всю округу водопой находится на территории крааля, и вечером жажда гонит скот домой. Когда мы пошли к «лендроведам», нас сопровождали мириады назойливых мух, и только возникший во время движения машин ветер освободил нас от преследователей.

Поездка оказалась очень интересной. Только бы снимки получились!

ВПЕРЕДИ ГОРЫ ЛОМА

На северо-востоке Сьерра-Леоне поднимаются почти на две тысячи метров над уровнем моря самые высокие в стране горы: чудесные Лома-Маунтинс с вершиной Бинтимани, или, как ее называют местные жители, Лома-Манса. Хассан, а потом д-р Зиттер и Т. К. Джон восторженно отзывались о красоте отдаленной горной местности, о богатой фауне, еще сохранившейся на ее необитаемом плато. Это остатки девственного западно-африканского ландшафта, сходные по своему характеру с некоторыми областями Восточноафриканского нагорья. Деревья здесь растут кущами, как в большом одичавшем парке. Между ними простирается обширная плоская саванна, где водятся маленькие западноафриканские антилопы различных видов, слоны, красные буйволы и множество обезьян, не говоря уже о птицах и пресмыкающихся.

Хотя подъем на пустынные горы Лома, где нет никаких троп, связан с большими трудностями, ретивые охотники на крупную дичь проникли в эту последнюю райскую обитель диких животных. Систематическое преследование зверья охотниками — причина того, что животные стараются держаться как можно дальше от человека. Если правительство осуществит свой план и действительно объявит все плато Лома национальным парком — первым в Сьерра-Леоне, то прежде всего необходимо будет полностью запретить в горах Лома охоту, чтобы звери не бежали от фотоаппаратов будущих посетителей, а подпускали их к себе достаточно близко. Из опыта охраны природы в других странах Африки известно, что доверие животных к человеку восстанавливается не меньше чем через пять лет после полного прекращения охоты. Только тогда туристы будут охотно летать вертолетами с пляжей Атлантического побережья в горы Лома, и тогда оправдаются капиталовложения в строительство на плато дорогих гостиниц и аэродрома малой авиации.

Все это я знал еще в Теко, когда решил посетить далекий горный край. Знал я также, что мне не обойтись без знающих и надежных проводников. Правда, судя по карте, горы Лома находятся вроде бы не так уж далеко от Макени, но саванна с ее бездорожьем, дожде-

вые леса и несколько рек образуют в этой части страны труднопреодолимые препятствия. Единственная дорога, идущая в нужном направлении, делает большой крюк через Кабалу к гвинейской границе, затем ведет вдоль нее до Курубонла, где она внезапно обрывается, а дальше уж не пройти даже самому лучшему вездеходу. Кто хочет увидеть горы Лома, должен идти пешком! Через два дня пути после Курубонла начинается подъем по узкой тропинке на плато Лома. Как в древние времена носильщиков, путешественники весь свой багаж тащат на себе. Ночуют они в палатках, так как ночи в горах довольно прохладные. Единственное, что здесь есть, и даже в изобилии, это чем утолить жажду: из всех расщелин течет холодная чистая вода.

Т. К. Джон подобрал мне спутников для похода в горы, трех студентов-африканцев, один вид которых производил впечатление абсолютной надежности: уверенные в себе, интеллигентные ребята атлетического телосложения, с большим чувством юмора. Один из них уже участвовал в восхождении на плато Лома и хорошо был знаком с особенностями этого горного массива. Двое других, как и я, открывали для себя новую страну, и мы засыпали нашего опытного проводника вопросами, на которые он отвечал с воистину ангельским терпением.

Т. К. Джон провожал нас в своем «лендровере» до Кабалы, маленького городка примерно в ста километрах к северу от Макени, где в эти дни проходила ежегодная сельскохозяйственная выставка дистрикта Коинадугу. Туда направлялось много народу, и тучи пыли, вздымавшиеся колесами машин, грязно-белой пеленой висели над узкой дорогой. Гнетущая жара вскоре отбила всякое желание разговаривать. Молча смотрели мы на расстилавшуюся перед нами сухую травянистую саванну, сознавая, какие трудности ожидали нас впереди. Лишь когда на востоке над плоской саванной внезапно вырисовались голубоватые холмы Гбенгбе, настроение улучшилось, спутники мои повеселели и из них градом посыпались старые анекдоты о путешественниках, смысл которых почти не доходил до меня, так как африканцы говорили преимущественно на крио. Затем мы проехали через маленькую деревушку, которая, как и столица Танзании, называлась Дар-эс-Салам — «Дом мира». В обоих случаях наименование говорит о преж-

нем арабском влиянии. Вообще же на этой северной дороге населенных пунктов встречается немного. Между редкими деревьями тянутся поля проса, маниока и арахиса. Кое-где попадаются посадки суходольного риса, хотя власти пытаются противодействовать выращиванию этой культуры и арахиса, способствующих эрозии почвы. Чем дальше на север, тем хуже становится дорога. Мы продвигаемся вперед медленно и прибываем в Кабалу лишь к обеду.

Вся Кабала живет ярмаркой. На натянутом у въезда поперек дороги полотнище надпись: «Добро пожаловать!» Улицы забиты людьми. В обычное время в Кабале живет около трех тысяч человек, преимущественно дьялонке, но сейчас по случаю торжеств в городок собралось в три раза больше людей. Непонятно, где разместится на ночь такое множество гостей. У меня, к счастью, собственный «отель на колесах», а три моих товарища переночуют у своих друзей.

«Баркас» осторожно пробивается сквозь пеструю толпу зрителей. Каждого вновь прибывшего они встречают восторженными криками, да и вообще ярмарка больше походит на народный праздник. Накрытые для защиты от солнца пальмовыми листьями, на лужайках выстроились рядами стенды с экспонатами. На них представлено в бесчисленных вариантах все, что родит земля Сьерра-Леоне, особенно плоды-рекордсмены и новые культуры. Посетители из близких и далеких мест с интересом и восхищением рассматривают великолепные посадки болотного риса, аккуратные грядки с огурцами, бобами, помидорами, перцем. Яркие рекламные щиты привлекают внимание к изделиям табачных фабрик «Нейшнл тобэккоу индастри Фритаун 555». Толпы народа собираются и около изделий деревообрабатывающих предприятий Кенемы: кроватей, столов, стульев, кресел, мисок, пепельниц, резных масок и других предметов из красного дерева. Многие из этих изящных изделий имели бы большой успех и в Европе. Рядом непрерывно демонстрируют действие механических орудий для обработки земли, сконструированных специально для африканского сельского хозяйства, и объясняют их устройство. Правда, толпящихся вокруг детей больше интересует, по-моему, блестящая красная поверхность машин, чем их полезное назначение. Среди посетителей

ярмарки присутствуют гости из Фритауна, Бо, Кенемы и, конечно, из дистрикта Коинадугу. Бросается в глаза большое количество женщин, а также их интерес к машинам. Это не случайно: женщина до сих пор главный работник в сельском хозяйстве, а в нем господствует древняя мотыга — даба. Правда, в Сьерра-Леоне есть сельскохозяйственные товарищества, но их мало и они в лучшем случае не больше нашего среднего огородного хозяйства. Да дело не только в машинах: современные методы земледелия не могут быть введены сразу, для них необходимы опытные подготовленные кадры. Ярмарка в Кабале — лишь один камушек в мозаике государственного плана развития высокопродуктивного сельского хозяйства.

На кишашей людьми ярмарочной площади женщины и девушки в длинных, до земли, пестрых платьях кажутся яркими цветами. Некоторые прячутся от солнца под веселыми зонтиками.

Появляется желтый вертолет с широкими обзорными окнами из плексигласа, делает над ярмаркой несколько кругов и здесь же, на площади, идет на посадку. На нем прилетели из Фритауна представители правительства — их присутствие на ярмарке должно подчеркнуть ее значение. Вертолет зависает над площадью — точь-в-точь нацелившийся на свою добычу сокол — и начинает снижаться метр за метром. Поднятый им вихрь на несколько минут разгоняет зрителей. С трапа сходят мэр Фритауна — он представляет премьер-министра, министр сельского хозяйства и секретарь правящей партии. Вокруг пыль, толчея, ликование... Мэр от имени Сиака Стивенса произносит приветственную речь, длинную и утомительную, потому что каждое его слово человек в белом переводит на дьялонке и выкрикивает в микрофон с такой силой, что оба громкоговорителя содрогаются. Ну и глотка у парня! После двух часов такой напряженной работы он даже не осип!

После официальных выступлений почетных гостей настает очередь Национального ансамбля танца из Фритауна, который неистово приветствуют все присутствующие, стар и млад. Ансамбль объединяет около сорока лучших танцоров, певцов и фокусников Сьерра-Леоне, выступают они в традиционных национальных костюмах. На звуки барабанов сбегаются те немногие

посетители, которые еще рассматривали экспонаты, хотя им нечего надеяться даже краешком глаза увидеть выступления за плотной толпой, запрудившей маленькую площадь. Кто помоложе, взбирается на деревья, грузовики и даже на выставочные стенды. Многие крыши из пальмовых ветвей под тяжестью восторженных зрителей проваливаются. Полицейские выбиваются из сил, стараясь поддержать порядок. Целых три часа толпа находится в плену волнующих ритмов, пока обессиленные танцоры не падают, подкошенные усталостью, на желтую траву.

Но этим отнюдь не исчерпывается программа праздника. Его организаторы на славу потрудились, чтобы развлечь гостей ярмарки. Конкурс красоты младенцев с выдачей премий кажется мне немного комичным, но, несомненно, показ образцовых «моделей» с пухлыми щечками, действительно находящихся в прекрасном состоянии, очень нужен в Сьерра-Леоне, где плохой уход за новорожденными является причиной высокой детской смертности.

Устроители праздника позаботились и о скачках. В них участвуют всего две гневные низкорослые лошади с маленькими головками, и обе, конечно, занимают «первые места». Лошади покрыты попонами с вышитым орнаментом, головы и шеи украшены цветными лентами; скачка происходит без седел. Для сьерралеонцев этот номер — настоящая сенсация, лошади здесь, как и во многих других странах Тропической Африки, большая редкость. В сельском хозяйстве они почти нигде не применяются, так как подвержены чуме крупного рогатого скота, передаваемой через укусы насекомого. Без регулярного применения дорогостоящих профилактических мер эта болезнь ведет к падежу животных. Распространена она главным образом во всех тропических областях с продолжительным летним сезоном дождей.

После выступления четвероногих начинаются, к большому удовольствию публики, соревнования команд различных союзов и объединений по перетягиванию каната. За ними следуют другие массовые игры, и, наконец, образуется знаменитый африканский танцевальный круг, в который встают все, кто хочет. Под звуки традиционных музыкальных инструментов — калebas, ударных дощечек, щипковых лютен и обтянутых кожей бараба-

нов — круг, подобно тысяченогой змее, движется ритмично по широкой площади, повторяя по команде все движения ведущего. У танцевального круга многовековая история. Так танцевали, часто доходя до экстаза, на всех праздниках деревенской общины, но, с тех пор как радио Фритауна передает современную танцевальную музыку, «домашний оркестр» и связанный с ним народный танец — увы! — быстро забываются. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, это — знамение времени, сопровождающее постепенный распад маленькой деревенской общины. И все же есть надежда, что в Африке многие элементы традиции и фольклора никогда не угаснут окончательно, окажутся куда более живучими, чем, например, в Европе. Не только потому, что африканцы страстно любят жизнерадостные краски и темпераментные ритмы. Главное, у них есть чувство общности. Оно унаследовано от древней деревенской общины, в нем — залог будущего могущества Африканского континента. Сейчас уже почти окончательно забыты распри между племенами и народами, поддерживавшиеся колонизаторами. Молодое поколение думает о другом: о всеобщем прогрессе страны, реализации всех ее возможностей, укреплении национального самосознания во всех слоях общества.

Вечером под открытым небом демонстрируются документальные фильмы о прогрессивных методах разведения кур и производства яиц, земледелия, скотоводства, обработки древесины. В заключение лучшим работникам сельского хозяйства вручаются премии.

Празднества продолжались и на следующий день. Мы тоже остались в Кабале. Но тут пришло сообщение, приведшее меня в необычайное волнение: Т. К. Джону рассказали, что на банановой плантации к западу от Кабалы стадо шимпанзе регулярно лакомится плодами. В сопровождении одного дьяконке я немедленно отправился на место происшествия. Плантация, окруженная густыми кустами и деревьями, находилась на дне небольшой долины с искусственным орошением. В сущности, это было настоящее садово-огородное хозяйство, где успешно, хотя и в небольших количествах, выращивались все овощи, начиная от салата и кончая сладким картофелем. По краям долины росли кокосовые пальмы и деревья манго. Но посадки не были ограждены, и хо-

зяин плантации жаловался, что нет житья от обезьян. Он терпел большие убытки от набегов не одних только шимпанзе, его разоряли также павианы и белоносые гусары. Что и говорить, он был расстроен чрезвычайно, мне же стоило немалого труда ничем не выдать свою радость: может, мне посчастливится и я сфотографирую здесь диких шимпанзе.

Рядом с огородами я соорудил укрытие из пальмовых ветвей и широких банановых листьев, которому постарался придать естественный вид. Правда, шимпанзе привыкли к постоянному присутствию людей и вид работающих на огородах батраков несколько не мешает им каждый день лакомиться фруктами, но цвет моей кожи и блеск фотоаппаратов могли их отпугнуть, а я не хотел рисковать.

Запасшись терпением, я влез в мое жаркое и душное убежище и, то и дело вытирая пот со лба, стал ждать, что будет дальше. Прежде всего появился весь персонал плантации — полюбоваться сумасшедшим фотографом в его «парилке». Неторопливо осмотрев все самым тщательным образом, они и не подумали уйти, а остались стоять около укрытия, куря и переговариваясь. Им тоже хотелось посмотреть на шимпанзе! У меня волосы стали дыбом: ни один шимпанзе никогда не появится перед таким сборищем. И действительно, хотя в конце концов я уговорил людей разойтись, шимпанзе я в этот день так и не увидел.

Утром я снова залез в укрытие. Аппарат я укрепил на штативе и вставил в систему видоискателя пентапризму с крышей. Таким образом я избавил себя от необходимости держать камеру в руках много часов подряд. Чем выше поднимается солнце, тем короче становятся тени. Необходимо часто измерять освещенность, потому что при использовании цветной обратимой пленки ошибка на половину деления шкалы диафрагмы может привести к нежелательному искажению цвета и уж обязательно повлияет на проработку ярких освещенных участков или темных теней. Надо было все предусмотреть: если снимки не получатся из-за моей собственной небрежности, я себе этого никогда не прощу.

Время тянулось медленно, и я чувствовал, что от ужасной жары у меня слипаются глаза. Вдруг на другом конце долины возникло какое-то движение. Я поднес

бинокль к глазам: небольшое стадо огненно-рыжих гусаров с белым брюхом и длинными белыми ногами — местные жители называют их «пата» — подбиралось к посадкам арахиса неподалеку от меня. Тонкий хвост гусара по длине не уступает стройному худому туловищу, а то и превосходит его. Возглавлял стадо довольно крупный самец с хорошо выраженными бакенбардами. Несмотря на пятисотмиллиметровый телеобъектив, на таком расстоянии гусары были недоступны для моего аппарата. В душе я страстно надеялся, что пата останутся незамеченными, иначе поднимется крик, на пата обрушится град камней, и мои труды опять пойдут прахом. К счастью, все было тихо... Проходили часы, солнце уже стояло довольно высоко. Между широкими листьями бананов свисали тяжелые грозди плодов; одни — светло-зеленые, другие — зрелые, ярко-желтые. Большую спелую гроздь я положил в качестве приманки для шимпанзе на землю между крепкими лжестволами бананов. Из моего убежища «наживка» была хорошо видна, в нее я «попаду» наверняка. К слову сказать, шимпанзе вовсе не вегетарианцы, они употребляют и мясную пищу в виде насекомых и мелких млекопитающих.

Вдруг я услышал необычный шум в кустах за плантацией. Кто это на сей раз — шимпанзе или, может, снова другие обезьяны? Я напряженно прислушался. Прошла, казалось, целая вечность, и наконец в тени банановой рощи появилось пять или шесть темных волосатых существ. Сомнений не оставалось: это шимпанзе, человекообразные обезьяны в естественных условиях. Какое зрелище! Они вовсе не старались ступать тихо и осторожно по желтой траве, напротив, производили довольно сильный шум, и я боялся, как бы они не привлекли к себе сразу же внимание садовников. Трое взрослых животных, очень крупных, все время держались под прикрытием листвы и кустов, а два детеныша играли и резвились где попало. Передвигались они довольно быстро почти в вертикальном положении, опираясь о землю руками, которые намного длиннее ног. Мне обезьяны показались очень комичными — так много было в них «человеческого». Вдруг один детеныш заметил положенную мною гроздь и радостно бросился к ней. Теперь он сидел всего в двенадцати метрах от меня

и неотрывно смотрел круглыми карими глазками на мое укрытие. Подозревал он что-то неладное или его просто привлекал блестящий глаз телеобъектива?

Секунду я колебался, а затем поспешно нажал два раза на спуск. Когда еще мне представится такая возможность! Металлический щелкающий звук вызвал любопытство шимпанзе, но идти дальше он не решился. Уши цвета сырого мяса, лишенные волосяного покрова, торчали на маленькой круглой головке подобно большим слуховым трубкам. Участки кожи вокруг глаз, носа и рта, ладони рук и подошвы ног, также не покрытые растительностью, выделялись яркими светлыми пятнами. Он, очевидно, забеспокоился, не грозит ли ему опасность со стороны моего укрытия, и насторожился. Вдруг, словно повинувшись внезапному порыву, он резким движением оторвал от грозди два больших плода, отбежал назад, мигом вскарабкался на развилину листьев банана, устроился там поудобнее и принялся за свою добычу. Расправившись с ней, он радостно замахал обеими руками сразу и издал какой-то странный звук вроде бляения. Другой молодой шимпанзе ответил ему тихим «уп-уп-уп». А в это время взрослые животные углубились на несколько метров дальше в густую банановую рощу, ломая растения на своем пути, то ли невзначай, то ли нарочно. Время от времени они тоже издавали звуки, но настолько тихие и глухие, что я не мог понять, выражали ли животные ими удовольствие или просто поддерживали контакт друг с другом.

По подсчетам известного этолога профессора А. Кортланда (Амстердам), численность диких шимпанзе в Африке в настоящее время приближается к четверти миллиона. Они обитают и в дождевых лесах, и на открытых саваннах. В Западной Африке, их исконном ареале, популяция шимпанзе в последние десятилетия сильно сократилась. Исключение составляет Гвинея. Сьерра-Леоне каждый год выдает свыше ста лицензий на экспорт представителей этого вымирающего вида обезьян. В ближайшие десятилетия шимпанзе могут сохраниться в больших количествах только в Республике Гвинее, так как там почти полностью запрещен экспорт в зоопарки мира человекообразных обезьян и принимаются меры по охране природы. Кроме того, религия запрещает употреблять в пищу мясо шимпанзе, а в некоторых райо-

нах — и убивать их, даже если они уничтожают посе­вы. Зоологи Сьерра-Леоне требуют, чтобы правительство по примеру Гвинеи выделило районы, где шимпанзе на­ходились бы в безопасности и где ученые могли бы зани­маться их изучением.

Человекообразные обезьяны африканских лесов мень­ше и темнее своих сородичей, обитающих в саваннах. В отличие от лесных жителей, которые неохотно спу­скаются на землю, обитатели саванны привыкли дер­жать туловище в вертикальном положении, то есть они ходят и бегают на задних конечностях, а свободными передними могут обороняться от хищных кошек. Корт­ланд производил многочисленные эксперименты близ Бени, на востоке Заира, над дикими шимпанзе и чуче­лом леопарда с электрическим двигателем. Его интерес­ные работы были повторены и продолжены в Пастеров­ском институте в Гвинее и в других учреждениях Аф­рики. Они убедительно доказали, что шимпанзе умеют пользоваться палкой для обороны от врагов.

Маленькая стая перед моим укрытием расшумелась вовсю. Громко трещали ломавшиеся ветки. Взрослые обезьяны ни минуты не находились в состоянии покоя, они прыгали, бегали, раскачивались на деревьях, били себя руками по туловищу, боролись и кидались малень­кими веточками. Если они приходят на плантацию каж­дый день, то, конечно, наносят ей серьезный урон. По­нятно, почему местное население так ненавидит чело­векообразных обезьян! Едва завидев на поле шимпан­зе, крестьяне кидаются на «нечистей», хватая все что ни попадет под руку.

Пока я раздумывал над тем, как помешать этим ве­ликолепным человекообразным обезьянам истреблять сельскохозяйственные культуры, прибежали два садов­ника и с громкими воплями бросились на воров. Сна­чала шимпанзе затаились среди бананов, но, видя, что дело плохо, спрыгнули на землю, явно нехотя, и удали­лись, впрочем без особой поспешности. Я вылез из ук­рытия. Садовники смотрели на меня с откровенной враждебностью: по их мнению, мне давно бы следовало прогнать «злодеев». Этот случай лишний раз убедил меня в том, как нужны национальные парки, которые позволяют избежать противоречий между потребностями человека, в частности необходимостью защиты плодов

его упорного труда, и охраной животного и растительного мира. Если не поставить дело защиты природы Западной Африки по образцу восточафриканских государств, истребление шимпанзе и других вымирающих видов скорее всего неотвратимо.

Праздничный угар в Кабале развеялся. Стенды сельскохозяйственной выставки убраны, гости разъехались. В деревне снова наступили будни. Но ее жители еще долго будут вспоминать и сам праздник, и показанные им достижения.

Трое моих спутников меня ожидали, только Т. К. Джон накануне уехал в лесничество Макени. Мы загрузили в «Баркас» вещи, фрукты, питьевую воду и двинулись по своему маршруту — в Курубонлу.

Чем дальше, тем все более пустынным становилось северное высокогорье. Мы проезжали десятки километров, не встречая ни единого человека. Часто местность вокруг мало чем отличалась от полупустыни, потому-то и дорога на севере находилась в столь плачевном состоянии. Во время последнего дождливого сезона мощные потоки воды, сошедшие со склонов гор, вымыли в верхнем покрытии дороги глубокие и широкие рытвины; для «Баркаса» это было серьезным препятствием. Нижняя опора подвески двигателя то и дело ударялась о выступавшие с их дна камни. Как я ни остерегался, мне никак не удавалось уберечь «Баркас» от ударов.

Через несколько километров после деревни Камбиле под капотом двигателя раздался громкий треск, машина забуксовала, в двигателе что-то загремело и... все! Мы остановились. Несколько секунд мы сокрушенно смотрели друг на друга, затем я поднял капот двигателя и тут же с отчаянием понял, что прекрасной мечте о горах Лома не суждено осуществиться. Левое крепление подвески двигателя полностью сорвалось с рамы и висело в воздухе. Из-за этого сломалась ось вентилятора, а следовательно, почти не действовала система охлаждения. Хуже ничего быть не могло. Нет нужды объяснять, что это означало на трудных горных участках, притом в тропиках, где вода в двигателе и на равнине-то всегда кипит. Подлинной причиной этой серьезной аварии была, вероятно, загадочная поломка перед паромом на Малой Скарсис. Оставалось удивляться, как «Баркас» еще выдержал так долго!

Я сидел на иссохшей земле в состоянии полной апатии. Никогда мне уже не увидеть последнюю цель моего путешествия в Северной провинции — горы Лома. Нам надо возвращаться, в этом не было сомнений. Что я мог сделать без технических приспособлений, прежде всего без сварочного аппарата? При таком состоянии машины даже поездка обратно была рискованным предприятием. Мои спутники тоже удрученно молчали.

Но первый шок миновал, в нас снова пробудилась энергия, и мы взялись за «Баркас», чтобы по мере сил вдохнуть в него жизнь. Сломанную часть оси вентилятора мы подвязали веревкой, так что она не задевала ремень вентилятора. Сорвавшуюся часть блока двигателя я обвязал толстым канатом, который студенты из всех сил подтянули вверх, только в этом положении передача еще действовала. После этого мы развернулись и черепашьими темпами, словно боясь расплескать воду, поехали через Кабалу в Макени. Хотя студенты старались как можно прочнее привязать блок двигателя к раме, он при малейшем толчке угрожающе подрагивал. Поездка была очень тяжелой, хорошо еще, что двигатель окончательно не вышел из строя. Никогда бы не поверил, что таким необычным способом можно без всяких происшествий проделать больше двухсот километров.

Возвращение в Макени было вдвойне печальным из-за того, что лил проливной дождь. Неудержимо приближался главный, летний сезон дождей. Как только мы оказались в городе, я тут же сообщил по телефону Т. К. Джону о нашем Ватерлоо в северных горах. Он дал дельный совет: в ремонтных мастерских министерства труда немедленно сделают всю необходимую сварку. Через два часа «Баркас» был уже в исправности. Но ось вентилятора заменить не удалось, а с неисправной системой охлаждения я не отважился второй раз пускаться в дальний путь в горы Лома. Можно было, конечно, нанять машину с водителем, но это стоило бы небольшого состояния.

В Теко я провел еще несколько дней — прощался с африканскими друзьями, благодарил их за помощь. Однажды утром неожиданно пришла телеграмма от представителя нашего судоходного агентства во Фритауне: «Теплоход Зоннеберг воскресенье прибывает Фритаун».

Это судно доставит «Баркас» на родину, в Росток, я же полечу немного позднее самолетом Интерфлюга через Сахару и Средиземное море. Утром я выехал в сторону побережья.

ПРАЗДНИК СВОБОДЫ

Въезжая под вечер 19 апреля во Фритаун, я и не подозревал, что этот день стал для Сьерра-Леоне историческим: в десять часов утра премьер-министр Сиака Стивенс провозгласил республику! Народ встретил это замечательное сообщение бурным ликованием.

Через десять лет после того, как 27 апреля 1961 года государство Сьерра-Леоне достигло независимости, оно окончательно сбросило с себя оковы английского владычества и установило полный государственный суверенитет. Страна, бывшая последним звеном в цепи Британского содружества на континенте Африки, превратилась в республику, возглавляемую уже не королевой Англии, а африканцем, д-ром Сиака Стивенсом. Над бывшим дворцом губернатора, теперь резиденцией президента, вместо английского «Юнион Джека» развевался национальный флаг Сьерра-Леоне. Если не считать чисто символического парада войск с выносом знамен, великий день прошел без особых торжеств. Они были отложены на восемь дней, до десятой годовщины независимости Сьерра-Леоне.

Хассан и Корделия очень обрадовались, увидев меня живым и здоровым после долгого путешествия. Вечером мы отпраздновали мой приезд в загородном баре «Атлантик». Недавно построенный на мысу полуострова Сьерра, выдающемся в Атлантический океан, он быстро стал излюбленным местом развлечения фритаунцев. Это была моя последняя поездка на «Баркасе»: завтра его погрузят на теплоход «Зоннеберг» и повезут домой. Хассан предложил мне временно пользоваться малолитражным автомобилем, который он купил в мое отсутствие. Попутно я учил бы его водить машину. В Сьерра-Леоне нет водительских курсов, как у нас в ГДР, и тот, кто хочет научиться управлять автомобилем, покупает в полиции за одну леоне (около пяти марок) так называемое учебное удостоверение, дающее право ездить по го-

роду, но в сопровождении опытного водителя. Последний несет полную ответственность за своего подопечного и следит, чтобы тот выполнял правила уличного движения.

Вот эта почетная задача и выпала на мою долю. Мы купили знак с большой буквой «У» («учебная»), прикрепили его к машине и немедленно приступили к делу. Известно ведь, что каждому новоиспеченному владельцу автомобиля не терпится на нем прокатиться. Пригласили мы и Корделию, но она с кисло-сладкой улыбкой отказалась: надо же кому-нибудь потом навещать нас в больнице. Хассан оказался способным учеником. Он очень быстро избавился от неуверенности, перестал путать педали тормоза и газа и жать на них что есть сил, не выходил из общего ряда машин — одним словом, показал такие успехи, что уже на следующий день я разрешил ему доехать по оживленным улицам до порта, хотя сам от волнения вспотел больше, чем храбрый Хассан за рулем. Он удивительно быстро «почувствовал» свою малолитражку. Я не сомневался, что он очень скоро будет ездить совершенно уверенно, сдаст в полиции экзамены и получит водительские права.

Еще через день утром я довез Хассана до птицебойни в Киси, а сам поехал по городу. Про знак «У» я и думать забыл, и мне о нем напомнил только полицейский на мотоцикле, которому из-за большого движения пришлось догонять меня целых три километра. После этого он, естественно, пришел в очень сильное раздражение: «ученик», даже без положенного сопровождения, развивает такую скорость! Улыбаясь, я предъявил свои права, но это его не смягчило: двадцать лет иметь права и не снять с машины «У» непростительно, очень плохо, вэри бэд!

Вокруг нас мигом собралась толпа прохожих, которые никогда не откажут себе в удовольствии полюбоваться оштрафованным автомобилистом. Ох уж эти безжалостные пешеходы! Полицейский, искоса взглянув на толпу, охочую до зрелищ, решил как можно скорее со мной «распрощаться». Строгим официальным тоном он приказал мне немедленно, в его присутствии, при его личном участии устранить «камень преткновения» — снять пресловутое «У». И ехать дальше, да поскорее!

Толпа встретила его решение громким ропотом. Когда я вечером проезжал с Хассаном мимо этого полицейского, он приветливо кивнул, задержал, пропуская нас, движение на перекрестке и расплылся в ослепительной белозубой улыбке. Хассан был сражен. «Вы знакомы?» — спросил он недоверчиво. «Еще бы, я со всей полицией на ты». — И я рассказал Хассану о маленьком происшествии.

Накануне Дня независимости на стадионе Брукфилд состоялся интересный футбольный матч: встречались сборные Сьерра-Леоне и Гамбии. Это великое спортивное событие привлекло тысячи болельщиков, которые тесными рядами сидели на трибунах вокруг бурого песчаного поля без единой травинки. Многие женщины пришли в красивых национальных костюмах, хорошо выделявшихся живописными пятнами рядом с белыми или одноцветными рубашками мужчин.

Хассан взял меня с собой неохотно. Он опасался, что при неблагоприятном исходе игры между болельщиками возникнет потасовка, в которой может пострадать не моя персона — это его нисколько не беспокоило, — а ценное фотооборудование. Стадион и в самом деле был забит полицейскими и солдатами с дубинками. При выходе команд на поле по трибунам пронесся шквал рукоплесканий, который уже позволял судить о темпераменте зрителей. Игроков приветствовали представители спортивных обществ, а после разыгрались сцены чуть ли не ритуального характера, каких не увидишь на европейских стадионах. Одни игроки осеяли себя крестом, другие молились, стоя на коленях, третьи произносили над мячом заклинания. Судья терпеливо ждал, пока команды займут свои места и фотографы освободят поле. Я был здесь единственным европейцем, и мои камеры «Пентакон-шесть» из Дрездена привлекали всеобщее внимание. Мне это было не совсем на руку: не оставаясь даже на миг не замеченным, я не мог снимать сюжеты, умаляющие, по мнению африканцев, их достоинство. Не такой я «фотохищник», чтобы снимать любой ценой, даже ценой бестактности.

Наконец раздался свисток, и началась полуторачасовая борьба за мяч под горячим солнцем Африки. Игра была корректной, но, по нашим представлениям, на уровне техники окружных сборных. Тем не менее в обо-

их таймах не обошлось без напряженных моментов. В конце концов победила Гамбия со счетом 4:1. Я ожидал взрыва негодования со стороны болельщиков и был приятно поражен дисциплинированностью публики, особенно ее корректным отношением к чужой команде. Не уверен, что европейские зрители реагировали бы на победу противника с таким же тактом, как зрители на стадионе Брукфилд.

В перерыве между таймами и после окончания встречи поле было предоставлено духовому оркестру сьерра-леонской полиции. Свыше сорока музыкантов в парадной форме: нарядном синем со стальным отливом мундире, белой кожаной портупее и заостренных тропических шлемах — английское, несомненно, влияние — под бодрые звуки марша вышагивали, как один человек, делали красивые повороты, расходились, снова сходились, менялись местами, проходили сквозь ряды и даже описывали по одному большие полукружия. Мне редко доводилось видеть столь точную работу духового оркестра. Ни одной заминки, никакой спешки — все с пунктуальностью хорошего часового механизма. Оркестр был награжден громом оваций.

Утром 27 апреля стадион Брукфилд был забит до отказа. Фритаун праздновал День независимости Сьерра-Леоне, а главное — провозглашение республики. Легкий ветерок, долетавший с моря, развевал на белых флагштоках флаги государств, представленных на торжестве почетными гостями. Задолго до начала я был на месте — с фотокамерами, конечно, и огромным запасом пленки. Меня окружали радостно взволнованные, сияющие лица.

Праздник начался с выноса знамен; войска были в красочной парадной форме — ярко-красных мундирах, черных брюках с красными лампасами, красно-черных фуражках. Когда прибыл президент в своем лимузине, по знаку генерала, обнажившего голову, над стадионом прогремело трехкратное «гип-гип ура!». Президент Стивенс, почти семидесятилетний человек, в светлом костюме, с тростью в правой руке, обошел в сопровождении офицеров Главного штаба армии ряды солдат, которые стояли неподвижно, ружье к ноге. Офицеры

держали левую руку на эфесе сабли, правую прикладывали в знак приветствия к фуражке. Под звуки десяти артиллерийских залпов из четырех орудий над Брукфилдом был поднят флаг молодой республики.

Великолепный парад и заключительные строевые упражнения почти тысячи солдат, опять же по английскому образцу, поражали обилием красок, торжественностью, необычайной отработанностью каждого движения. Прямые как стрела шеренги солдат по сто человек в каждой совершенно синхронно выполняли повороты, шагали вперед, назад, в стороны. Были продемонстрированы различные виды маршировки. При самой медленной — ее названия я, к сожалению, не знаю — солдаты двигались точь-в-точь как при замедленном показе кинокадров. Зато самая быстрая ходьба, «кукла на веревочке», выполнялась очень четко в ритме быстрой музыки, почти бегом. Стадион принимал выступление восторженно, некоторые зрители в каком-то неистовстве подбрасывали вверх цветы, шляпы и даже туфли. Офицеры штаба в свите президента довольно улыбались. Бравые ребята повторили один из своих номеров и только тогда под звуки веселого марша ушли с поля. Их место заняли бронетранспортеры-вездеходы и броневики, которые напомнили сьерралеонцам, что прямое назначение их славной армии — это защита молодой республики.

Во второй половине дня вышли на демонстрацию предприятия, школы, общественные организации, спортивные клубы и другие объединения — перечислить их все невозможно. Сотни людей в праздничных платьях, старинных национальных костюмах, аккуратных школьных формах современного покроя шли с песнями и танцами между бесконечными шеренгами любопытных через празднично украшенный город на стадион Брукфилд. Началась демонстрация карнавальным шествием, воспроизводящим главные этапы истории Сьерра-Леоне: высадку португальцев, работорговлю, события эпохи колониализма. Без дьяволов и демонов, конечно, не обошлось, они тоже участвовали в шествии. Далее следовали увитые цветами и гирляндами колесницы, на которых были воспроизведены эпизоды из современной жизни; здесь фигурировали медицинские сестры и врачи, портовые рабочие, горняки, крестьяне. Во всех угол-

Темпераментные танцы захватывают зрителей

как города ряженные музыканты играли на различных национальных инструментах.

Вступление на стадион шествия, растянувшегося на целый километр, вызвало новый взрыв восторга у зрителей. Их собралось шестьдесят тысяч человек, и ни один не довольствовался ролью пассивного созерцателя, все рвались сами участвовать в танцах, песнях и других развлечениях. Временами я не слышал собст-

Музыкальное сопровождение

венных слов, раздавался только глухой гул деревянных барабанов, плывший над шумом огромной пыльной площади. Охваченный общим возбуждением, я снимал не переставая и то и дело менял пленку.

На импровизированных подмостках появился национальный ансамбль танца, хорошо знакомый мне по ярмарке в Кабале,—и давка на стадионе достигла опасных для жизни размеров. Меня, наполовину раздавлен-

ного, вместе с африканскими коллегами прижали к краю эстрады. Барабаны то и дело заходились в экстазе. Си- лам порядка только ценой величайшего напряжения уда- валось сдерживать натиск ликовавших людей, устремив- шихся к сцене. Наконец, толпа отхлынула и представ- ление танцевального ансамбля началось. Оно явилось триумфом народного искусства. Танцы, пение, демон- страция фокусов продолжались даже после наступления темноты, под призрачным светом факелов. Но не толь- ко стадион Брукфилд, весь Фритаун до глубокой ночи праздновал на улицах и площадях День свободы. Это замечательное событие, завершившее путешествие по стране Львиных Гор, останется в моей памяти навсегда.

Через десять дней я прощался с Фритауном. Хассан и Ганс Юрген Порат привезли меня в аэропорт Лунги, где на поле стоял сверкающий самолет Интерфлюга. Он доставит меня над просторами Сахары и темной синью Средиземного моря в далекий Берлин.

Поднимаясь по трапу в самолет, я вспомнил слова, которыми накануне меня напутствовал начальник ин- формационного отдела Рой Джонсон: «Не забывайте, наше государство еще очень молодо и ему приходится преодолевать множество внутренних трудностей. Бед- ность, болезни, неграмотность, бездорожье, недостаток жилых домов далеко не исчерпывают их список. Но мы твердо верим, что восторжествуем над ними, и тогда наш маленький народ поднимется до такого же уровня жизни, какой уже достигнут жителями ГДР и других дружественных нам стран. В современном мире наука и техника развиваются необычайно быстро, поэтому мы не можем обойтись без помощи высокоразвитых про- мышленных государств. Наша свободная страна стре- мится к мирным отношениям со всеми государствами и считает своим другом каждого, кто помогает ей бороть- ся против отсталости и укреплять свое хозяйство».

Самолет вырулил на старт. Моторы Ил'а взвыли, корпус машины задрожал. Вот уже отпущены тормоза. Самолет все быстрее бежит по взлетной полосе, и не- заметно серебряная птица отрывается от земли. Дале- ко внизу стоят Хассан и Порат. Они все еще машут мне на прощание. Мы летим на родину.

Книга, с которой вы только что познакомились, принадлежит перу известного фотожурналиста из ГДР, автора прекрасных работ о животном мире Африканского континента, в особенности его восточных областей. Но «В стране Львиных Гор» — рассказ о первом знакомстве Харальда Ланге с африканскими странами, состоявшемся раньше, в феврале — апреле 1971 г. И поэтому книга интересна как впечатления человека, в первый раз увидевшего Африку. Известно ведь, что хотя с первого взгляда видишь обычно лишь внешность вещей и явлений, однако этот же «первый взгляд» может иногда выхватить такую яркую деталь, какой не заметит человек, присмотревшийся к окружающей обстановке.

Первая «африканская» книга Х. Ланге небезынтересна и в другом отношении. Ее автор оказался в Сьерра-Леоне в очень важный, можно сказать, этапный момент истории страны — в самый канун провозглашения независимой Республики Сьерра-Леоне. И он показывает нам ее именно такой, какой она была в этот момент, со многими ее проблемами — политическими, экономическими, культурными, проблемами, которые еще предстоит решить и которые очень непросто решать.

Харальд Ланге сумел увидеть многое. У него зоркий взгляд, и, что очень важно, взгляд доброжелательный. Автор книги смотрит на Сьерра-Леоне глазами гражданина социалистической страны. Он хорошо понимает глубинные причины многих бед молодого африканского государства. И даже в тех случаях, когда не может сразу отыскать верное объяснение какому-либо, на наш взгляд, странному факту, не спешит с выводами, всегда стремится прежде всего понять. А в тех случаях, когда понять так и не удастся, не скрывает этого. И, наверное, хорошо делает; потому что вся книга проникнута некоторой легкой самоиронией, от которой облик автора становится в глазах читателя по-человечески симпатичным.

Вообще, юмора в книге немало, и обычно это хороший юмор. А такое не столь уж часто можно встретить в том все расширяющемся потоке путевых впечатлений об Африке, какой получает массовая читательская аудитория от наших издательств.

Вероятно, именно эта человеческая привлекательность, которая хорошо видна в книге, немало помогает Ланге легко и быстро сходить с довольно разными людьми. А это ведь очень важно в профессии журналиста, тем более в такой поездке. Едва ли Ланге смог бы иначе за два с небольшим месяца, проведенные в стране, увидеть все то, что ему удалось увидеть.

Правда, можно на это возразить, что таким успехам Ланге немало способствовало чисто случайное обстоятельство — встреча еще в порту Фритауна с молодым ветеринаром Хассаном Ибрахимом Калвертом, учившимся ранее в ГДР. Однако если вдуматься, то встреча эта предстанет перед нами как не такая уж и случайная. В самом деле, разве не закономерно, что в наши дни молодой человек из африканской страны едет обучаться нужной для своей родины специальности в социалистическое германское государство? И так ли случайно, что после этого у него сохраняются самые теплые воспоминания о гражданах этого государства и живой интерес к тому, как они живут? Ведь Хассан узнал о предполагаемом приезде автора книги именно потому, что продолжает читать газеты ГДР и после возвращения на родину. Так что можно, пожалуй, говорить скорее о закономерном характере встречи Ланге и Калверта, о том, что такая встреча — своего рода знамение времени.

Все это, однако, не отменяет того, что было сказано об общительности автора. Знакомства знакомствами, но он прекрасно ладит и с представителями молодой сьерра-леонской интеллигенции, такими, как ветеринар Джонсон, лесничие Джон и Конте, и с простыми крестьянами, такими, как его проводник, охотник-сусу Абдуллах.

А это ведь совсем не простая и легкая задача — найти общий язык с крестьянами. И Ланге показывает читателю живой пример трудного процесса поисков этого языка, когда описывает беседу лесничего Джона с незаконными порубщиками. Люди поначалу просто не могут понять, чего от них хочет этот городской человек,

государственный служащий: тот, кому это требовалось, испокон веков рубил лес. Это же так естественно, зачем нужны какие-то бумаги от правительства где-то далеко во Фритауне, в котором почти никто из них и не бывал? И простой административный акт — пресечение незаконной порубки — превращается для крестьян в урок преодоления старой психологии, ограниченной интересами в лучшем случае своей деревни, и в урок осознания себя полноправными гражданами, а значит, рачительными хозяевами целой страны. Им предстоит еще немало таких уроков, прежде чем они обретут необходимую ныне широту кругозора и научатся мыслить по-новому. Но это неизбежная и необходимая работа, причем не для одних только крестьян. Показательно ведь, что лесничий именно как такой урок гражданственности и рассматривает весь инцидент: он не собирается штрафовать порубщиков, главное для него — пробудить в этом крестьянине и его соседях проблески нового гражданского сознания. Отсюда — его выдержка, его терпение и настойчивость.

Собственно, приобщение африканского крестьянина к новому сложному и не всегда понятному миру — одна из главных тем книги Ланге. Он касается ее и в этом эпизоде, и когда рассказывает о работе ветеринарной станции в Макени или о прививках фульбскому скоту, и когда описывает областную сельскохозяйственную выставку. Во всех сферах жизни африканским странам нужно наверстывать отставание, срочно усваивать новое. Это наверно самая главная, самая важная из стоящих перед ними многочисленных задач. Поэтому Ланге прав, уделяя в книге столько места самоотверженной работе пока еще немногочисленной национальной интеллигенции и молодого рабочего класса Сьерра-Леоне.

В книге хорошо видны ростки нового, которые свидетельствуют об определенных успехах страны в строительстве народного хозяйства. С живым интересом описывает Ланге современную птицефабрику во Фритауне. Он показывает читателю в сравнении вчерашний и сегодняшний день экономики страны на примере дорожных работ в глубинных районах республики. Впечатляют картины выставки лучших образцов сельского хозяйства: ведь важно, что что-то сдвинулось, начало меняться в лучшую сторону в одной из самых консерва-

тивных и отсталых отраслей — земледелии. И даже в традиционном скотоводстве, отрасли скорее престижной, чем экономически эффективной, начинают наблюдаться кое-какие отрадные перемены. Разве обратился бы в прежние времена хозяин стада за ветеринарной помощью при первом же подозрении на какое-то неблагополучие со своим скотом?

Да, новое медленно, но неуклонно берет верх. Однако прогресс несет с собой и определенные издержки. Особенно в тех случаях, когда он связан с вовлечением страны во все более широкие отношения с мировой системой капитализма и страна испытывает на себе воздействие законов рыночной экономики. Сьерра-Леоне, как и другие страны Африки, столкнулась с этими издержками и тогда, когда дело касалось попыток хищнически эксплуатировать ее минеральные богатства, и сейчас, когда возникает настоятельная необходимость оградить от истребления многие виды ценнейших животных, обитающих в лесах и саваннах республики. Глубокая и, увы, вполне обоснованная тревога звучит в словах ученого и зверолова Зиттера, когда он говорит об угрозе природным богатствам страны вследствие повышения спроса на мировом (добавим: капиталистическом!) рынке на «экзотических» животных и птиц. Власти Сьерра-Леоне с помощью честных ученых-иностранцев вынуждены принимать серьезные меры для охраны этого ценнейшего общенационального достояния.

В книге хорошо видно, что молодое африканское государство с готовностью принимает помощь своих зарубежных друзей. Таков Зиттер, таковы ветеринары в Макени. Но с особенной теплотой описывает Ланге наших соотечественников — врачей, работающих в сьерра-леонской «глубинке». И тот авторитет, какой они завоевали у жителей ближних и дальних деревень, свидетельствует, что простые люди Сьерра-Леоне прекрасно понимают цену истинно бескорыстной братской помощи.

Что еще можно сказать о книге Х. Ланге? Наверное, что фотографии автора еще больше усиливают чувство искренней и заинтересованной доброжелательности, которым пронизана вся книга — рассказ друга об одной из пятидесяти стран Африканского континента, о жизни ее народа.

Л. Куббель

¹ Правительство Л. С. Сенгора (1960—1980) провозгласило «франкофонию» официальной культурной политикой Сенегала. Пока речь идет о всемерном расширении изучения французского языка, о непрерывно нарастающем обмене учащимися и т. п., такие культурные контакты можно было бы только приветствовать. Однако основная цель политики «франкофонии» не столько в этом, сколько в идеологическом подчинении формирующейся новой сенегальской культуры буржуазной модели культуры, которую представляет официальная культура современной Франции.

² Обозначение «орден» мало подходит для тайных союзов Западной Африки. Эти организации, создававшиеся еще в родовом обществе, первоначально имели целью, как справедливо пишет автор, подготовку молодежи к исполнению гражданских обязанностей в обществе. Со временем, однако, союзы сделались в руках родо-племенной знати мощным орудием укрепления ее власти и обогащения. В этом своем качестве союзы, в частности Поро, активно участвовали в работоторговле. В наши дни та самая бесплатная работа на полях, о которой говорится в книге, оказывается средством укрепления влияния деревенской верхушки.

³ Возражения против употребления термина «племя» вызываются не столько отсутствием общепринятого определения этого понятия, сколько тем, что племя связывается в науке с определенной стадией общественного развития, а именно с доклассовым обществом. Между тем большинство народов Африки уже миновали эту ступень развития. Поэтому широкое использование термина «племя», с одной стороны, занижает уровень общественного развития многих народов, а с другой — преувеличивает степень этнической дробности населения Тропической Африки.

⁴ Расизм как идеологическое явление возник в период ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками рабства во второй половине XVIII и начале XIX в. Основой его служило не столько утверждение об отсутствии у Африки своей истории и культуры — оно было уже вторичным, — сколько представление об африканце как о существе, стоящем в биологическом, а значит, и в интеллектуальном отношении ниже европейца, а потому самой природой предназначенном для работы на «белого человека». Что же касается аболиционистов, то, ни в коей мере не умаляя заслуг и гуманизма таких людей, как У. Уилберфорс или Г. Шарп, следует вместе с тем иметь в виду и следующее. Среди противников рабства в Англии немало было тех, кто сделался таковым не из гуманных побуждений, а из политического расчета: эти люди рассматривали запрет работоторговли как действенное средство для того, чтобы подорвать экономику бывших британских колоний в Северной Аме-

рике. Ведь хозяйство молодых Соединенных Штатов в большой мере строилось на использовании рабского труда.

⁵ После провозглашения Сьерра-Леоне в 1971 г. независимой республикой д-р Сиака Стивенс был избран ее президентом и занимает этот пост и поныне.

⁶ Численность населения Сьерра-Леоне в 1977 г. составила около 3,5 млн.

⁷ Речь идет о попытке военного переворота, предпринятой в 1970 г. и направленной против правительства премьер-министра Сиака Стивенса.

⁸ Буш (от англ. bush — букв. «куст», «кустарник») — в обиходе означает как сами заросли, так и, более широко, глубинные районы страны, удаленные от столицы и вообще от городских центров и морских портов. Что касается собственно зарослей, то под словом «буш» чаще имеется в виду растительность саванного типа.

⁹ Аланг-аланг — сорняк, один из видов так называемой слоновей травы, злакового растения рода Pennisetum (чаще всего — *P. purpureum*).

¹⁰ Разница между суннитами и шиитами сводится вовсе не к признанию или непризнанию сунны (букв. «обычай» — имеется в виду обычай пророка): у умеренных шиитов существует своя сунна. Притом сунна включает предания о действиях и высказываниях только самого Мухаммеда, но не его сподвижников. Догматические различия между умеренными шиитами и суннитами (мы здесь не касаемся крайних шиитских течений типа исмаилитства) не так уж и велики. Главное же в том, что шииты любого толка не признают законности преемников пророка — халифов — после четвертого, которым и был Али, убитый в 661 г. Законными руководителями мусульманской общины в целом — имамами — они считают потомков Али (само название «шииты» происходит от араб. *шиат Али*, т. е. «партия Али»), расходясь между собой относительно того, какие именно из этих потомков имеют право на сан имама.

¹¹ Тезис о «приближении» традиционных верований к монотеизму отражает влияние распространенного в западной немарксистской науке представления о некоем изначальном «прамонотеизме» африканских религий. Эти представления зародились в среде католических миссионеров и были направлены на то, чтобы способствовать сближению между африканскими религиями и христианством. Реальное положение дел Ланге убедительно показывает дальше.

¹² Каско-полис; каско — страхование перевозочных средств, как сухопутных, так и морских.

¹³ Кобольд — в немецком фольклоре нечто среднее между нашими домовым и лешим; описываются обычно в виде безобразных карликов, которые постоянно берутся и шумят.

¹⁴ Колонизаторы не слишком активно «навязывали» свою культуру африканцам; скорее, они старались не допускать их к действительным достижениям европейских народов в этой области. Но в то же время какой-то минимум европейской культуры, который администрация вынуждена была в своих же интересах давать очень немногочисленной прослойке колониальной интеллигенции, служил орудием отчуждения этой интеллигенции от своего народа и превращения ее в послушных слуг колонизаторов. И этой же цели служило подчеркивание мнимой «неполноценности» африканских культур.

¹⁵ П л а ц е б о — лекарственная форма, содержащая не лечебные, а нейтральные вещества и выполняющая, по сути дела, психотерапевтическую функцию. Может быть также использована в экспериментальных целях.

¹⁶ Вопрос о принадлежности изображенных в Сахаре пастухов к предкам современных фульбе остается пока дискуссионным. Перемещение «протофульбе» из Северо-Восточной Африки в Центральный и Западный Судан относится ко времени, когда Сахара уже высыхала; это движение происходило вдоль ее южных окраин, что само по себе отнюдь не свидетельствует об изобилии пастбищ в центральных частях Сахары. Таким образом, не исключено, что миграции предков фульбе намного «моложе», чем изображения пастухов в Сахаре.

В Африку	3
В самой большой естественной гавани Западной Африки	11
Светлая полоса на горизонте	16
Фритаун с первого взгляда	20
Немного истории	33
На птицебойне и в трактире	45
Контрасты, везде контрасты	51
По Западной области	61
Иные страны, иные нравы	73
«Белое золото» Порт-Локо	81
Беспокойные дни Фритауна	90
На ферме «Подкова»	96
По пути в Макени	107
«Секе, секе!» — приветствуют меня темне	117
Расхитители леса. Водопады и попугай	127
Пасхальные дни в буше	137
На север, в травянистую саванну	147
С восхода до заката	161
Верные друзья. Драгоценные алмазы	174
В краале фульбе	183
Впереди горы Лома	189
Праздник свободы	201
Послесловие (Л. Е. Куббель)	209
Примечания (Л. Е. Куббель)	213

Харальд Ланге

В СТРАНЕ ЛЬВИНЫХ ГОР

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *О. М. Гэрсен*. Младший редактор *Л. В. Исаева*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 14238

Сдано в набор 04.11.80. Подписано к печати 24.04.81. Формат 84×108¹/₃. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,34. Усл. кр.-отт. 11,84. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4800. Зак. 741. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28